

ВЛАДНИКИ И КОНИ

ПАВЕЛ ФЕДОРОВ

ПАВЕЛ ФЕДОРОВ

**ВИАДНИКИ
ИКОНИ**

РОМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
МОСКВА · 1962

ЧИТАТЕЛЮ О КНИГЕ

В этой книге читатель встретится с Максимом Бражниковым, знакомым ему по роману П. Федорова «В Августовских лесах», в котором изображались первые дни Великой Отечественной войны. Роман «Всадники и кони» продолжает рассказ о жизни Максима в последующие годы войны. Написанный от первого лица роман воспроизводит события, связанные с рейдом кавалерийского корпуса по тылам противника в 1941—1943 годах.

Хороший, правдивый язык, тщательно выписанная вплоть до мелочей фронтовая обстановка, запоминающиеся образы советских конников — главные достоинства романа.

Ст. Боньмен.

ИЗДАНИЕ

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ДЕТСКИЙ БИБЛИОТЕКАРСКИЙ ЦЕНТР
ПОГАЩЕ
г. Ижевск.

Хр

Разрешено к продаже

За окном госпиталя всю ночь буйствовал холодный февральский ветер. Круто нагибая тонкую молодую березку, он хлестал ветками по раме, царапал дребезжащее стекло, словно пытаясь проникнуть к моему изголовью, цепко схватить за волосы и поднять утомленную бессонницей голову.

В то утро мне было очень плохо. Кровать казалась неудобной и узкой, скомканные подушки — маленькими, жесткими. А ведь только месяц тому назад я мог спать в полусидячем положении, в грязной траншее, где противно хлюпала под ногами вода, а в горло лез едкий пороховой дым от разорвавшейся мины или снаряда. Я мог

сладко дремать и под ритмичный шаг уставшего коня, гычась носом в его колючую, коротко остриженную гриву.

«Ах вы, кони, мои кони, златогривые...» Тяжеленко о вас вспоминать на госпитальной койке.

Неспокойно давя надоевшую подушку, я тоскливо рассматривал свою загипсованную до самого плеча руку с уродливо торчащими в бинтах посиневшими пальцами и с мучительным напряжением ждал рассвета. Меня угнетал белесый сумрак палаты и тошнотворный запах лекарств. В голову с беспощадной ясностью лезли тягостные мысли. Хотелось яркого солнечного утра, теплых весенних лучей, хотелось цветов на зеленой полянке, узеньких лесных тропок с бойкими суетливыми муравьями. Хотелось жить здоровой, бодрой, всеисцеляющей жизнью, видеть Глашу... От ее мягкого, ласкового взгляда, наверное, утихли бы все боли и успокоилось истосковавшееся сердце. Но беда в том, что от Глаши почти два месяца нет писем. Последнее я получил в январе. Оно пришло в сером надорванном конверте, проштампованном жирными печатками целого десятка гражданских и военно-полевых почт. Оно было послано еще в конце ноября.

«Милый Максимушка!

У нас здесь тоже война! Я пишу у костра, дождик заливает огонь, и на бумажку мою тоже текут капли. Мы угоняем скот, коров, овец и коней, какие остались. Фашисты уже заняли Отраду Кубанскую и теперь где-то совсем близко. Кругом грязища, воет ветер, и режут в арбах голодные ребятишки... В горах на нас нападали какие-то бандиты, и старые казаки едва отбились.

Мы ползем все дальше и дальше, куда, еще сами не знаем, где нас застанет зима. А если скоро ударит мороз, то мы застынем вместе с нашими овечками...

А у меня, если бы ты знал, уже ворохнулся под сердцем ребенок... Я сама не знаю, что со мной будет. Батяка смотрит на меня быком и доброго слова не скажет. Вот что мы с тобой натворили... Да я не каюсь, ты не думай, милый! Только уж время-то выпало на нашу долю такое... Аж думать об этом страшно. При виде злых, измученных наших стариков у меня душа холодеет. Я тоже стала, ой, какая злюка, не даю бородачам ни якого спуска... А им не очень-то нравится, когда над ними баба командует...

Выручает меня Саввушка Голенищев. Он золотой че-

ловек и как-то ловко умеет со всеми поладить и меня любит и оберегает...

Прощай, Максимушка, целую тебя и обнимаю крепко. Один бог знает, какая судьбина нас ждет впереди. Заканчиваю писать. Вся промокла насквозь.

Твоя Глаша».

2

Наконец в нашу палату неожиданно заглянуло скупое на теплоту февральское солнце. Я еще раз прочитал это печальное письмо, бережно сложил его дрожащими пальцами вчетверо и сунул под подушку. Не выпуская из рук конверта, размышлял над тем, что сейчас тяжело приходится всем: и тем, кто на фронте, и тем, кто в тылу. Где-то сейчас в снежных Кавказских горах мается с голодными детишками, овцами и телятами беременная Глаша, и мне почему-то плохо верится, что я когда-нибудь увижу своего ребенка. Борясь со своими недугами, в предчувствии долгого и мрачного одиночества, я с горечью вспоминаю все недавние, еще свежие события, беру лежащую на тумбочке толстую тетрадь в клеенчатом переплете и пытаюсь записать какие-то мысли. Когда я пишу, то забываю все на свете, не обращаю внимания даже на резкий стук домино. Этим делом с утра до вечера занимаются выздоравливающие. Когда устаю, опускаюсь на подушку, натягиваю на голову пропахшее лекарствами одеяло и плотно закрываю глаза. Передо мной, как на большом полотне широкого экрана, снова возникает та далекая теперь, фронтовая тяжкая драма, о которой я и хочу рассказать в этой тетради.

...Шел 1942 год. Наш гвардейский корпус в составе двенадцати кавалерийских полков после жестоких и скоротечных боев на реке Гжать стоял на отдыхе в районе Красного Городища.

Мы ждали пополнения. Нам не хватало личного состава, недоставало и коней.

В тот памятный для меня день было туманное, чуть прохладное утро. Из-за верхушек густо-зеленого ельника вынырнул солнечный луч и заглянул на дно котелка, из которого я выскребывал остатки гречневой каши. Я затракал около шалаша, покрытого смолистыми пахучими

хвойными лапами. Это было наше с Гришей Молостовым жилье и наш маленький эскадронный штаб. Григорий Илларионович Молостов — мой заместитель по политической части. Он старше меня на целых десять лет, поэтому все офицеры эскадрона — командиры взводов, молодые лейтенанты, произведенные в это звание из сержантов, — зовут его дядей Гришей. Самому дяде Грише шел в то время 35-й год. Со своими бывшими, как я, сержантами он воюет с первых дней войны. Все мы прошли разными дорогами нелегкий путь военной страды. Четырнадцать месяцев войны, которые нельзя уложить даже в целое столетие... Я недавно окончил ускоренное офицерское кавалерийское училище со званием старшего лейтенанта. Дядя Гриша уже в третий раз после тяжелого ранения возвратился из госпиталя. На днях ему присвоили звание капитана, и коммунисты единодушно избрали его секретарем партбюро полка. Сейчас он ползает на коленях по нашему шалашу, собирает в вещевой мешок свои нехитрые пожитки. Он уезжает в штаб полка, и нам обоим грустно расставаться. Война сроднила нас очень крепко. Это трудно объяснить обыкновенными, простыми словами. И чтобы глубже понять, надо пережить все то, что мы пережили вместе с ним... Дядя Гриша очень спокоен и уравновешен в бою и фронтовом быту. Я же, наоборот, горяч и часто неопозволительно резок и вспыльчив.

В таких противоположностях наших характеров мы как-то удачно взаимно влияли друг на друга и уверенно вели за собой полторы сотни подчиненных нам людей. К тому же и Григорий Илларионович, бывший инструктор Тамбовского обкома партии, кадровую службу прошел в артдивизионной конной тяге, поэтому отлично умеет управлять конем. А для службы в кавалерии, да еще в казачьем полку, — это немалое для политработника качество.

— Ну, кажется, все! — выталкивая из отверстия шалаша вещевой мешок, устало проговорил Григорий Илларионович.

— Если что и забыл, так доставим как-нибудь, — глядя на его смуглое от загара, широкобровое лицо с коротко подстриженными усиками, сказал я.

— Уж наверное! — откликнулся он и весело засмеялся.

— Над чем, товарищ капитан, смеетесь?

— Над вами, конечно, товарищ гвардии старший лейтенант! — ответил он мне в тон.

— Я как будто ничего смешного не сказал.

— А насчет доставки? — подмигнул он лукаво и поправил съехавшую на затылок кубанку. Кубанка была мохнатая, потертая и не такая, как у меня, — щегольская, что справил я еще в офицерском училище из дорогого мельчайшего каракуля.

— Ну, что насчет доставки?

— Ничего... — загадочно ответил дядя Гриша и, оттолкнув вещевой мешок в сторону, присел, вытянув ноги, обутые в яловые, много видавшие сапоги. — Уезжать не хочется, вот что, брат Максим...

Григорий Илларионович глубоко вздохнул, покусывая соломинку, отвернул лицо и прислушался к отдаленным звукам строевой песни. Они гулко плывут по затаившемуся лесу и уносятся ввысь, в далекое синее небо:

...ба-а-а-евая честь нам дорогая!
Кони сытые бьют копытами...

Мы молчим. Я в такт песне постукиваю алюминиевой ложкой о котелок и чувствую в горле предательскую судорогу. Недостает еще того, чтобы я расплакался, как баба... Песня приближалась. По лесу вдруг отчетливо и призывно запела труба. Сигнал звал к штабу командиров эскадронов. Я отложил котелок, вскочил и оправил на плечах командирское снаряжение, состоявшее из недавно полученных новеньких портупейных ремней, полевой сумки, планшета, пистолетной кобуры и шашки, пристегнутой к широкому поясу.

— Ну, бывай здоров, Максим. Мне пора, — медленно поднимаясь, проговорил дядя Гриша.

Мы молча обнялись. Дядя Гриша быстро подхватил вещевой мешок и, сутуля широкую в гимнастерке спину, скрылся в кустах. Я слышал, как глухо звякали на протоптанной тропке колесики его шпор и резко хрустнула сухая, кем-то оброненная ветка.

Минуту спустя из-за шалаша на кривых коротких ногах, с увесистой плетью в руке, как шар, выкатился старшина эскадрона бурят Семен Хугандуков. Он был кряжист, приземист, с широким приплюснутым носом на круглом скуластом лице, с умным прищуром веселых

косоватых глаз. Это был второй — после меня — хозяин эскадрона, строгий, расчетливый и необыкновенно смекалистый. Приложив руку к маленькой, чудом державшейся на большой голове кубанке, он доложил, что кони подседланы и можно ехать в штаб. Сегодня мы должны были принять новый конский состав. В тяжелых боях на Гжатском плацдарме во время массированных налетов вражеской авиации мы потеряли много коней. Сейчас с конезаводов и из колхозов прибыло новое пополнение. Какие нам достанутся?

— Лошади, однако, товарищ старший лейтенант, я вам скажу! — Хугандуков шлепнул смуглыми широкими ладонями по синим с зеленым кантом брюкам и опустил к начищенному носку сапога свою кистистую плеть.

— Хороши или так себе? Ты видел? — спросил я, набивая табак в трубку. Тогда многие из нас предпочитали курить трубки. Одни — из удобства маскировки, другие — ради щегольства. Любил иногда форснуть и я.

— Видел! Как же! Это не кони, а мысли, товарищ старший лейтенант! А какого коня я для вас подсмотрел!..

— Подсмотреть можно, а вот как его взять.

— Это, конечно, задача, — вздохнул Хугандуков. — Я уже ходил вокруг коновязей, заглянул к ветдоктору, котелок малины отнес. К нему жена на побывку приехала, красивенькая, черноглазая. Аж сердце у меня заболело, когда на них глядел...

— Свою вспомнил?

— А как же! Пацанов, однако, тоже двое, как тут не вспомнить...

— У доктора двое?

— У меня же! У доктора, наверное, нету. Молодежь еще...

В ожидании, когда коноводы приведут коней, Семен присел на ближайший пень, похлестывая по измятой траве плеткой, продолжал чуть хриловатым баском:

— Коней-то полтыщи. Каких дадут, однако...

— Ты же малины, говоришь, отнес... — подмигнул я ему.

— Пустое дело, — безнадежно махнул он плеткой. — Целая депутация приехала с Кавказа. Коней привезли и добровольцев тоже. Доктор сказал, что самых лучших

коней получают те подразделения, которые хорошо воевали и за конями ухаживали. Наш эскадрон-то кругом первый. Орденов-то у нас побольше, чем у других, — с гордостью поглядывая на свои два ордена и медаль, продолжал Семен. — Гжать кто первый переплыл? Наш эскадрон. Железную дорогу взорвали мы, однако. А кто разбил бронепоезд? Наши пограничники... Кому же должны лучшие кони достаться? Я бы на вашем месте начальнику штаба майору Шевчуку все сказал напрямик. Как же иначе!

— Почему же тогда говоришь, что пустое дело?

— Про доктора говорю. Ничего не видит, кроме зеленой юбочки своей женки. Закрылся в шалаш, как медведь в берлогу. Взял котелок и кушает там мою малину... Я ему то и се, и пятое, десятое... Разный подход пробовал. Машет руками, иди, иди... Конечно, что я могу тут сделать?

Семен говорит не торопясь, обдумывая слова, и почти каждую фразу сопровождает энергичными жестами, будто подлаживаясь к стройному ритму приближающейся песни. Это взвод кавалеристов нашего эскадрона прошел по лесной тропе и направился к штабу. Мы примем коней, а бойцы сами приведут их сюда. Звуки многоголосой песни тревожат проснувшийся лес. За шалашом стучат о корневища подковами, позванивают задетыми о ветви стременами четко вышагивающие кони. Коноводы подвели лошадей. Я опробовал подпругу и сел в седло. Хугандуков быстро разобрал поводья. Рыжая тонконогая кобылка подогнулась и вздохнула. Всадник явно был не по ней.

В одном из последних боев у Хугандукова погиб его любимый конь Вал. В те же дни потерял своего коня и я. Правда, на Трензеле я ездил мало и не успел привыкнуть к нему по-настоящему. Вал же служил Семену свыше трех лет. Привел он его в полк с пограничной заставы, на нем же совершил и знаменитый иранский поход. Подобрать военного коня — дело нелегкое. Да и мало оставалось в эскадроне коней, на которых можно было бы остановить свое внимание, но мы рассчитывали получить новых. Хугандуков по этому поводу уже произвел соответствующую разведку. Мы ехали в полк с большим нетерпением, не подозревая, что этот день принесет нам много счастья, радости, а больше всего тяжкого горя...

Когда мы прибыли в расположение штаба полка, все командиры подразделений были уже в сборе. Я еще издалека услышал звонкий хохот командира пулеметного эскадрона капитана Василия Заставина. Знаменитый песенник и лихой рубака, он прибыл к нам зимой сорок второго года с дальневосточной границы. Я тогда служил командиром взвода станковых пулеметов. Старший лейтенант Заставин был назначен к нам командиром эскадрона. Помню, как шумно ввалился к нам в хату высокий румяный детина с огненно-рыжим чубом и стал обнимать, тискать за плечи всех пулеметчиков подряд. Потом присел к столу и запел звонким, чарующим тенором: «Где ж ты, хмэлю, зиму зимовав тай не развився...» — и покори́л всех окончательно и бесповоротно. Так с ходу, в один миг, веселым освежающим ветерком врывалась в угар войны товарищеская любовь и фронтовая дружба.

Командиры эскадронов сидели под могучей разлапистой елью и балагурили. Чтобы раньше времени не разжигать страстей при распределении коней, начальник штаба полка майор Кондрат Шевчук собрал командиров около штабной землянки и приказал никуда не отлучаться. Списки, как сообщил он, были уже составлены и находились у командира полка подполковника Кушнарева.

Мы с Хугандуковым подъехали к штабной землянке с тыла и видели, как толпилась у ели, сочно похохатывала над чем-то вся эта живописная, в башлыках и кубанках командирская группа. Вася Заставин давил спиной толстую ель, словно собирался опрокинуть ее. Командир второго эскадрона, маленький, с плотными плечами памирец Алексей Архипов сидел в обнимку со своим дружкой командиром третьего эскадрона Сережей Орловым, человеком редчайшей смелости и великого спокойствия в бою. Орлов мог отдать команду зычным, как труба, голосом, в боевой же обстановке распоряжался без единого выкрика. Его любимой командой были два слова «давай, ребята», и его ребята «давали»... К этим двум дружкам примыкали «полковые светила», командир батареи Ченцов и его заместитель по политической части Валентин Ковалев, их всюду сопровождал заместитель по строевой лейтенант Анатолий Алексеев, богатырского роста красавец. Во время отдыха Алексеев почти по-

стоянно исполнял обязанности комбата, ибо Ченцов «без войны» от командования батереей отстранялся... любил ездить в гости к председателям колхозов и к своим боевым друзьям — командирам эскадронов. Друзья у него были в каждом подразделении и во всех ближайших колхозах. Но самым близким дружкойм был командир минометной батареи лейтенант Георгий Бабкин, высокий сутулый детина, обладавший непомерной силой и чуткой, добрейшей душой. Несмотря на их крепкую дружбу, они часто ссорились и часто мирились. Бабкин был образцовым хозяином, поборником самой строжайшей дисциплины. Ченцов же придерживался своих собственных, им же самим выдуманных уставов. Вся дисциплина в батарее держалась на его заместителях Ковалеве и Алексееве. У Ченцова был свой метод учебы артиллеристов. Комплектуя из пополнения новый орудийный расчет, он усаживал солдат на лафет и, поднимая палец вверх, говорил:

— Артиллерия — это самая точнейшая наука! Ее суть — математика. Но вы, мальчики, математику ни хрена не знаете. Изучать ее нам сейчас некогда — воевать надо. А для того чтобы воевать, надо научиться метко стрелять. И чтобы это хорошо делать, надо хоть чуть-чуть знать, с какой кашей едят баллистику... — После этих слов комбат расстегивал полевую сумку, вытаскивал объемистую книгу по артиллерийской науке и торжественно вручал изумленным «мальчикам».

— Изучать коллективно. Суть в том: один не допрет что к чему, другие подскажут. Все должны быть наводчиками, все заряжающими, все ездовыми, все командирами орудий! — При этих словах палец комбата лез вверх, будто хотел проткнуть небо. — Артиллерия — бог войны! Я не бог, но стрелять умею... А вот учить не могу. Учить будет сержант и командир взвода. Я буду только принимать зачет и маленькие в ваших мозгах поправки делать... Вот пока все, голуби, достигайте эту мудреную баллистику, а уж зачетики я спрошу!

Комбат уходил. А «голуби», подчас совсем еще юнцы, до уши влюбленные в необыкновенного педагога-начальника, начинали «достигать». Понаслышке они знали, что комбат, хоть и немножко оригинален, но в бою и стрельбе черт. Это подтверждали и три боевых ордена. В сорок втором году это было не частое явление. Слышали, что

и зачеты он принимает своеобразно и без всякой поблажки. Поэтому старались изо всех сил.

Окончив занятие, Ченцов с выражением непреодолимой скуки на лице шел к коновязям и придирчиво интересовался кормежкой лошадей.

— Поили?

— Так точно! — лихо отвечал дневальный.

— Овсом кормили?

— Все в порядке, товарищ комбат!

— Хорошо. Снимай узды и пускай в поле, — приказывал Ченцов.

— Разрешите, товарищ комбат...

— Ну?

— Старшина говорил, что будет учебный сбор...

— Будет. Сам назначал. Поймаете в поле — и в хомуты, а пока пусть часок попасутся. Все.

Отказыряв улыбающемуся дневальному, комбат с той же скукой на молодом задумчивом лице шел к своему помощнику Алексеву, присаживался на первый попавшийся в лесу пенек и тихим заискивающим голосом говорил:

— Толя, голубь, ты знаешь, когда не предвидится хоть самого паршивенького боишки, я гибну от лени... Мне нужно почаще проветриваться. До войны, ты знаешь, я на заводе пушки испытывал, по сотне снарядов в день грохал. Это, знаешь, хоть и не бой, а все же развлечение... Однажды три дня подряд так гроыхал, что оглох. Встретился с невестой. Она мне одно, а я ей черт знает что мелю. Не расслышал и ответил невпопад. Она вытаращила на меня глазенки и смотрит как на чумового. Убежала, а вскоре вышла замуж за военпреда. Какое? Из пушки стрелять в своего начальника я, конечно, не стал, но с завода ушел искать свою новую судьбу.

— Ну и как, нашел? — пряча улыбку, спрашивал Алексев.

— Вот то-то и оно, что никак не найду! Есть тут, в Шемелинках, председатель колхоза — тетя Дуся, агроном двадцати двух годов. Ну просто прелесть — эта самая Дусенька. Сено отпускает вволю и безотказно, соломки тоже. Пригласила на студень из поросячьих ножек. Я съезжу, а ты тут без меня покомандуй, поучи ребятишек стрелять, а зачеты я потом приму. Задание я

им дал, парнишки они смышленные, достигнут. Ты помоги им в деталях. Сам знаешь, что к чему. Добро?

— Добро. Ну, а если проверка? — спрашивал Алексеев.

— Скажи, что уехал сено добывать и свою судьбу, — тихо и внушительно заключал комбат. — Но ежели, паче чаяния, начнут тебя есть заживо, гони за мной нарочно. Четвертый дом от края. Знаешь? Ну кто же эту Дусеньку не знает! Значит, нарочного, а я уж как-нибудь оправдаюсь.

И комбат исчезал «до востребования».

Уж чего-чего, а проверяющих хватало. Ежедневно навывались из полка, дивизии, корпуса. Само собой разумеется, все требуют комбата, а его и след простыл. Проверяющие идут к оружейным расчетам, а теголова к голове «достигают баллистику», без особых наставников, вроде как сами по себе. Что это за порядок? А проверяющие очень любят устраивать учебные тревоги. Хлебом не корми, а учебная тревога чтоб непременно была. Само собой разумеется, при всякой тревоге надо побыстрей к пушечным передкам подвести выносы и пристегнуть постромки. А тут получилось так, что и хомуты надевать не на кого. Лошадки на выпасе у черта на куличках, а комбат у Дусеньки закусывает холодцом из поросячьих ножек. Ну не скандал ли! Комбат Ченцов разыскивается и вызывается в штаб полка. Там его прорабатывают — в который раз! — отстраняют от должности и назначают самую строжайшую инспекторскую проверку всех полковых батарей, со стрельбами по движущимся мишеням. Если артиллеристы заваяются, то комбату не видать больше батареи как своих ушей. Но его «голуби» на удивление проверяющим выдерживают экзамен на «отлично». И ездовые и заряжающие — все стреляют мастерски и в любую минуту могут заменить один другого. Ну, а раз огневая в порядке, соответственно меняется и формулировка в приказе. Потому что у него опыт отличного артиллериста и уважение подчиненных. Все, вплоть до командира полка, хорошо знают, что в бою командовать батареей будет только старший лейтенант Ченцов. Этот человек обладает железной выдержкой и беспримерным мужеством, которое он доказал много раз. Это настоящий виртуоз артиллерийского залпа.

Мы с Семеном спешили неподалеку в кустах и незаметно подошли к горячо беседующей офицерской компании.

4

Минуты ожидания командира полка и начальника штаба для командного состава были всегда самыми приятными. Серьезные, оживленные разговоры о событиях на фронтах войны переслаивались солеными кавалерийскими словами, забавными шутками и тесным дружеским общением. А дружили мы все без исключения. Это была крепкая, спаянная, настоящая боевая семья. Каждый из нас был способен с риском для собственной жизни, в самую опасную минуту выручить другого и не склонен был считать это геройством. Здесь действовал извечный закон боевого товарищества.

Когда мы с Хугандуковым приблизились вплотную, нас встретили шумными возгласами приветствия. Однако горячий спор продолжался.

Командир батареи ПВО, лейтенант Иван Потипко, прибывший с Заставиным с Дальнего Востока, кутая шею в малиновый башлык, чем-то сильно раззадорил командира четвертого эскадрона Хафиза Биктяшева, который, присев на корточки, чертил черенком плетки на песке схему и запальчиво что-то доказывал своему противнику. Увидев меня, Биктяшев поднялся, размахивая плеткой, крикнул:

— Командир первого, иди сюда, дорогой! Ты старый мой друг-пограничник, зеленую фуражку в чемодане возишь, самый боевой в полку человек, рассуди, пожалуйста, нас, двоих дурачков!

— Ну какой же из меня судья, Хафиз! Да и не знаю, о чем у вас спор?

— Дорогой Максимушка! Ты, наверное, хорошо помнишь переправу через реку Гжать.

— А как же! Все помню, дружочек, все... Вы, кажется, что-то тогда уж очень замешкались?..

— Ах, Максим! — лукаво и гордо прищуривая монгольскую прорезь глаз, покачал головой Хафиз. — И ты, значит, против башкирина — друга своего?

— Ни за что на свете! Кто тебя тут обижает? — спросил я вкрадчивым голосом.

— Твой приятель — пограничник Ваня Потипко. Он говорит, что я тогда на этой переправе чуть не потерял свои штанишки...

Небольшая полянка огласилась громким хохотом. Бабкин, согнувшись, поджал живот. Архипов уронил голову на плечо Сергею Орлову, задыхаясь от смеха. Орлов, перекатывая на ладони зеленый листочек, улыбался тихой, спокойной улыбкой. Ченцов беззвучно, но весело щерил крепкие белые зубы.

— Ну какой тут смех? Ай-ай-ай! — укоризненно покачивая головой, продолжал Хафиз.

— Был же грех! — крикнул Заставин.

— Когда на тебя летят и пикируют четырнадцать «юнкерсов», дорогой товарищ Вася, у каждого может пуговичка лопнуть, — отшучивался Биктяшев. — Да погодите ржать-то! Дайте мне рассказать все как было.

— Давай, Хафиз! Валяй начистоту! — раздались поощрительные веселые голоса.

— Все будет, как у муллы на исповеди... — продолжал Хафиз. — Комбат певео, конечно, соврать не даст... А дело было так.

Когда началась бомбежка, мы с коноводом скакнули на конях в лесочек и спешили. Слышу голос Вани Потипко: прицел, тра-та-та, такой-то! Угломер опять тра-та-та, такой-то! Огоны! Прямо рядом ба-бах, бах! Это Ванькина батарея по самолетам противника лупит и все мимо... Слышу, бомбы визжат, как свиньи резанные... Вижу, из реки выплеснулся грязный столб, огромный, как мечеть. Хоо-хо! Тут забудешь, как твою милашку зовут, не только штанишки... «Юнкерсы» улетели и в нашу переправу тоже не попали... Все затихло. Только дым в воздухе плавает, угар какой-то. Чую, кто-то прется прямо на нас. Гляжу, выбегает Ваня Потипко, увидел меня и орет:

— Где тебя черт таскает! Командир полка его ищет, а он тут... Давай вперед!

А я сижу в кустах, и мне коновод к брюкам пуговичку пришивает... Ну, оторвалась же, какой тут смех! Комбат глаза вытаращил и на меня наступать начинает... Я, конечно, посылаю его, не очень далеко, но Ванюша

мой взбесился. Вижу, барабанит ладошкой по кобуре и кричит еще пуще:

— Приказываю вперед!

Я одной рукой брюки держу, другой пистолет в кобуре нащупываю, а сам думаю: стрельнет или нет? Уж очень я ему нехороших слов подпустил, батареею его за то, что мимо стреляет, крепко обругал... По глазам вижу, злой Ванька, ну как зверь, а все равно я понял, что форсит пистолетом, а стрелять, ясно, не станет. Ведь знаю, что чудесный он парень, вместе в госпитале валялись, вместе жениться собирались, да раздумали, будущих сироток пожалели... Я замолчал. Притих и он.

— Ты кто такой? — спрашиваю я его таким спокойным голосом.

— А ты что, не знаешь? Не слышал, когда отдавали боевой приказ? — отвечает он и снова невежливо ругается.

— Мне память отшибло, — говорю я ему.

— Не придуривайся! Ведь отлично знаешь, что я назначен комендантом и мне приказано форсировать переправу эскадронов, а ты в кустах прячешься!

— Слушай, грубиян, — говорю я ему. — Ты что, ослеп, не видишь, что у меня пуговица оторвалась? Что я тебе на переправу без штанов побегу?

— Наплевать мне на твои штаны!

— А мне начихать на таких комендантов!

Что было бы дальше, я не знаю... Слышу, пять немецких батарей дают по переправе одновременный, крепенький такой залпик... Жуу! Жуу! Слышу, летят. Не раздумывая, я кубарем, в ближайшую траншею. Потом разрывы, грохот, треск в кустах, комья земли и тому подобное... Чую, кто-то на мне верхом сидит... Повернул голову, вижу, Ваня Потипко оседлал меня и даже, как девушку, за шею обнял. Пригнул, когда снаряды уже разорвались...

— Врешь же все! — возмущается Потипко.

— Клянусь моим Токаем, чистая правда! Так обнял, что, думаю, задушит... И потом опять налетели «юнкеры», и мы мирно с ним отсиделись. Вот и все! — закончил Хафиз.

— Нет, не все! — возразил Потипко. — Ты уж доскажи, как переправлялся, как командира полка встретил...

— А что досказывать,— смущенно взмахнул рукой Биктяшев.— Старая история, как изношенная портянка... Все уже, наверное, сто раз слышали...

— Нет, не все! — раздалось несколько голосов.

— Да и мало кто об этом знает,— не унимался Потипко.— Не хочешь, так я сам расскажу...

— Как ты можешь это говорить, когда тебя на той стороне не было!

— Это неважно. Я все равно точно знаю, как было дело,— упорствовал Потипко.

— Ты, конечно, наговоришь и всякое искажение допустить можешь, я тебя знаю!

Биктяшев погрозил Потипко нагайкой.

— Лучше уж я сам расскажу, раз вы желаете послушать,— добавил Хафиз.

5

...История, которая произошла с Хафизом Биктяшевым, не столько забавная, сколько поучительная. Старо-служащие полка знают ее наизусть, но для молодежи это в новинку. Если про это событие рассказывает кто-то другой, то, конечно, со всякими фантастическими прибавлениями. От этого она, безусловно, теряет свой колорит. Сам же Хафиз рассказывает откровенно, с присущим ему юмором и лукавством, причем ни капельки не привирает и не щадит своего самолюбия.

— Так вот, значит, посыпали нам фрицы головы пеплом и улетели... Кругом вонючий дымище! Мы с Ваней как настоящие храбрецы немножко почихали, тихо, мирно, как два дружка, в обнимочку, выползли наконец на вольный воздух. Ваня пошел собирать своих зенитчиков, я стал кричать своего коновода Митьку. Гакнул разочек другой, никто не откликается. Постоял немножко и пошел в кусты, где были привязаны наши кони. Конечно, ни одного копыта на месте нету. Вижу, трава кругом истоптана, ветки поломаны, на одном сучке торчит кончик оторванного поводка. Тут я сообразил, что кони оторвались и задали лататы... Я остался пешком и без всякого войска. Правда, тут же нашел меня командир взвода, лейтенант Антропов, теперешний мой заместитель. Подъезжает с форсом, как это он всегда умеет, доклады-

вает чок, чок и кубанка на бочок, а на губах кривая улыбочка... Конечно, видеть, как командир эскадрона весь в грязище пешком стоит и только что проклятую пуговицу пришил,— не очень симпатичное зрелище...

— А где ваша лошадь, товарищ гвардии старший лейтенант? — Нарочно полностью называет мой чин.

— Оторвалась и куда-то удрала, — отвечаю я, а сам думаю: «Вот за эти кривые улыбочки сейчас спешу тебя, и ты будешь знать, сукин сын, что такое есть мой чин...»

— Вам, конечно, конь нужен? — говорит этот очень догадливый Антроп.

— А может быть, у тебя самолет есть? — тихонько спрашиваю я его.

— Самолета, конечно, нет, а запасной конь есть.

— Откудова он взялся?

— Да тут ребята мои подобрали... Трофейный... Чудо конь! Могу презентовать,— интеллигентно добавил Антроп и ухмыльнулся.— Можете не думать, конек не из нашего полка... Трофейный.

— Трофейный? — спрашиваю.

— Чистокровный араб из Каира...

Антроп крикнул и велел своим хлопцам привести этого каирского араба... Подводят мне, как самому султану, такую серую кобылицу. На самом деле чудо! Я как посмотрел на ее головку, на тонкие, как у хорошей балериночки, ножки, глянул на грудищу, так и ахнул. Ах, други мои гвардейцы, какая это была лошадка! Сел на нее и сразу же будто в цирке пошел танцевать...

— У нее, поди, хозяин есть? — спрашиваю я Антропку.

— Само собой, был когда-то,— ответил он.— Паслась одна, словно сиротинушка, вот мы ее и приласкали, а то, думаю, убьют зря...

Прав, чую, собачий сын. Если коня не может стеречь, значит, и хозяин и коновод замухрышки. Так я тогда рассуждал, потом легонечко пришпорил мою новую арабку и перелетел через реку Гжать, словно птица. За мной переправился весь эскадрон. Разыскал командира полка и докладываю чок, чок... Смотрю, наш батька сидит на тачанке хмурый, как туча, и начал впрыскивать мне под кожу разные словечки за опоздание и прочие другие робкие действия... А в общем-то все сошло как будто

ничего, только подполковник вдруг покосился на моего коня, а потом на мою каску и спрашивает:

— Что это у тебя за конь, голубчик?

— Трофейный, товарищ гвардии подполковник!

— Да? — Кушнарев прищурил один глаз.

— Так точно!

— Ты, что же, выходит, с гитлеровскими драгунами стакнулся и молчишь? А может быть, это были австрийские уланы? — усмехнулся подполковник.

— Никак нет! Трофейный — это значит в смысле приبلудный...

— Ага! Прикупили, значит... Так, так!

— Просто подловили. Бродит без хозяина, бомбежка кругом. Не пропадать же такому коню, если забулдыга хозяин бросил его!

— Ясно! — сказал подполковник и как будто одобрил наши действия. Потом как-то опять печально нахмурился и добавил: — А у меня сегодня коня убили.

Помните, какой у него был великолепный конь? Очень мне стало жаль командира полка. Я в один миг забыл все на свете, спрыгнул со своей арабки и протянул батьке поводья.

— Принимайте наш подарок!

— Чужого коня даришь?

— Для вас, товарищ подполковник, и своего Токая не пожалею! — Слово оно, конечно, как свист, вылетело, не поймаете. А он его все-таки поймал и сыграл потом такой концертик!..

— Мне твоего Токая не надо. А этого давай попробую, — согласился он и тут же поставил мне задачу наступать на Мокрые Каплуны, черт бы их побрал, эти Каплуны. Рассказывать я уж не стану.

— Знаем, как тебе там всыпали, — заметил Иван Потипко.

— Ваня! Друг ты мой, ты можешь помолчать немножко? — попросил Хафиз.

— Молчу. Продолжай, только не ври.

— Прошло денечков пять, — продолжал Биктяшев. — Стоим мы в деревне Чашкино. Приезжает посыльный и передает приказание, чтобы я быстренько явился к командиру полка. Я седлаю своего Токая и еду.

— Нужно не в штаб, — сказал мне по дороге посыльный. — Он вас в другом месте ждет. Поедем, я покажу.

Приезжаем в самый конец деревни. Открыл я свои гляделки и вижу очень странную картинку. Командир полка стоит около кузни, а рядом с ним на чурбачке лежит седло. Стремена перекинуты через ленчик и перетянуты подпругой. Я как обычно руку к папахе и чок, чок... А подполковник даже и ухом не повел:

— Слезай с коня!

— Есть слезать с коня. — Ничего, братцы, не попишешь, приказ. Я на пузе сполз с седла, как уж или змей, как по-русски-то называют, которого собираются приколоть вилами. Понял я, почему командир идет пешочком и на загорбке седло тащит... Жду, что будет дальше...

— Я решил, товарищ командир четвертого эскадрона, больше на трофейных конях не ездить и в подарок не принимать. Понятно?

— Так точно! — пробормотал я охрипшим голосом.

— Лучше уж приму в подарок твоего Токая. Он не такой горячий, как твоя дареная кобылка. Обжегся я на ней... Ты своего обещания, надеюсь, не забыл?

— Я, конечно... Но где же ваша?

— Трофейная сестрица, ты хочешь сказать?

— Вот именно!

— На ней генерал Тимофеев поехал. Знаете такого?

— Слышал... Но мой Токай...

— Теперь будет мой.

— Почему, разрешите спросить?

— Потому, что ты мне его обещался подарить...

— Видите ли, товарищ гвардии подполковник... — Я уже мычал не чок-чок, а как тот баран, которого собирались для бишбармака резать.

— Выходит так: возьми чужой гуж, он моего не хуже? Ты знаешь, сегодня приехал к этому генералу и встретил его коновода. Он как увидел кобылицу, так и бросился к ней на шею. Плачет! Говорит, что меня за нее расстрелять хотели. Штука! Оказывается, мастер ты дарить генеральских коней...

— Мы ведь, товарищ подполковник, не знали... — Я согнул свою шею, как будто чуял, что сейчас командир полка положит мне на спину седло и поведет меня вдоль деревни... Но он сказал:

— Ладно, садись на коня и езжай вперед, а я седло сам до штаба донесу, а там переседлаем.

— Что вы, товарищ подполковник!

— Как что? Нес же я его целых пять километров.

— Коня бы попросили...

— А кто мне даст? Ты же своего не даешь?

— Садитесь, пожалуйста! — Я протянул ему повод. Что мне оставалось делать?

— А седло? Эх, напрасно отослал связного, — покачал головой подполковник.

Но я догадался, что он его отослал нарочно, чтобы выставить меня на позор всего полка.

— Как же все-таки быть с седлом? — спросил он. — Это значит, что я снова полный выюк на коленях буду нянчить? И так через весь лес пришлось переть, а теперь на передней луке поташу, как цыган с купеческой ярмарки. Все-таки я командир гвардейского полка, а не трофейный меняла. Ладно. Сам пешком понесу. Тут пустяки осталось... Езжай!

— Так не пойдет, товарищ подполковник. Разрешите за бричкой, я мигом!

— Не разрешаю из-за таких пустяков коней маять. Как-нибудь доволоку...

— Тогда давайте я понесу. — От такого разговора с меня катился сто двадцатый пот.

— Валяй, — согласился подполковник. Я-то уж знал, что он именно этого и добивался.

Я взвалил седло на плечи, а он усмехнулся и сказал:

— Добро. Я помалу вперед поеду, а ты дуй на хвосте, только не отставай, а то мне одному скучно будет... Устанешь, скажи, остановимся, отдохнем трохи... Куда нам торопиться...

Можете представить себе дальнейшую картину. Он едет на моем Токае шагком впереди, а я, как египетский ишак, полный выюк на спине тащу. После я узнал, что он велел оповестить о предстоящем «концерте» всех командиров. Идут навстречу и так браво козыряют, черти! Кто был в деревне, повыскакивали из хатенок, и каждый старается подмигнуть: «Давай, валяй, друг!» А я тащусь, как старый грешник в Мекку... Даже все штабные писаря и повара выбежали на улицу и ухмыляются. Цирк! А он едет себе и назад не оглядывается, как будто так и надо. Остановился около штаба, слез с коня и говорит:

— Ну, спасибо, дорогой, что помог... А то бы я вдрызг измучился. Конь у тебя добрый. Смотри, береги его, а

то все время будешь седло на загорбке таскать. До свидания, дружок, заходи вечерком чайку попить...

А я стою, как баран на базаре, и глазами хлопаю. Кругом ржут все, как лошади, так и вы сейчас надсаживаетесь. А что тут смешного?

Смех неожиданно оборвался. От штаба шел майор Шевчук.

6

Сейчас сквозь тоскливую госпитальную дремоту я вспоминаю широкоскулое лицо этого незабываемого для меня человека со строго застывшей на губах улыбкой. Вижу его высокую, могучую фигуру, плотные, статные плечи, опоясанные выгоревшими полевыми ремнями с потрескавшейся на широком поясе кобурой. Побрякивая своей любимой кривой кавказской шашкой, с которой он никогда не расставался, Кондрат шел впереди нашей разномастной, в башлыках и кубанках группы и громко выкрикивал номера распределенных по эскадронам коновязей. Сделанные на скорую руку из воскового мачтового сосняка, коновязи были расположены по краям широко заросшей мелким кустарником просеки.

При нашем приближении кони поднимали головы и, позвякивая кольцами недоузтков, настороженно, выжидаяще смотрели на нас. Кони пришли с Северного Кавказа. Это были преимущественно дончаки с знаменитых буденновских заводов. Красавцы! В большинстве гнедой и рыжей масти, тонконогие, типично сухоголовые, с длинными шеями.

— Ах, соколики! — вынув изо рта трубку, восхищенно проговорил Шевчук. — Это, товарищи, вновь выведенная перед войной порода, — продолжал он. — Очень выносливы, смолоду закалены в Сальских степях суровыми тебеневками. На таких повоевать можно...

Были здесь кони и смешанных кровей и разных других пород. Изредка мелькали горбоносые головки кабардинцев. Попадались ахалтекинцы, темно-серые орловские, гнедо-карие русские — улучшенные с помесью английской и арабской кровей. Но самое главное — все они, каждая по-своему, были удивительно хороши! В экстерьере чувствовалась настоящая кавалерийская

подобранность. Несмотря на длинный путь, который кони проехали в душных вагонах, вычищенные крупы лоснились на солнце от плотной, хорошей упитанности.

— Ах, мать честная! Какие гнедышки! — оглядывая загоревшимися глазами фронт разномастных хвостов с круто выгнутыми бедрами, громко крикнул Биктяшев и задержался около высокого чистокровного кабардинца. — За этого дружка я бы отдал своего Токая... В придачу пустил бы маузер, башлык, трофейный аккордеон... Ничего не пожалел бы! Товарищ майор! Кому этот красавец достанется?

— Коновязь номер три! — крикнул Заставин. — Значит, первому эскадрону. И везет же людям! — вздохнул Вася и тряхнул рыжим чубом.

— Любимчикам всегда везет... — не удержался Хафиз.

Кондрат Шевчук всегда относился ко мне как-то особенно, по-отечески. Биктяшев же ревновал.

— Отставить такие разговоры, товарищ гвардии старший лейтенант! — строго проговорил начальник штаба. — Как не стыдно! Кому положено, тому и достанется.

Шевчук сердито посмотрел на командира эскадрона, и тот сразу начал извиняться.

— Все, товарищи! Расходитесь по своим коновязям. Быстро сверить клички и уводить, — приказал Шевчук, передавая каждому из нас список.

Командиры эскадронов и сопровождавшие их старшины вместе с ветфельдшерами разошлись по своим местам. Нашему первому эскадрону следовало принять шестьдесят пять голов. Проверая клички и возраст, я внимательно присматривался к каждому коню, заглядывал в зубы, ощупывал скаковые суставы, старался придирчиво, на глазах ветврача отыскать самые малейшие изъяны. Но не находил их. Кони были все как на подбор — молодые, рослые, сильные. Однако, как это ни странно, я еще не выбрал и даже не облюбовал себе коня, который пришелся бы мне по душе. Хугандуков рекомендовал то одного, то другого, но я чувствовал, что пока еще моего коня здесь нет... В каждом коне я подсознательно искал данные погибшего Вала и ни в одном таких данных не находил. Вал конь был редкостный, и забыть такого невозможно.

Мы медленно шли вдоль коновязи от коня к коню. Следом за нами рассеянно тащился полковой ветврач капитан Козлов, нетерпеливо ставивший в приемо-сдаточной ведомости против каждой клички галочки. Он нас все время торопил, волновался. Но поскольку жены нас не ожидали, нам спешить было некуда. Мы подолгу осматривали каждый хвост и трепали нерасчесанные, спутанные гривы.

Нам осталось осмотреть двух коней. На вид это были рослые темно-серые орловцы. Но когда мы приблизились и присмотрелись, то поняли, что они нечистокровные. Это было заметно по их крупным головам, по утолщенным бабкам с густыми щетками и подлыжинам с резко выступающими вперед копытами.

— Мохноногие, как наши сибирские курицы, — заметил Хугандуков. — Но ничего, служить будут...

В особенности эта последняя пара проигрывала по сравнению со стоявшим неподалеку кабардинцем. Он был привязан почему-то отдельно и спокойно жевал свежую, кем-то заботливо подложенную под ноги траву — высокий, тонконогий конь темно-гнедой масти с сильно удлиненным экстерьером и мускулисто выпуклой грудью. Это говорило о том, что он обладает необычайной силой и резвостью. Когда я подошел поближе, конь горделиво поднял на меня маленькую горбоносую голову. Я, увидев его чистые, живые, иссиня-черные, глубоко сидящие в орбитах глаза, обомлел. Мне показалось, что эти умные глаза спрашивают: «Ну что пришел? А раз ты здесь и я тебе нравлюсь, так седлай...» Вдруг, как нарочно, он тряхнул сухощавой головой, переступил тонкими ногами, встал боком и снова покосился на меня своим зорким, пытливым глазом. Взгляд его приковал меня к месту. Я был покорен безвозвратно и с каждой секундой проникался к нему чувством дружбы, на которую способен только истый кавалерист, понимающий, что такое военный конь.

— Дикарь. Записали? — раздался за моей спиной голос ветврача. — Это последний, — добавил он и облегченно вздохнул.

— Так точно, товарищ капитан. Все, — быстро и жестко ответил Хугандуков.

Дикарь — это была кличка мохноногого орловца. Синеглазый же красавец, которого я уже в душе считал

своим, в список не входил. Все это было так несуразно и слепо, что я не мог сразу прийти в себя.

— Распишитесь,— тронув меня за плечо, проговорил капитан Козлов и протянул мне ведомость.

Его хрипловатый, словно надтреснутый тенорок вдруг будто подхлестнул мое воображение. У меня мгновенно зародился отчаянный по замыслу план. «Этот конь должен быть моим»,— мысленно сказал я себе и с лихорадочной быстротой стал обдумывать детали осуществления своего дерзкого плана. Помехой являлся только ветврач, которого надо было поскорее спровадить к жене. Пусть наслаждается радостной встречей, а мне необходимо готовиться к жестоким боям, и я должен иметь настоящего боевого коня, а не мохноногого дикаря с подлыжинами.

— Распишитесь,— устало вытирая платком вспотевшее лицо, повторил Козлов.

Это был спокойный, добродушный человек. Чувствовалось, что сейчас он отупел от жары, от надоедливо липнувших комаров, лошадиного ржания и мысли его заняты совсем иным. Для исполнения своего коварного плана все это я решил использовать в своих целях.

— К вам, кажется, супруга приехала? — беря из его рук карандаш, спросил я невинно внимательным голосом.

— Да, понимаете... такой неожиданный и приятный сюрприз, — ответил он и торопливо сунул в карман влажный платок.

— Поздравляю вас. Идите к ней. Давайте мне ведомости и валяйте! Нельзя же такую гостью оставлять одну...

— Благодарю вас. Она где-то здесь, близко. Малину пошла собирать. Сейчас пойду искать...

— Конечно! Конечно!

Я взял у него ведомость, расписался на всех экземплярах, а копию передал старшине Хугандукову. Доктор еще раз поблагодарил и побежал разыскивать свою женушку.

Я молча стоял на месте.

— Разрешите вывести? — спросил старшина.

Я посмотрел на Семена, ничего не ответил и тут же перевел взгляд на недоставшегося нам высокого горбоносого кабардинца. Хугандуков понял меня без слов.

— Ах, какой конище, товарищ старший лейтенант!

Я еще вчера на него любовался. Что теперь делать? — вздохнул он и широко развел руками.

— У тебя есть нож? — неожиданно спросил я.

— Что вы хотите?

— Нож есть или нет? — сдерживая волнение, резко повторил я.

— Как же старшине ходить без ножика? — Семен вынул из кармана тяжелый складной нож. Подавая его мне, с усмешкой спросил:

— Хотите зарезать, чтобы никому не достался?

Я не только не ответил старшине, но даже не взглянул на него. Быстро подойдя к Дикарю, открыл отточенное как бритва лезвие ножа и мгновенно отрезал от конской гривы скрученную прядь волос, на которой была привязана фанерная бирочка с кличкой коня.

— Ого-о-о! — протяжно воскликнул Хугандуков.

А я уже в эту минуту стоял около соседа, ласково гладил твердые, как железо, грудные мускулы, прижимал свою ладонь к его теплым вздрагивающим ноздрям и в каком-то исступлении шептал:

— Олле! Олле! Ты мне будешь хорошо служить... Будешь?

Хрустя полученным от меня сахаром, конь вытянул гладкую шею и ткнулся влажными губами мне в лицо. Потом потрянул своей точеной головой, без слов отвечая на мою ласку.

Не переставая оглаживать конскую грудь, я перенес руку на коротко стриженную гриву и, само собой разумеется, бирки там не обнаружил. Я перешел на другую сторону и только тут увидел металлический жетон с выбитой сверху кличкой: Горноста́й. Жетон был аккуратно пристегнут около самого уха, к верхнему колечку добротного недоуздка. Внизу виднелись еще какие-то мелкие буквы, но я и не разобрал их и начал торопливо отстегивать лезвием ножа пружинное кольцо, которое мне удалось разъединить с большим трудом. Сильно волнуясь, я действовал неловко и обрезал себе палец. Как выяснилось потом, нож вошел до самой кости, но в то время я не чувствовал никакой боли. Кое-как отстегнув жетон, я бросил его к ногам старшины. Он поднял и стал внимательно рассматривать. Я же, обмотав руку платком, сунул ее в карман.

— Тут, товарищ старший лейтенант, написано: «Кол-

хоз «Заря». Однако эту бирку куда-то надо деть? — спросил Хугандуков.

— Возьмем на память, — пытаюсь подавить нарастающее волнение, проговорил я.

— Так нельзя. Мы определим ее туда, куда надо. О масти тут ничего не написано, а возраст одинаковый...

Он быстро и ловко пристегнул металлическую бирку к гриве мохнатого Дикаря, и все было кончено...

Тем временем кавалеристы разобрали остальных копей и ждали команды. Я махнул им рукой в сторону лагеря и отошел. Покрикивая на отстающих, бойцы повели их по просеке и вскоре скрылись за ближайшим поворотом. Старшине я приказал увести Горностая. Переседловку запретил. Своего коня, на котором приехал, отправил с ординарцем. Мне захотелось побыть одному, подумать. До лагеря я решил пройти пешком лесной дорогой...

7

Проводив глазами коня, уведенного Хугандуковым, я отошел от коновязи, присел на старый березовый пень и начал торопливо перевязывать рану. От сильного волнения пальцы слушались плохо, да и неудобно было действовать одной рукой.

Сейчас, спустя год, мне трудно анализировать тогдашнее свое состояние... В то время у меня было иное сознание, иные мысли. Тогда я еще не мог себе отдать отчета в содеянном мною проступке. Но хорошо помню, что все мои чувства были поглощены этим маленьким тонконогим лошадиным счастьем... В ту минуту я был доволен своим приобретением и не чувствовал никакого угрызения совести. Все пришло гораздо позднее. Я еще тогда не знал, что такое настоящее счастье.

Кое-как перевязав палец носовым платком, я сидел на почерневшем от времени пеньке и упивался успокоительной лесной тишиной.

Людские голоса и отдаленное конское ржание постепенно смолкли. Ветер качал ветки густого орешника, шевелил зеленые шершавые листья. Лес обдавал меня запахами побитого, поломанного снарядами можжевельни-

ка и расщепленных сосен, перемешанными с нежным и тонким ароматом малины и смородины, которая обильно зрела по берегам речушки, заросшей ивняком и ольшаником. Мне очень захотелось пить. Я знал, что тут неподалеку гроздь ягод никнут к самой воде, поэтому решил спуститься к речке напиться. Поднявшись с пенька, я медленно пошел по тропинке, стараясь держать на весу пораненную руку, так как плохо завязанный платок начал сползать и сквозь белую ткань все еще густо просачивалась кровь. Я остановился и снова стал неуклюже поправлять растрепанную повязку. Это мне никак не удавалось.

— Может, вам помочь? — неожиданно раздался над моим ухом певучий женский голос.

Я повернул голову. В двух шагах от меня, обняв белый ствол молодой березки, стояла девушка в длинном коричневом платье. В руках она держала желтую кожаную сумочку и граненый стакан, заполненный наполовину крупной и зрелой малиной. С ее немного тяжеловатых, сильно развернутых плеч небрежно свисали концы тонкого белого кубанского платка. От лесного воздуха и горячего августовского солнца густобровое лицо девушки покраснелось, светлые и чистые, как весеннее небо, глаза с тревогой смотрели на мой окровавленный платок.

— Извините, что из кустов я случайно наблюдала за вами, — продолжала она, — и видела, как вы неумело возились с повязкой... Что это с вашей рукой? Поранили, да?

— Минут десять тому назад ножом обрезал, — смущенно ответил я. Да и было от чего смутиться... — Помогите, если можете.

— О-о! Пожалуйста! Я даже немного училась перевязывать, — ответила она просто.

Быстро раскрыв сумочку, она достала розовый с кружевами платочек и как-то смело и ловко разорвала его на несколько частей. И тут же, словно сожалея об этом, спросила:

— А почему у вас нет пакета?

— Старый недавно использовал, а новым запастись не успел, — ответил я и еще больше смутился от ее пристального взгляда. В ее светлых глазах я вдруг уловил

такую глубоко скрытую тоску, что у меня защемило сердце.

— Давайте вашу руку,— нетерпеливо проговорила она.— Как же это вы так неосторожно ножом действовали? Ой! Наверное, до самой кости разрезали, снимая влажную помятую повязку, продолжала она все тем же певучим голосом.— Наверное, мастерили что-то? — печально закончила она и вздохнула.

— Вот именно,— в полном замешательстве ответил я.

Мне никогда не забыть этого ласкового голоса под шумящими листьями молодой тонкой березки. Помню и ощущаю ее нежные пальцы, бойко играющие узелками батистовых ленточек. Помню запах каштановых локонов, скользнувших на мою вздрагивающую при перевязке руку. Помню близко склоненную ко мне головку с открытой, нежно загорелой шеей, которую я позднее целовал с горячей и необузданной страстью, с неизведанным в сердце счастьем.

То, что я пишу в свою тетрадь,— моя самая откровенная исповедь. То, что тогда так быстро у нас случилось, пусть рассудит сама жизнь. Нашу неповторимую молодость война рвала в мелкие клочья. Ожесточенная игра в жизнь и смерть разрасталась час за часом, день за днем, год за годом. Она родилась в грохоте пушек, в зловещем свисте авиационных бомб, в зловонном смраде горящих сел и городов. Поэтому молодость нуждается не только в осуждении, но и в оправдании. Я не сразу понял, что моя проделка с Горностаем была тоже вспышкой неразумной молодецкой удали, ревностной, фанатической любви к боевому коню. Это была все та же подсознательная игра... А в двадцать четыре года всегда хочется бурно и весело жить, родниться со славой и удачью... Девушки видели в нас своих героев, а мы в них — героинь. Мы знали, что Родина — это они, будущие матери и их дети, взращенные на земле, обильно удобренной молодой кровью. Наши дорогие подружки с гордой, открытой душой отдавали горячую любовь свою, приносящую им и всем нам много счастья и радости, горя и обид, печали и разочарований. Пусть Родина и все честные люди, живущие под ее материнским кровом, будут нашими суровыми и справедливыми судьями. Перед нею мы склоняем молодые, буйные, порой неразумные головы свои.

Нас укрывает знойный лес. Над крошечной, круглой, как пятачок, полянкой нависло пухлое ласковое облачко и заслонило солнце. Где-то в его теплых лучах кувырдается веселый жаворонок и неумоимо насвистывает свою чудесную песню лета. Над нашими затуманенными головами стучит в сосновое окошко трудяга красноперый дятел. Где-то рядом стрекочет, верещит болтливая кумушка сорока — лукавая птица... День ли теперь? Ночь ли? Мы не знаем. Широковетвистая, в лапчатой зелени ель, где затаились и слились воедино наши сердца, служит нам роскошным сказочным шатром. А поцелуи — это волшебное забвение, вечность жизни и смерти! Но все это сейчас далеко от нашего сознания. Мы счастливы. Прижавшись плечом к плечу, мы растерянно пытаемся понять, что произошло? Вон лежит в сторонке опрокинутый граненый стакан. На густом сером мху кровянеет рассыпанная малина, похожая цветом на щеки моей подружки. Она опустила головку и зажмурила свои чистые, увлажненные глаза.

Теперь я отчетливо помню, как мы после злополучной перевязки стояли около березки и изучали друг друга глазами.

— Как вы здесь очутились? — пожимая в знак благодарности ее маленькую теплую руку, спросил я.

— Собирала малину и зашла взглянуть на коня, — ответила она. — Вон у того деревца стоял один конь. Его уже увели, да?

— Как видите, коня уже нет.

Я пожал плечами и улыбнулся этакой загадочной, залихватской улыбкой. Но она не заметила моей ужимки, оглядываясь по сторонам, огорченно проговорила:

— Очень странно... Доктор сказал, что будет ждать меня на этом месте... Мы договорились встретиться...

— Мне тоже кажется странным, что вы выбрали такое неудачное для свидания место.

Удивительно было то, что я уже завидовал лошадиному доктору, готов был издеваться над его рассеянностью. Двадцать минут спустя я сочувствовал этому че-

ловеку, а сейчас люто ненавидел его за то, что он невнимателен к этой милой и ласковой женщине, за то, что такая красивая жена досталась черт знает какому болвану.

— Я вам глубоко сочувствую и еще раз благодарю вас. Скажу откровенно, мне хочется высечь вашего доктора,— добавил я злобно.

— Послушайте, что вы такое говорите? — Глаза ее вспыхнули и щеки зарделись.

— Всегда говорю, что думаю.

— В данном случае вы говорите глупости. Доктор очень хороший человек,— сердито возразила она.

— Простите, я не хотел вас обидеть. Вы, конечно, вправе назначать свидания собственному супругу где и когда вам угодно. Извините меня и еще раз спасибо за помощь.

Я уже решил скомандовать себе: «Повод» — и удалиться.

Густые брови моей собеседницы взлетели вверх, в светлых глазах вдруг исчезла тоскливая искорка. Вместо нее появилась живая, задорная улыбка.

— Какому супругу? — Она взмахнула сумочкой и так славно и весело рассмеялась, что с откинутой назад головы на плечи густо упали волнистые каштановые волосы, белый платок сполз с руки к ногам.

Озадаченный, я быстро нагнулся, поднял платок и спросил:

— Вы жена нашего полкового ветеринара?

— Я? — Она спрятала лицо в платок и рассмеялась.

— Ничего не понимаю!

— Зато я вас теперь отлично понимаю,— немного успокоившись, продолжала она.— Вы меня приняли за жену капитана Козлова. Мы с ней вместе приехали. Она тоже наша кубанская казачка. А я еще пока ничья и не жена...

— Так кто же вы?

Я растерялся и в то же время обрадовался. В одно мгновение я забыл обо всем на свете. Я уже не помнил, что я сейчас делаю, куда и зачем иду... Представьте себе тихий дремлющий лес, воркотливая речушка, заросшая смородником, и поэтически склоненные ивы, и гус-

тобровая девушка с печальными глазами, румяная и свежая, как росное утро.

— Зачем вы здесь? Как вас зовут?

— Меня зовут Глашей, а вы Максим Бражников, да?

— Так точно! Откуда вы это знаете? — удивленно спросил я.

— Специально наводила справки в штабе, — поглядывая на меня с улыбкой, ответила она. — Кто же не знает старшего лейтенанта Бражникова, командира первого эскадрона! Про вас говорят, что вы в госпитале за несколько месяцев изучили в совершенстве немецкий язык, — поглядывая на мои ордена, добавила она с искренним восторгом в голосе.

— Ну это вы зря... — Я смутился.

— А сам вы гордый или нет? — спросила она в упор.

Я неловко пожал плечами и не сразу ответил. Звание старшего лейтенанта мне присвоили недавно. Воевать я начал старшиной пограничной заставы. К высокому офицерскому званию и своим наградам я еще не привык и в душе очень гордился и любовался собой. Язык изучил для того, чтобы самому допрашивать пленных. Признаюсь откровенно, я тогда гордился всем. Мне всегда было приятно сознавать, что я пограничник, который начал воевать одним из первых. Я гордился тем, что, несмотря на ранение, в первые же месяцы войны возглавил штаб партизанского отряда и провел около десятка чувствительных для противника диверсий. Снова был ранен и на хвосте своей славы вывез из госпиталя некоторые привычки ухарства и развязности. Мне нужно было как-то посмотреть на себя со стороны, хорошенько встряхнуться, как это делают умные кони после кувыркания на пыльной земле. По молодости я тогда ничего еще за собой не замечал и, закусив удила, готов был скакать и прыгать через любую пропасть... Во мне, быть может, вырос, сформировался вояка, но далеко еще не созрел воин-человек. Появилась излишняя самоуверенность, опасное для человека всезнайство, сверхудаль, с ложным целеустремлением: «Война есть война, она все переварит и все спишет». ...До этого дня я не понимал и не чувствовал образовавшейся на моей коже накипи, которую надо было немедленно и беспощадно сдирать железной скребницей. Встреча с Глашей и последующие события круто повернули мою жизнь...

С минуту мы молча стояли на месте и с каким-то странным изумлением пристально рассматривали друг друга, словно незнакомые дети, которые вдруг встретились на узкой дорожке и им очень хочется поиграть в пятнашки или в казаки-разбойники, но они еще не знают, как начать эту веселую игру...

— Вы извините, что я задала такой глупый вопрос,— сердечно проговорила Глаша и улыбнулась своей тихой и снова печальной улыбкой.— Вы ведь на самом деле настоящий герой, и мы все...— смущенно и приветливо продолжала она,— все советские люди гордимся вами всеми... Мне очень и очень приятно с вами познакомиться.

— А мне сейчас кажется, что вас ангелы с крылышками спустили на шелковом парашюте... Все-таки объясните, как вы сюда попали?

— С неба — это правда. И крылья были... Два больших крыла! — Глаша развела руки. В одной была сумочка, в другой — стакан с малиной.— А вместо ангела за штурвалом сидел пилот в кожаном шлеме. Славный парень!

— И вы в него влюбились,— стараясь говорить шутливым тоном, заметил я. На самом деле, едва успев познакомиться, я уже ревновал ее не к шутке. Сначала — к ветеринарному врачу, а теперь — к неизвестному летчику...

— Сейчас все влюблены в наших фронтовиков, и я тоже... помаленечку...— со смущением в голосе проговорила она:

— Если мне достанется хоть немного, я буду счастлив.

— Вас это не устроит,— не отводя глаз, серьезно ответила она.

— Почему вы так думаете?

— Потому, что знаю... Вы хотите большего... Теперь все желают много, а получают по капельке,— проговорила она с глубоким вздохом.

— Смелые выводы!

— А что, не правда?

— Каждый хочет взять от жизни свое. А жизнь, она, как паутинка. Упадет сверху сосновая шишка, и нет паутинки,— философствовал я.

Рассуждая так, мы пошли по тропинке. С ее слов я узнал, что она прилетела на самолете с Кубани с делегацией и подарками для фронтовиков. Я сейчас плохо помню, как мы очутились в нашем сказочном шатре. Глаша расстелила на мягкий мох белый платок, присела и, вытянув ноги, продолжала рассказывать о себе. В двадцать один год она успела немало пережить. Работала она на Кубани учительницей начальной школы. Старший брат вместе с ее женихом служили на одной пограничной заставе. В первые же дни войны они оба погибли. Это тяжелое воспоминание сразу же породило нас и сблизило так, как не могли сблизить сотни встреч в другое время и в иной обстановке. Моя биография не могла уложиться в краткий анкетный листок. Она уже была полна событий трудного и тяжелого детства сибирского пастуха-охотника, большими делами военных лет. В личной жизни у меня была трагедия. В первый же военный год жена и ребенок погибли на границе. Все это я поведал Глаше, когда мы уже порядочное время сидели в нашем шатре. Я говорил о себе с грубой беспощадностью, не утаивая ни одной, даже самой мелкой детали. Она была чутка и слушала с искренним, неподдельным вниманием. Мне нелегко было рассказывать, как я, раненный в обе руки, прощался с начальником пограничной заставы, лейтенантом Виктором Усовым. Я уходил последним... По приказу Усова я открыл конюшню и, зубами развязав чембура, выпустил на свободу коней. Потом я видел, как на заставу ворвались танки с желтыми крестами и проутюжили траншеи. Беспомощный, как будто раздавленный страшными событиями, я очутился в тихих, сумрачных Августовских лесах один. Забытье было тяжелым, длительным. Я не помню, как меня разыскали белорусские колхозники и напоили молоком. Они же подобрали Игната Сороку, сержанта Хугандукова, повара Чумбарова и многих других. А через несколько дней сообщили о нас подпольному райкому партии, секретарем которого был наш бывший пограничник Сергей Иванович Викторов. Он прибыл к нам с особой группой и переправил нас в только что организованный партизанский отряд, начальником штаба которого впоследствии был назначен я:

В августе сорок первого года, идя на связь с дей-

ствующими в тылу противника дивизиями полковника Доватора, в одной из схваток я был вторично ранен. Партизаны вместе с разведчиками Доватора вынесли меня из боя и оставили в одном из партизанских госпиталей. Там я встретился с теперешним нашим командиром полка Кушнаревым. Вскоре его и меня вывезли на самолете на Большую землю. В начале октября я выписался из госпиталя и по моей просьбе был направлен в корпус Доватора. В качестве командира разведывательного взвода участвовал в боях под Москвой. Потом был направлен в кавалерийское училище.

Ясно, что в представлении Глаши я тогда был настоящим романтическим героем. Она смотрела на меня широко открытыми, ярко блестящими глазами, в которых была уже не грусть, а откровенное восхищение. Отложив в сторонку стакан и сумочку, доверчиво спросила:

— Вам было очень страшно?

— Как и всем. Страх вместе с пулей загоняется в ствол и отсылается врагу...— усмехнулся я.

— Сколько вам лет?

— Уже двадцать четыре, Глаша.

— Так мало лет и много жизни,— проговорила она в глубоком раздумье.

— Жизнь короткая, а слава долгая, так говорил Лев Михайлович Доватор,— ответил я и тяжело вздохнул.

— Да, да. Сейчас особенно. А для тебя... для вас каждый день...— Глаша недоговорила и потупилась. Резким движением она подобрала ноги, одернула край платья и, подперев сжатыми кулачками раздвоенный подбородок, уперлась им в колени. Не глядя на меня, Глаша напряженно задумалась.

Мы долго молчали, обоим было неловко. Я смотрел на ее взволнованное лицо, на щеки, облитые чуть заметным румянцем, и, казалось, только сейчас увидел и почувствовал притягательную силу ее красоты. Я слышал, как часто и порывисто стучало мое разгоряченное сердце. Силой воли я подавлял желание приблизиться к ней, сказать какие-то особенные, задушевные слова, а потом положить свою сумбурную, беспокойную голову на ее теплые руки и забыть все на свете... Забыть ужасы войны, тонконогую Горностая с его стройным пружинистым станом, все эти клички, бирки, глупое и нелепое молодечество и прочую чепуху... Да и не было в эту минуту ни-

чего другого вокруг. Ничего я не помнил и не видел, кроме ее задумчивого лица и печально полузакрытых глаз. Был только тихо шумящий лес, а над ним — вечное небо.

Отгоняя волнуемое и радостное наваждение, я поднял голову. Между листьями орешника с ветки на ветку перелетал сизый дрозд и суетливо искал добычу. Под кустами ползали рябые тени. Солнечный луч золотил широкоперые зеленые листья ландышей.

Молчать дальше у меня не хватало сил. Я спросил:

— О чем вы сейчас думаете?

— О самом заветном, Максим,— быстро ответила она и, грустно усмехнувшись, легко пошевелила плечом. Простенькое коричневое платье очень шло к ней и мягко оттеняло блеск ее светлых глаз.

— Знаю и чувствую, о чем ты думаешь,— неожиданно для самого себя перейдя на «ты», настойчиво проговорил я.

— Нет,— протестующе покачала она головой.

— Растревожил я тебя своими рассказами, и ты вспоминаешь все заново...

— Да, тут ты угадал... но только наполовину. Видишь, какое дело: то, что ушло в прошлое, мне хочется забыть. Но оно не забывается, понимаешь? Не забывается — с надрывом в голосе повторила она, глядя на меня набухшими от слез глазами.

— Понимаю,— подтвердил я тихо.

— Не можешь ты этого понять! Никак...

— Думаю, что могу.

— Конечно! Если сумеешь и захочешь... Для того чтобы это понять, надо все это пережить женским сердцем, в которое впиалась колючая заноза. Она причиняет такую боль, такое страдание!

Отняв от колен голову, Глаша отвернулась и оперлась на правую руку. Губы ее дрожали.

— Я все понимаю, все.— Мне очень хотелось ее успокоить, но я не знал, как это сделать.

— Нет. Опять же нет! Все это не так просто...

— Как же нет? Жених, брат... Мне думается, что я оживил их в твоей памяти...

— Ты их не мог оживить потому, что в моем сознании они еще не умерли, да и не могли умереть... Но ты убедил меня, что их все же нет, а есть еще более жесто-

кие судьбы, есть жизнь, и она течет своим чередом, как река. Скажу тебе прямо и честно, пусть это будет глупо, но до нашей с тобой встречи я не чувствовала жизни, не замечала ее. Она шла мимо меня. Кроме своего горя и детишек в школе, которых я пыталась чему-то учить, я ничего не знала и не хотела знать. А вот когда ты мне рассказал, как сражались и гибли на границе люди в первый день войны, как ползали по хлебному полю раненые дети и умирали на глазах своих матерей, мне стало больно и страшно. И не только за себя и за свое горе. Я поняла и почувствовала, что мое личное — это ничтожно малая величина, крохотное зернышко в большом поле... И только зараз я почувствовала, что еще живу и что я женщина и очень хочу жить... Ах, Максимушка! Мне еще не только надо уметь ребятишек учить, а еще самой многому научиться. Хотя бы тому, как утирать свой нос и перестать хныкать. Что бы мне такое теперь сделать, чтобы все стало на место, на свою точку? Я ведь бог знает на что способна...

Она внезапно умолкла и закрыла глаза ладонью. Я осторожно взял ее за руку и крепко сжал. Она не отняла ее. Мне хотелось что-то сказать ей, но все мои пламенные слова комом застряли в горле. Да и что я мог сказать? Я где-то вычитал, что настоящая любовь не признает напыщенных слов, а требует действий... А я уже любил эту девушку больше своей жизни. Мы потянулись друг к другу бурно, стремительно и бессознательно. Мне до конца дней своих не забыть теплых и сильных рук, которые ласково гладили мою голову. Случилось то, что должно было случиться. Она приняла мою любовь с каким-то смелым ожесточением...

С того времени прошел трудный для нашего счастья год, и я вечно буду благодарен самой земле, могучей природе и живущей в ней силе — таинственной, неразгаданной.

Мне кажется, что я сейчас лежу не в больничной палате, а все в том же полутемном от тени зеленом шатре. На груди у меня покоится голова Глаши, и я чувствую, как теплая щека ее согревает мое сердце.

Качнув ветку лещины, улетел сизый дрозд, будто его спугнул далекий артиллерийский гул. Косматые ели стояли не шелохнувшись, только высокие сосны мягко кивали верхушками и тихо, жалобно поскрипывали, словно сочувствовали нашему тяжкому расставанию. Нам трудно было оторваться друг от друга, и, когда я шел к своему эскадрону, наступил уже вечер, а может быть, и ночь... Я шел вне пространства и времени. Мне было странно сознавать, что несколько часов тому назад эта чужая, незнакомая для меня девушка вдруг стала самой родной и близкой. Радостное, хмельное, неожиданное выпало на мою долю счастье, и чтобы выразить его, слов на человеческом языке пока не существует...

Миновав часовых, я тихо подошел к шалашу. Первым меня встретил старшина Хугандуков.

— Где вы пропадали, товарищ гвардии старший лейтенант? — спросил он настороженно-взволнованным голосом.

— Сейчас я тебе дам отчет... — Я сгреб его в беремя, приподнял и, подкинув несколько раз в воздухе, осторожно положил на траву.

— Вы что, товарищ командир эскадрона, с ума сошли? — завопил растерявшийся Семен. — Разве можно играть с таким сибирским дядей... Так, однако, можно хребет сломать!

— Ничего, склеим и дегтем смажем... Что случилось, друг?

— Вас уже полдня ищут... Исчезли и нету! Мы уже всякое думать начали... Фронт он, однако, рядом, каких-нибудь двадцать километров. Мало ли кто может забрести в этот дремучий лесок... а вы один расхаживаете, без ординарца. Не положено, товарищ командир эскадрона, — с назидательной твердостью проговорил старшина.

— А я не один был...

— Откуда нам знать?

— Дикую козочку встретил, — подзадоривал я Семена. Мне хотелось поделиться своей радостью со всем миром. Во мне кипела, бурлила непреоборимая, буйная сила счастья.

— Козочку? Вас командир полка разыскивает, а вы за козочками гоняетесь...

— Вызывал?

— Так точно. Трое посыльных прискакивали и два раза адъютант приезжал. По лесу ездили, кричали, во все эскадроны заглянули, в батареи, нет и шабаш! А подполковник требует разыскать, и точка.

— Значит, плохо искали,— начиная помаленьку приходить в себя, проговорил я.— Как новый конь?

— Отлично себя чувствует. Только я полагаю... — Хугандуков не договорил и лукаво прищурил один глаз.

11

Сумерки еще только сгущались, а из полукруглого отверстия моего зеленого лесного шалаша уже выглядывала черная, хмурая ночь... Серым и тусклым был этот летний вечер. Широколистые кусты орешника, пахучей черемухи с капельками незрелых ягод, деревья с растопыренными сучьями потемнели и затаились в своей неподвижности. Неподалеку лежала сосна, с корнем вырванная ураганом. Она была похожа сейчас на огромного мохнатого паука. Когда я проходил к коню, мне почудилось, что корни зашевелились, готовые злорадно протянуть свои грязные щупальца. Резко фыркнул в вечерней тишине конь. Я вздрогнул. Вокруг в безмолвном напряжении стояли деревья.

С глубоким волнением я подошел к Горностаю и стал оглаживать его эластичную, словно бархатную, кожу на шее. Я чувствовал, как трепещут его жилистые мускулы, как пульсирует в его венах теплая кровь. Опробовав переднюю луку, я аккуратно, не спеша подобрал поводья, привычным движением нашел носком сапога звякнувшее стремя и, легко подняв тело, опустился в седло, откинув широкие полы бурки на круп коня. Натянув повод и не касаясь шпорами конских боков, движением корпуса и шенкелями я послал его вперед. Меня сразу поразил его шаг. Он шел твердой, уверенной в темноте леса поступью, словно давно уже зная на узенькой тропке каждый поворот, каждую канавку и кочку. Мне раньше приходилось участвовать в тренировке коней, и я почти безошибочно определял стать молодого коня не только по экстерьеру и резвости рыси, но и по его четкому шагу. Горностай сейчас нес меня и бережно покачивал, как в зыбке.

— Знаете, как он ходит шагом, товарищ командир! — посторженно сказал Калибек. — Я уже маленько пробовал...

— А рысью?

— Ой-ой-ой! Рысью так идет, что в карьер не догонишь.

— А кто тебе разрешал пробовать?

— Немножко только, товарищ командир...

— Смотри, береги его.

— Как можно! Такой конь! Сам пастух, инструктор, уж знаю, — проговорил он обидчиво.

Бранил я его редко, во всем доверял, поэтому обидеть его было совсем нетрудно.

Выехали на проселочную дорогу, и я пустил Горно-стая рысью. По силе и резвости я таких коней еще не знал. Это было что-то необычное — редкий и щедрый дар природы. Рысь его была горячая, быстрая, он переходил на нее, как молния, галоп резкий, стремительный. Только теперь я понял, какое это приобретение. Конь был умен, покорен и подчинялся самому малейшему движению шенкеля. Видимо, тренировал его человек с большой душой и умным, горячим сердцем.

Мы подъехали к штабной землянке уже в темноте. Я быстро спешился, передал поводья Калибеку и вошел.

Командиры были уже в сборе. По строгим и сосредоточенным лицам я понял, что идет серьезный разговор. Попросив у командира полка разрешения присутствовать, я занял на скамье свободное место. С самого начала меня словно ошпарил выразительно хмурый взгляд майора Шевчука. Подполковник Кушнарев тоже внимательно на меня покосился и отвернулся. Только жена его — наша славная разведчица, лейтенант Оксана улыбнулась своей доброй, приветливой улыбкой, как будто без слов говоря, что все это пройдет, перемелется, перетрусится и уложится по своим полочкам... Я чувствовал, что атмосфера раскаленная и я опоздал на много минут, а может быть, и часов.

— Итак, товарищи командиры, — продолжал подполковник, — о маршруте нашего движения мы можем только догадываться. Очевидно, предстоит хорошая рейдовая операция. Предварительный боевой приказ ясен. Боевая готовность через два часа. Со старшим лейтенантом

Бражниковым у нас будет разговор особый... Вопросов нет?

— Все ясно,— дружным хором ответили командиры, разминая плечи и поскрипывая портупеями. Промолчал только я. Глаза мои застлала темнота. Предупреждение командира полка ничего хорошего не сулило.

— Зато у меня есть один неприятный вопрос,— после короткого раздумья сказал командир полка.— Сегодня мы получили конское пополнение. Это наши боевые друзья, их надо беречь. Во время приемки были замечены нездоровые явления. Разгорелись кавалерийские страсти, дело дошло до того, что коня по кличке Горноста́й, который еще никому не принадлежал, кто-то приголубил, короче говоря, самовольно увел. Мне нужно знать, кто мог выкинуть такой цыганский фокус?

С окаменевшим лицом я сидел, сосал пустую холодную трубку, размышляя, что мне предстоит. Скрывать своего легкомысленного поступка от командира полка я не собирался. Затем и приехал на Горностае. Но я хотел каяться в своем грехе наедине. Сейчас дело принимало совсем другой оборот. Но я еще не знал, что меня ожидает впереди. Все, что произошло потом, было ужасным и тягостным.

— Наверное, очень добрый конек, раз сцыганили,— заметил Биктяшев и всех рассмешил. Это чуть-чуть разрядило атмосферу и настроило командиров на веселый лад. В коннице такие происшествия бывали нередко.

— Очень хорошая кличка — Горноста́й,— протяжно сказал Потипко.

— А где стоял он? У какой коновязи? — спросил Заставин.

— Может, это тот самый, на которого я показывал? Там принимал коней Максим — первый эскадрон, наверное, у них нужно посмотреть,— ляпнул Хафиз, толкая локтем в бок Сергея Орлова.

— Мы смотреть не будем. Кто взял, тот сам и обратно приведет. Искать не станем,— твердо сказал командир полка.

«Да он уже здесь!» — хотелось мне выкрикнуть, но я промолчал. Не потому, что трусил. Нет. Я мучительно думал о том, какие слова оправдания скажу подполковнику? Да и не в оправдании было дело. Мне нужно было убедить его сердцем, что этот конь для меня все. Вы-

сказать все, что было у меня в то время на душе, да еще в присутствии всех командиров, я не мог.

— Я прошу шуточки прекратить,— продолжал командир полка.— Вопрос гораздо серьезнее, чем вы думаете. Этого коня нам прислал кубанский колхозник от имени всей семьи. Он приобрел его на свои сбережения. Фамилия этого кубанского казака, бывшего сподвижника знаменитого Кочубея, Корней Иванович Пластунов. В первые дни войны у него погиб на границе единственный сын. Дело вот в чем, товарищи...— Подполковник Кушнарев, мягко позванивая шпорами, вышел из-за стола и, заложив руки за спину, остановился посреди землянки. Его широкие брови сдвинулись к переносице, еще больше обозначились морщинки на молодом лице при свете мигающей лампы, а на висках серебрились седины.

Дело в том, что пограничника Петра Пластунова я знал лично. Он был солдатом той заставы, где я в первые дни войны был начальником. Мы вместе приняли бой. Он погиб смертью храбрых, а я был тяжело ранен. Остальное вы знаете. Я рассказывал вам свою биографию, когда принимал полк. Мы с Корнеем Ивановичем изредка переписывались. Зная мой адрес, он прислал свою дочь Глашу, чтобы вручить этого коня самому лучшему воину нашего полка.

Холодная трубка жгла мне руки. Я зажал ее в кулаке и сломал. Что-то клокотало у меня в душе и радостно было и ошеломительно тяжело за свой бесчестный поступок. Радостно потому, что состоялась моя встреча с ней. Горько потому, что все могло быть иначе.

— Значит, это ваш конь? — проговорил я глухим голосом. Дальше молчать у меня не хватило сил.— Вам он принадлежит и никому больше.

— Почему мне? — прозвучал гордый голос подполковника.— Мы с замполитом и начальником штаба подобрали другую кандидатуру, не менее подходящую.

— Кто же это, товарищ подполковник? Кто? Назовите,— раздались голоса.

— Что же тут называть? Коня-то нету? — мрачно буркнул Шевчук, сверкнув в мою сторону большими серыми глазами.

— И так ясно,— коротко бросил неугомонный Хафиз.— Наш Максим, конечно...

В это время вошел адъютант командира полка, млад-

ний лейтенант Удальцов, попросив разрешение обратиться, что-то сказал подполковнику на ухо.

— Давай, зови, зови! Давно бы надо сказать, чудак человек, — поглядывая на часы, сказал подполковник. — Наши гости уезжают, — продолжал он, когда лейтенант удалился. — Надо попрощаться, товарищи, и поблагодарить. Есть сведения, что нас ищет авиация противника, не стоит наших дорогих гостей подвергать опасности, да и нам скоро на марш. Вот так.

В прокуренной землянке затухающим светлячком мигала лампешка. Удушливый запах табачного дыма смешивался с запахом кожаных ремней и с ароматом духов, которыми пахло от батистового Глашиного платочка. Я сжимал порезанным пальцем свою дрожащую челюсть и не видел, как вошли в землянку Глаша и ее спутники. Помню только испуганное, растерянное лицо Глаши, склоненное ко мне при прощании. Губы ее безмолвно шевелились, что-то говорили, но я ничего не соображал и не понимал. Горячая рука нащупала мои пальцы, крепко сжала их. Потом я увидел кубанский белый платок на ее темном платье, и все исчезло за пологом плащ-палатки, служившей вместо двери. С моих колен соскользнула и упала на земляной пол записка. Спohватившись, я быстро нагнулся, поднял ее и спрятал в карман гимнастерки.

— Ну что же, товарищи, пора по местам, — сказал командир полка.

— А конь? — спросил кто-то.

— Куда же он денется? Найдется. Старшему лейтенанту Бражникову остаться здесь. Все.

Позвякивая шпорами, командиры подразделений покинули землянку. Остались Кушнарев, Шевчук и я. Подполковник прошелся из угла в угол и остановился около стола. Шевчук, пытая массивной трубкой, с карандашом в руках «ползал» над широким куском военной карты.

— Ты не болен? — неожиданно обернувшись ко мне, спросил Кондрат. Мы с ним вместе лежали в госпитале и крепко сдружились. В какой-то степени он был наставником, поэтому всякие промахи с моей стороны его всегда сильно огорчали. Сейчас он был хмурый и злой. Кушнарева я высоко ценил и уважал. Это волевой и мужественный человек, прошедший тяжелый боевой путь службы на границе и на войне. Я восхищался его выдержкой в бою и образцовым поведением в фронтовом армейском

быту. Он всегда был чуток к людям, проницателен в оценке обстановки и непоколебим в принятых им решениях. Для меня он был образцом грамотного, высокоодаренного военачальника.

— Я здоров,— пожал я плечами.

— Может, ты где-нибудь горилку пил? — допекал меня Шевчук.

Я решительно покачал головой.

— Тогда я не знаю, яка тебя муха вкусила. На вид ты такой похмельный, будто кухоль медовой браги выпил...

— Почему вы, товарищ старший лейтенант, опоздали? — спросил подполковник.

— Я отсутствовал, товарищ гвардии подполковник.

— А кому вы доложили об этом?

— Не докладывал.

— Почему не сказали в эскадроне, куда вы отправились и где вас при случае искать? Хотя бы своему заместителю.

— Не мог...

— Странный ответ! Да вы садитесь, не маячьте. Что случилось, товарищ Бражников? А потом на самом деле: почему у вас такой возбужденный вид и руки трясутся? Может быть, вы все-таки больны?

— Никак нет.

— Тогда расскажите, в чем же дело?

— Я принял коней, отправил их и... и задержался в лесу...

В горле у меня пересохло, говорить мне было трудно. Но я обязан был что-то сказать.

— Что же вы там делали? — допытывался подполковник.

— Ягодки собирал...— резанул меня Шевчук по самому сердцу.

— Вроде этого,— ответил я ему в тон.

— Кралю, поди, подцепил. Так уж скажи прямо! Чего тут вола крутить? — Кондрат цеплялся словно репей. В другой раз я бы сам ему все рассказал. Несмотря на его внешнюю строгость, он был добрейшей души человек.

— Странно, очень странно,— посматривая на меня сбоку, говорил подполковник.— А мы решили торжественно вручить тебе боевого коня, подарок семьи Корнея Ивановича Пластунова. Я отказался в политоделе и на-

звал тебя. А случилось так, что ни всадника, ни коня...

— Конь здесь, товарищ подполковник,— сказал я и опустил голову, будто чем-то тяжелым ударили по темени. Догадывался о моем поступке командир полка или нет, но он этим сообщением уничтожил меня.

— То есть как это здесь? — опуская под стол руку с трубкой, спросил начальник штаба.

— Я приехал на нем...

— Почему он очутился в вашем эскадроне? — жестко спросил подполковник.— Смотрите мне в глаза, товарищ Бражников!

Я медленно поднял голову и начал свой рассказ. Я рассказал обо всем, кроме встречи и прогулки с Глашей. Об этом я не мог говорить. Это была моя сокровенная тайна.

Командир полка, не глядя на меня, опустил на са- модельную из тополей плахи скамью и долго молчал. Кондрат несколько раз крякнул, протяжно вздохнул, смял грабастыми пальцами лежащую перед ним карту.

— Командир, пограничник...— словно про себя начал говорить Кушнарев.— Самовольно, украдкой увел чужого боевого коня! Как можно дожить до такого позора! Где это случилось? В собственном его полку! Ну, хорошо, Биктяшев поймал тогда коня командира дивизии. Бродил без всадника, потому что нерадивые коноводы испугались бомбежки и распустили коней. Надо было их кому-то собрать. А здесь?

— Тяжелый случай,— пробасил Шевчук.

— Накажите, товарищ гвардии подполковник, только...— Меня душил воротник гимнастерки. Усилием воли я сдавил челюсти, покрутил головой и умолк.

— Товарищ старший лейтенант, идите, расседлайте коня и сдайте в хозяйственный взвод, а сами отправляйтесь в эскадрон и ждите приказа. Вот так,— закончил подполковник своей твердой любимой фразой, после которой разговор, как правило, считался законченным.

— Ну, а дальше что? — не выдержал Шевчук и медленно приподнялся во весь свой высокий рост.

Часто резкий и вспыльчивый, сейчас он был сумрачно спокоен. Я знал, что это не предвещает мне ничего доброго. Строгий и дисциплинированный, Кондрат был огорчен моим поступком не меньше, чем командир пол-

ка. Видно было, как он все тяжело переживает и не может скрыть этого.

— Что дальше? — переспросил подполковник строго и непримиримо. Немного помолчав, добавил кратко: — Будем судить.

Я вскочил как ужаленный и попросил разрешения удалиться.

12

Как я доехал на коне Калибека до расположения эскадрона, помню сейчас очень смутно. Зато отчетливо припоминаю, как собрал командиров взводов и отдал предварительный боевой приказ на подготовку к маршу. Отпустив их, присел около своего осиротевшего шалаша. В эту минуту я думал о своем бывшем политруке дяде Грише. На совещании у командира полка я то и дело пытался перехватить его взгляд, но он не посмотрел на меня ни разу. Это было большее всего на свете. Самое страшное было то, что я обокрал самого себя, свою честь, совесть и великое, доверчивое чувство Глаши. Мне казалось, что я потерял ее навсегда. Невыносимо было думать об этом.

Я не спал почти всю ночь. Встал рано, увел эскадрон на практические занятия и вернулся только вечером.

Пришел Калибек, молча разжег неподалеку от входа в шалаш небольшой костер и повесил на перекладину котелок с остывшим обедом. Короткое пламя вяло облизывало закопченное дно.

— Сейчас кушать будете, — присев на корточки и потирая над пламенем руки, проговорил он.

— Не буду я кушать. Ты напрасно стараешься, — проговорил я нехотя и плотнее закутался в бурку. — Поешь сам, а мне согрей чаю.

— Кушать нужно. Вы же не обедали. Я сто грамм наливаю. Есть у меня немножко...

— Ничего не надо! Приготовь чай и ступай отдыхать.

— Есть приготовить чай и ходить отдыхать. Только покушать вы все равно должны, — настойчиво сказал Калибек.

— Не приставай, Мулдасанов, — ответил я со сдержанным в голосе раздражением.

— Есть не приставать Мулдасанову. Толко разреши-те, слово «только» Калибек всегда произносил без мягкого знака, — разрешите один вопрос сказать?

— Ладно. Говори свой вопрос.

— Почему у нас коня забрали? Я хотел там спросить, да вы очень сердитый были, сели и ускакали... Там коноводы разную чепуху говорят.

— Что они говорят?

— Болтают, что мы украли его... Коновод помначштаба Мишка Сидоренков так говорил. Я хотел ему морду бить...

— Ну, это ты зря. Запрещаю. Смотри, в следующий раз не вздумай связаться. А вообще — прекрати этот разговор, — приказал я строго.

— Слушаюсь, — ответил он и снял с костра закипевший котелок.

Давно уже наступила короткая летняя ночь. Над лесом поднялась неполная, с ущербленным краем луна, пронизывая темный кустарник неяркими красно-желтыми лучами. Где-то близко раздался пугливый всхрап коня, сухой, шелестящий звук папоротника, который густо рос вокруг шалаша. Затем послышался резкий оклик часового: «Стой, кто идет?» — и тут же все стихло.

— Иди, узнай, что там такое, — приказал я Калибеку.

— Наверное, какой-нибудь поверяющий, — поднимаюсь от костра, заметил он. Однако отойти не успел. Были слышны шаги приближающегося человека. Минуту спустя я увидел, как, пригибая траву длиннополой буркой, к костру шел Григорий Илларионович Молостов.

Я быстро вскочил.

— Что, не спится? — спросил он.

— Так точно, товарищ старший политрук, не спится, — ответил я облегченно.

— Слушай, Мулдасанов, — сказал он, — ступай к моему коноводу и принесите коням сена.

— Есть, товарищ старший политрук. Я могу и один сходить, — отозвался Калибек.

— Вдвоем сходите и захватите побольше. Да побеседуйте там, а мы вас потом позовем, — уже тоном приказания проговорил дядя Гриша и присел к костру.

Калибек повернулся круто и скрылся в кустах.

— А ты знаешь, я только что думал о тебе и каким-то особым чутьем, подсознательно угадал, что ты при-

дешь... Не вру, дядя Гриша, честное слово! — признался я откровенно. Молчать мне было очень трудно, и я заговорил сразу.

— Верю без всякой клятвы, — подбрасывая в костер хворост, заговорил он. — Но если бы мне вчера сказали, что ты сегодня выкинешь такой номер, я бы не поверил. Послушай, Максим, как могло такое случиться?

Я долго подбирал нужные слова и только после раздумья ответил теми мыслями, которые пришли мне в голову во время встречи с Глашей.

— Увлёкся, Григорий Илларионович! Не конем увлёкся, а собой...

— Как это понимать?

— Очень просто. Слишком часто и много любовался своей персоной, считая, что я все могу и мне все нипочем...

— Значит, тиличное тщеславие, ну и еще как там? — усмехнулся он.

— И еще ничем не прикрытая глупость, дядя Гриша. Готов расплатиться хоть кровью! — проговорил я запальчиво.

— Знаешь что, милый, давай-ка без громких фраз. Лучше будет. Мне тут непонятно одно: как я не заметил в тебе этих заскоков раньше?

— Да и сам я их не замечал за собой, а вот сегодня заметил, когда они наружу выползли... Но это еще не все.

— Как так не все? Ты думаешь, этого мало?

— Ну, чтобы считать себя подлецом — этого недостаточно, потому что подлецом я никогда не был. Но мой поступок имеет еще один неприятный корень, который больно цепляется за мою совесть...

— Рад это слышать, — сказал Молостов. — Значит, такой корень должен погибнуть.

— Не в этом дело... Ты еще не все знаешь...

— Не все? — он резко повернул голову и в упор посмотрел на меня удивленными, слегка прищуренными глазами.

— Да... На совещании ты даже не взглянул на меня, — укоряюще проговорил я.

— Это тебе почудилось, — усмехнулся дядя Гриша. — Ты лучше расскажи все по порядку, а потом и меня послушаешь... Я тебя тоже кое-чем удивлю...

— Меня уж теперь ничем не удивишь.

— А это мы потом посмотрим, — загадочно ответил он

и плотно привалился спиной к стенке шалаша.— Ну что ж, герой, давай разматывай, распутывай свою проказливую веревочку,— добавил он насмешливо.

— Крепко напутал — это верно! — согласился я и тут же рассказал ему все без утайки.

— Ну что, дружок, выходит, с законным браком?

— Выходит так.

— Счастливая все-таки эта самая грешница! — проговорил он с задумчивым, протяжным вздохом.

— Кто? — громко и быстро спросил я.

— Ну, конечно, Глафира Пластунова! — рассмеялся он.

— Не шути, дядя Гриша! — Мне показалось, что он издевается над моей откровенностью.

— Хороши шутки! Знаешь что, друг мой, героиня-то твоя так и не уехала.

— Как не уехала?

— Очень просто. Осталась, и все тут, — спокойно ответил он, пристально посматривая на меня сбоку.

Тусклый отблеск костра освещал его короткие, аккуратно подстриженные усики. Глаза наши встретились. По выражению его лица я понял, что он говорит правду.

— Где она сейчас? — спросил я полусшепотом.

— В санчасти, у медиков.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего особенного. От кого-то узнала, что ты наделал глупостей, сошла с машины и вернулась за тебя хлопотать... Была у командира полка. Вместо того чтобы тебя примерно наказать, она потребовала возвратить коня.

— Куда возвратить?

— В твой эскадрон.

— Ну, а вы? — Мне трудно было спрашивать об этом, но я все-таки спросил.

— А что мы? — Молостов усмехнулся и снова подбросил в костер несколько поленьев. Сухие дрова ярко, с треском вспыхнули.— Она, говорят, отшвырнула часового и ворвалась в землянку Кушнарёва и вся в крови...

— Почему в крови? — За его спокойные, медлительные слова мне хотелось встряхнуть дядю Гришу за плечи.

— Наверное, боролась с часовыми... Решила воевать, остаться и добивается, чтобы зачислили к тебе в эскадрон...

— Можно мне съездить в санчасть? — быстро спросил я.

— Там тебе делать нечего.

— На полчаса, дядя Гриша!

— Сказал тебе, что незачем! — твердо ответил он.

Мне так хотелось увидеть Глашу, что я готов был совершить еще один безрассудный шаг. Я уже возбужденно размышлял о том, как мы встретимся и что за этим должно случиться... Но в эту минуту мысли мои были прерваны звонким, истошным выкриком Калибека: «Товарищ старший лейтенант! Товарищ командир эскадрона!» Я быстро вскочил и как бешеный кинулся в кусты. Бежать было недалеко — метров тридцать. То, что я там увидел, я никогда не забуду. У крайней коновязи стоял Калибек и кормил из рук Горностая, а рядом в накинутой на плечи плащ-палатке, с белым бинтом на лице стояла Глаша. Поодаль маячила фигура черноусого казака. После я узнал, что он сопровождал Глашу до расположения эскадрона. Я до сих пор помню, что от Глаши тогда пахло ландышами и каким-то лекарством. Я обнял ее и осторожно повел к шалашу. Дяди Гриши у костра не было.

— Я, Максимушка, должна скоро уехать, — ласково заговорила она.

— Как уехать? — Я ничего не понимал, да и вряд ли хотел понимать что-либо.

— Не могу же я здесь оставаться! Маленько только побуду. — Мягкой и теплой рукой она погладила мою щеку и крепко прижалась к плечу.

— Мне сказали, что совсем осталась.

— Совсем? — удивленно встрепелась она. — Тут? На войне?

— Ну да! Со мной, конечно.

— Ты совсем с ума сошел, Максим! У меня этого даже и в мыслях не было... — Глаша не договорила и, зябко вздрагивая, еще плотнее прижалась ко мне. — Я не могу, понимаешь? — исступленно зашептала она.

— Что с тобой? Почему у тебя повязка? — Я тормозил ее, спрашивал и чувствовал, как опускались и тяжелели плечи Глаши. Подхватив на руки, я отнес ее к шалашу, усадил на разостланную попону и присел рядом.

— Погоди немножко, сейчас все расскажу, — поры-

нисто переводя дыхание, проговорила она.— Ты мою записку получил? — неожиданно спросила Глаша.

— Конечно!

— Ты даже не представляешь, что со мной было! Я думала, что сойду с ума...— Глаша наклонила голову и заплакала.— Не помню, как мы сели в машину и поехали. Всю дорогу я думала о том, что больше никогда тебя не увижу. У меня разрывалось сердце,— продолжала она сквозь слезы.— Когда приехали в штаб дивизии и вышли из машины, на меня сразу же налетели ухажеры... У всех малиновые башлыки и кубанки набекрень. Наверное, дюжина молодых парней и пожилых майоров и подполковников. Большинство из них, конечно, женатые... Но здесь фронт, и такие вещи не в счет... Все хотят жить и любить. Если бы у меня было двенадцать сердец, я бы раздала все до единого... А у меня только одно, и то не мое, а чужое... Ах, Максимушка! — воскликнула Глаша и протянула мне руки...

Мне кажется, что читатель поймет, что тогда творилось в моей душе, поэтому некоторые подробности я опускаю.

Всем нашим дивизионным щеголям Глаша мило и непринужденно улыбнулась, а своего руководителя делегации ошарашила тем, что решила вернуться в полк и остаться на передовой, хотя бы в качестве санитарки. Руководитель понял, что уговорить ее невозможно. Невразумительно поворчав для виду, согласился. Присутствующие при этом ухажеры ликовали, каждый старался предложить свои услуги. Офицеры связи пригласили Глашу в штабную столовую на обед, благо боев пока не было, телефонная связь работала бесперебойно, и лейтенанты изнывали от скуки.

Глаша любезно всех поблагодарила, решительно остановила ехавший в наш полк грузовик, шмыгнула в кабину и помахала кавалерийским молодцам своей маленькой смуглой ладошкой.

— И вот, дорогой Максимушка, вернулась... Ты еще, ласка моя, не знаешь, что я о себе думаю...— грустно сказала она.

— Нам, Глаша, нужно о многом подумать.

— Давай, родненький, будем думать,— глубоко вздохнула она.— Откуда ты только взялся!

Я попытался ее обнять, но она настойчиво отвела ру-

ки. Не глядя на меня, спросила с беспощадной простотой:

— Неужели здесь все такие?

— Какие?

— Как встретил овечку, так и остриг?

— Глаша! — Ее вопрос хлестнул меня в самое сердце.

— Ты на меня не шуми... Ваши казаченьки побачили меня и размахались башлыками, як гусаки крыльями. У каждого на портрете так и намалевано: «Беру тебя, калинка моя, в фронтовые подружки». А ну, скажи, так или нет?

Что я мог ей ответить? Она окинула меня печальным взглядом и отвернулась.

— Ты тут, ласка моя, не виноват. Я сама потеряла голову. А раз так, то по волосам скулить не буду. Мы, женщины,— птички глупые, жалостливые... Сначала пожалеем, а потом расплачиваемся... Я теперь уже баба, потому так и рассуждаю. Я сегодня выросла, сначала до неба, а потом опустилась снова на грешненькую землю. Ты еще не знаешь, что пережила за эти часы!

— Ну, что случилось, дорогая моя?

— Войну эту проклятую во как почуяла! Смердит не только дымом и порохом... Сегодня, Максимушка, я уже побывала на том свете...

— Что за бред? Откуда у тебя такие глупые мысли?

— Подожди трошки, зараз все тебе выложу. Я тоже теперь храбрая стала... Самое ужасное случилось, когда я тикала сюда из штаба дивизии. Сижу в кабинке рядом с шофером и о том, о сем словами перекидываемся. Вдруг что-то такое ударило, я и почуяла, что куда-то лечу и падаю в темноту... Тишина, як в могилке, мрак и больше ничего...

— Что-нибудь произошло? — внутренняя тревога не покидала меня, и я сидел, как на раскаленных углях. Глаша говорила слабым, каким-то надломленным голосом. — Что с тобой, ну, что?

— Ничего, милый... Просто наша машина наскочила на мину. Так шарахнуло, что заднее колесо превратилось в вареник, как мне потом рассказали, и улетело куда-то в кусты. Я очнулась только в медчасти с забинтованной головой.

Я беспомощно трогал марлевою повязку на ее щеке и бормотал не помню какие слова.

— Да, ничего... Мне совсем не больно. Даже голова перестала кружиться, а на щеке так чуточки царапинка. В машине обо что-то ударилась. Врач сказал, что все пройдет...

— Все врачи так говорят. Не нужно было уходить из медчасти, я бы сам туда приехал.

— Уж я знаю! Прискакал бы, як тот сумасшедший,— задумчиво проговорила она.— Я там часа два, а может, и больше лежала одна и все время о тебе думала и о себе... Как будто за смертью вернулась. Даже вспоминать страшно! Странно все это!.. Совсем не такой война мне представлялась, и людей я тоже представляла совсем другими, и сама стала тоже совсем другая. — Глаша закрыла глаза и умолкла.

Я понимал или, вернее, начал понимать Глашу. Отдала душу и сердце, а обрела еще более мучительное и жестокое страдание. Зачем она вернулась? Может быть, для того, чтобы предъявить свои женские права, а затем уже все разделить пополам — и радость и горе?

— Ужасно, ужасно! — лихорадочно встрепенулась Глаша.— Я там лежала на санитарной койке и трошки задремала, вдруг слышу разговор: кто-то рассказывает врачу и хохочет над тем, как ты увел Горностая. Зачем ты это сделал?

Глаша неожиданно выпрямилась и посмотрела на меня в упор. При лунном свете я увидел, как она горько и чуть презрительно усмехнулась.

— Дьявол попутал... Сознаю, что скверно, но дело сделано... Я, Глаша, не хочу оправдываться, но постараюсь объяснить тебе...

— А-а! Господи боже мой! Ничего этого уже не надо. Я была у командира полка, и он все мне объяснил... Я ему наговорила кучу дерзостей и всякой другой бабьей чепухи...

Глаша уронила голову на мои колени и притихла. Мне не хотелось не только расспрашивать о чем-либо, но даже шевелиться. Я и дышать-то боялся...

Над лесом повисла большая круглая луна и яркой, между деревьями, полосой осветила узкий вход нашего шалашика. Я сидел в накиннутой на плечи бурке, привалившись спиной к пахучим просмоленным еловым лапам. А Глаша тут, рядом, усталая, безмолвная, отягощенная новым и страшным познанием жизни. В лесу затаилась

тихая, мирная августовская ночь — пора ягодного и грибного приволья. В этот умиротворенный, торжественный час, когда ягоды наливаются сладким кровавым соком, как нарочно, смолкли далекие фронтовые гулы. Только кони, пофыркивавшие горячими ноздрями, перезванивавшиеся колечками недоузтков, да гул самолета напоминали о чем-то тревожном и глубоко таинственном. Мы грустно молчали. Мы начинали проникать в ужасающие тайны войны, но не проникли еще в тайны своих сердец.

Разговор Глаши с подполковником Кушнаревым я здесь передаю с ее слов полностью, со всей «бабьей чепухой».

Узнав, что мне предстоит судилище, она вскочила с кровати и, несмотря на протесты врачей, оделась и быстро вышла. Около землянки командира полка ее попытался задержать часовой, но она решительно оттолкнула его и юркнула в командирское подземелье. Кушнарев был один.

— О-о! Вы уже так быстро выздоровели? — Кушнарев поздоровался и усадил Глашу на самодельную скамейку. — Как вы себя чувствуете?

— Спасибо. Отлично... Товарищ подполковник, я случайно узнала, что вы собираетесь судить старшего лейтенанта Бражникова?

— Вы, я вижу, очень отважная... начинаете бой прямо с ходу, — усмехнулся подполковник. — Вы для этого и вернулись?

— Да, — смущенно подтвердила она. — Нет, собственно, не совсем так, — спохватилась Глаша. — Этот вопрос, товарищ подполковник, сугубо личный...

— Личный? — командир полка, позванивая колесиками шпор, прошелся до двери, повернувшись к Глаше, сухо спросил: — А кого и за что отдать под суд — это чей вопрос, как вы полагаете, товарищ Пластунова?

— Я полагаю, товарищ подполковник, что это ужасный вопрос, всеобщий и всенародный, поэтому преступников и судит народный суд. У меня батька сам народный заседатель! — пылко возразила Глаша.

Кушнарев не выдержал и рассмеялся.

— Неужели, товарищ подполковник, с лейтенантов, которые только вчера перестали играть в казаки-разбойники, так уж забавно срывать кубики и посылать их в рядовые солдаты?

— Вы правы. Наказывать подчиненных — нелегко. Но если они этого заслуживают, приходится. Старший лейтенант Бражников совершил серьезный проступок и безусловно будет наказан. Вы знаете, что он сделал?

— Слышала кое-что...

Командир полка рассказал суть дела. На Глашу, как он заметил, мой «фокус» не произвел впечатления.

— Сейчас это не имеет никакого значения. — Глаша устало махнула рукой и отвернулась.

— Почему вы так думаете? — удивленно спросил подполковник.

— Вы же сами присудили ему Горностая!

— Это совсем другой разговор, — возразил Кушнарев.

— Никакой разницы. Сам увел или вручили бы ему под звуки торжественного марша.

— А собственно, почему вы за него заступаетесь?

— Потому, что это дело личное, семейное...

— То есть как семейное?

— Очень просто. Коня привела я, а старший лейтенант Бражников — мой муж... — Глаша вспыхнула и опустила голову.

Кушнарев удивленно сдвинул широкие брови и недоуменно пожал плечами.

— Может быть, вы мне не верите? Или думаете, что я вам морочу голову? — дрожащим от волнения голосом спросила Глаша.

— Не то что не верю... Я просто ничего не понимаю. Вы его давно знаете?

— Теперь это не имеет никакого значения.

— Как сказать...

— И говорить нечего. Все уже кончено. Я его жена. Вызовите и спросите... А впрочем, до этого никому нет никакого дела. Вот вы, например, женились здесь, на фронте. Почему же я не могу выйти замуж? У командира дивизии супруга, у заместителя тоже женушка. Кстати, я ее хорошо знаю — учились вместе и здесь случайно встретились. Почему же лучший в полку командир эскадрона, старший лейтенант Бражников не может последовать примеру своих начальников?

Словесный залп Глафиры Пластуновой был настолько сильным и точным, что Кушнарев не сразу нашелся. Если бы эта кубанская красавица числилась в списке личного состава, можно было бы не объяснять, а просто сказать одно твердое словцо и закончить разговор на краткой ноте. Сейчас же она была уважаемой гостьей, официальной представительницей кубанского казачества.

С чайником в руках вошла Оксана и, увидев светлоглазую казачку, нерешительно остановилась в дверях.

— Проходи, проходи, чего там остановилась? — в замешательстве потирая руки, проговорил Кушнарев. — У нас тут интересный разговор и без особых секретов...

— Да я уж чую... Еще раз здравствуйте, товарищ Пластунова! Как вы себя чувствуете? — ласково спросила Оксана. История с аварией ей была известна, но почему эта девушка так быстро исчезла из санчасти и очутилась в землянке командира полка, она не знала.

— Благодарю вас. Я чувствую себя превосходно! — резко, с неприязнью ответила Глаша.

Кушнарев это заметил и поморщился.

— Ты что, чайку принесла? — спросил он у жены.

— Да. Сейчас налью, — ставя на стол чайник, ответила Оксана.

— Давай, давай. Гостью попотчуй...

Оксана сняла с головы пилотку, поправила коротко стриженные волосы и стала разливать чай. Глаша, словно изучая жену Кушнарева, поглядывала на нее цепким, пронзительным взглядом. Подполковник, покусывая губы, продолжал ходить из угла в угол и не знал, как распутать этот неожиданный, туго затянувшийся узелок. Обращаясь к Оксане, шутливо проговорил:

— Глафиру Корнеевну надо поздравить.

— С чем? — спросила Оксана. — Хотя я уже догадываюсь, — добро глянув на Глашу добавила она: — Вы, наверное, решили здесь остаться?

— Теперь непременно останется, — кивнул Кушнарев. — Ты знаешь, они с Бражниковым успели уже пожениться. Здорово?

— Не шути, Илья, и не смущай девушку. — Оксана взяла стакан и стала частыми, короткими глотками пить чай. Глаша к своему стакану даже не притронулась. Ни на кого не глядя, тихо проговорила:

— Коли это правда, что ж смущаться... Только оставаться тут я не собираюсь.

Оксана переводила удивленные глаза то на мужа, то на Глафиру.

— Правда? — качнувшись всем корпусом в сторону Глаши, переспросила она.

— Да, да! — нетерпеливо подтвердил Кушнарев и, не спуская с Глаши своих зорких, прищуренных глаз, спросил пытливо: — Значит, оставаться у нас не желаете?

— Он воюет, а я не хочу ему мешать и не буду, — бледнея и часто моргая глазами, ответила Глаша.

— А разве мы кому-нибудь мешаем. Илья, я тебе, может быть, мешаю?

— Зачем глупости говорить, — резко возразил Кушнарев. — Здесь все друг другу нужны и никто никому не мешает!

— Извините, товарищ подполковник, я ведь не про вас сказала, а только про себя, — сурово поджимая губы, возразила Глафира. Влажные глаза ее поблескивали, как два маленьких синих огонька. — Что я тут стану делать? Ждать, когда привезут его раненого или... — продолжила она прерывающимся голосом. — Лучше там подожду. Война это вовсе не бабье занятие, нам и в тылу дела хватает... А тут от нас не польза, а вред один!

— Ишь какая! — присаживаясь на скамейку, громко проговорил подполковник.

— Какая уж есть. Конечно, каждому живому человеку приятнее лишний раз обнять женщину вот в такой уютной землянке, чем под пулями на пузе ползать... Жизнь продолжается в любых условиях, товарищ подполковник

— А вы, дорогая Глафира Корнеевна, оказывается, философ. И на самом деле, вам здесь делать нечего, голубушка моя! — сказал Кушнарев.

— У меня, маленького, незаметного педагога, своя, выстраданная, чисто бабья философия. Я хоть еще и не рожала детей, но думаю, что это делать гораздо легче, чем воевать. Кончится война, останемся живы, за пару лет пополним все наши потери... Вот такая у меня философия.

— Замечательная философия! — засмеялся Кушнарев.

— Извините, товарищ подполковник, и вы тоже, — кивок в сторону Оксаны. — Простите, что ворвалась к вам и разной чепухи наболтала. Я, наверное, все-таки завтра уеду... Разрешите мне побывать в эскадроне Бражникова? Хоть немножко...

— Это можно. Я сейчас распоряжусь. Вы подождите здесь. — Кушнарев взял трубку полевого телефона и позвонил дежурному.

— А на Горностая можно взглянуть? Последний разочек? — когда подполковник положил трубку, смиренно и нежно спросила Глаша.

— Да, пожалуйста! Сколько хотите! Он здесь, недалеко стоит.

Глаша поблагодарила и, тепло попрощавшись с хозяевами землянки, вышла вместе с дежурным.

...Дальнейшие события передаю со слов дежурного. Когда он вернулся и доложил командиру полка об исполнении его приказа, мимо окна землянки звонко процокал чей-то конь.

— Это что, они поехали? — спросил Кушнарев у дежурного.

— Так точно! Для сопровождения, согласно вашему приказанию, я выделил связного, казака Романько, уса-тый такой, знаете?

— Знаю. А она?

— А она, товарищ подполковник, как лесная фея, — усмехнулся дежурный.

— Какая там еще фея? ... Докладывайте, как положено!

— Слушаюсь! Села на нового коня не хуже любого казака...

— На нового коня? — переспросил подполковник.

— Так точно! Разрешите идти?

— Идите. — Кушнарев махнул рукой и устало опустился на широкую из гладко обтесанных горбылей кривать.

Острый разговор Глаши с командиром полка не выходил у меня из головы. С чуткой и пытливой, чисто женской прозорливостью она увидела все «грешки» нашего фронтового быта. Для этого Глаша была слишком чиста,

наивна и бесхитростна. Мы же до этого совершенно не замечали нашего бытового чертополоха. Воевали так, как воевалось. На отдыхе жили так, как жилось, и любили накоротке, так, как любилось... Молодость безрассудна. От самой перевозданности она становится на баррикады со своим вечным знаменем, которое передается из поколения в поколение, из рода в род.

Перед шалашом медленно догорал маленький уютный костер. Невидимый при лунном свете, сердитый и едкий дымок пощипывал и разъедал утомленные глаза.

Короткой обгоревшей палочкой Глаша ворошила бледно-розовые угольки и задумчиво щурила глаза.

Становилось прохладно. Уходящую в лес просеку, широко и мягко, как ватой, накрывал белесый, предутренний туман. Я слезил в шалаш, вытащил бурку и накрыл ею плечи Глаши.

Мне хотелось сказать самые ласковые, горячие и задушевные слова. В этот миг я очень любил ее, а она была строга и молчаливо недоступна. Я почти беспрестанно тянул трубку, жадно глотая горький табачный дым. Несколько раз предлагал ей поужинать, но она все время отказывалась.

— Ты можешь ответить мне на один вопрос? — после долгого молчания вдруг спросила она.

— Почему же нет? Я думаю, что теперь уже не может быть твоих и моих вопросов. Сейчас они все наши...

— О-о! Если так, то это очень хорошо! — ответила она и вздохнула.

— А как же иначе? — Я обрадовался ее смягченному тону и немного оживился.

— Но я ведь, миленький мой, не спорю! Скажи мне откровенно и честно: тебе очень хочется, чтобы я тут осталась? Насовсем...

После ее беседы с Кушнаревым такой вопрос для меня не мог быть неожиданным, поэтому я решительно и твердо ответил, что не хочу и не желаю принимать такую жертву.

— Но если я сама захочу?

— Тогда ни у кого не нужно спрашивать, — не очень решительно ответил я.

— Но если я хочу с тобой посоветоваться?

— Не терзай меня, Глаша, и не лукавь.

— А разве я лукавила?

— Не знаю. Лучше ложись и отдыхай, а я пойду проверю посты.

Внутренне протестуя, я заставил себя встать и немножко пройтись.

— Тебе обязательно надо проверить посты?

— Даже непременно. Полезай в шалаш, там все приготовлено.

— Спасибо. Ты очень заботливый...

Глаша встала и беспомощно поволокла бурку к отверстию шалаша.

Она мне показалась в это мгновение маленькой и такой неприспособленной, похожей на черную с подбитым крылом галку... Один край бурки висел на плече, а другой полз по вытоптанной траве. Я шагнул к ней, бережно принял с плеч бурку, аккуратно скатал и зашвырнул в угол шалаша.

— Там есть новая попона, можешь ею укрыться и буркой можно.

— Да ладно... — с неприкрытой досадой проговорила Глаша и, согнувшись, исчезла в шалаше.

Я пожелал ей спокойной ночи и удалился.

Проверив часовых и дневальных, я не спеша обошел все расположение эскадрона. На обратном пути завернул в отделение управления.

Окликнув меня, дневальный снова присел на беспорядочно сваленную копну сена. Он, наверное, спал и положенного рапорта не отдал. Сделав ему внушение, я подошел к Горностаю.

По привычке огладил шею, потрепал за холку и, к моему удивлению, не почувствовал того горячего трепета, который охватил меня утром около штабной коновязи. После тех сумбурных суток прежнее чувство к коню как-то отдалилось и померкло. Я только сейчас понял, что меня властно и неудержимо тянет к нашему зеленому шалашу... Как я мог оставить ее одну? Шагая около взводных коновязей, я все время не мог отделаться от запаха Глашиных волос, от звонкого голоса с певучим полуукраинским выговором, от ее загадочной, пытливой улыбки.

Нащупав в кармане кусок сахара, я сунул его Горностаю за теплую губу и скорыми шагами пошел к потухшему костру.

...В августе 1942 года правый фланг Западного фронта предпринял крупное наступление. К тому времени линия переднего края проходила по маловодной, но сильно заболоченной реке Держа. Армия, в состав которой входило наше кавалерийское соединение, находилась в центре и наносила основной удар. Перед правым флангом армии противником были созданы особо сильные укрепленные пункты с глубоко эшелонированной обороной: на западе — в районе Гняжьих гор и Погорелого Городища, на северо-западе, где находился важный в стратегическом отношении предместный перед городом Ржевом плацдарм Зубцово. На левом фланге армии, кроме двух рек — Держи и Гжати, с густо заминированными подступами в глубине обороны, были сооружены важные ключевые позиции: Карманово—Ершово, Гусаки и Мокрые Каплуны. Все это нам предстояло взломать и отбросить противника за линию железнодорожной магистрали Ржев — Сычевка.

К моменту нашего наступления в состав армии входили два танковых корпуса, два гвардейских — стрелковый и кавалерийский, две особые мотобригады, подразделения тяжелой артиллерии и гвардейских минометов — из резерва Главного командования, штурмовая, бомбардировочная и истребительная авиация — правда, ее было немного. Перед этим решительным наступлением полки и батальоны всех родов войск в течение нескольких месяцев были полностью переформированы и укомплектованы. Кроме того, к линии фронта беспрерывно подтягивались резервы и техника. Днем и ночью непрерывным потоком подвозились боеприпасы и продовольствие.

Через сутки наш полк по тревоге снялся и начал движение к линии фронта.

Согласно маршевому распорядку, мой эскадрон с двумя приданными пулеметными тачанками шел в растянувшейся колонне непосредственно за штабом полка. Хотя приказ на марш отдавал начальник штаба майор Шевчук, командир полка, очевидно, решил держать меня под рукой и не спускать с моей «прославившейся» персоны своих зорких глаз... После отъезда Глаши я не только не разговаривал с подполковником, но и видел его лишь мельком. Правда, за Глашей он прислал на другой день

машину и, говорят, проводил ее до штаба дивизии. Занимаясь подготовкой к маршу, я ехать тогда не мог, и это меня очень волновало. Больше всего меня угнетало противоречивое, как мне казалось, благородство командира полка. Такого участия с его стороны я никак не ожидал и чувствовал, что за все придется расплачиваться одному мне.

Зачитывая приказ, Кондрат Шевчук угрюмо, исподлобья взглянул на меня и, посасывая свою нелепую трубку, отрывисто и сухо указал место в колонне. Расходившимся по своим местам командирам он пожелал доброго пути и помахал вслед перчаткой, а на меня и моего нового, выделявшегося особой статностью коня даже не посмотрел.

В поведении командиров эскадронов я тоже почувствовал скрытую, нарочито игривую, насмешливую отчужденность. Прощаясь со мной, они козыряли мне с какой-то ловкой, особой сверхпочтительностью и с обидной ухмылочкой на лице, разбирали поводья, перебрасываясь при этом в полусшепот ехидными по моему адресу шуточками.

Обгоняя моего коня, заместитель Хафиза Биктяшева лейтенант Антропов, тыча меня в бок черенком нагайки, ощеривая белые как сахар зубы, с дурашливой издевкой проговорил:

— Ну как, Бражник, ты, кажется, тово... Разговелся!..

Раздавшийся на всю просеку хохот рванул меня за сердце.

— Ничего себе подарочек заработал... — не унимался Антропов. — Ты, оказывается, большой ловкач... Умеешь быстренько обдeldывать свои делишки, не то что мы, грешные... Коня заимел и...

Молниеносно, как ударом клинка, я взмахнул плетью. Мне хотелось опоясать концом витых ремней его тугую, загорелую шею, но я сдержался.

— Ты что, ошалел! — клоня голову вправо, обернувшись ко мне, бледнея, крикнул Антропов.

— Повод! — взбешенно заорал я и чуть-чуть достал его плетью по гимнастерке, а больше всего угодил по крупу коня. Конь сильным и резким броском рванулся вперед и едва не выкинул Антропа из седла.

Толкнув Горностая левым шенкелем, я круто повернул на тропу. Тихо отъехав шагов на двадцать, натянул

поводья и остановился. Не оборачиваясь, стал трясу-щими руками набивать трубку. Я не слышал, что выкрикивал на просеке, видимо, только что подъехавший Биктяшев. Кто-то из них галдел, бранился, а Ченцов и Потипко заразительно на весь лес хохотали. Разгорячен-ный Горноста́й, беспокойно вертясь на месте, мешал мне сыпать в трубку табак, да и пальцы как-то не слушались. Кое-как закончив набивку, хотел побыстрее закурить, но сколько ни рылся по карманам, не находил спичек. Как назло, и Калибека с собой не взял.

Голоса на просеке смолкли. Пошумев, командиры разъехались. Тронул коня и я. Мне не слышно было, как догнал меня Ваня Потипко и поехал рядом. Обрадовав-шись товарищу и немного успокоившись, попросил у него спичек.

— Может быть, папиросу хочешь? — щелкая крыш-кой портсигара, негромко предложил он.

Тронутый его вниманием, я торопливо взял из протя-нутого портсигара папиросу, помяв ее, сунул в рот. Мне было очень приятно, что он догнал меня, как бы осудив этим поступок Антропова. Я слишком был потрясен со-бытиями двух последних суток. Мне многое хотелось рас-сказать своему другу, но для этого сейчас не было ни ме-ста, ни времени.

— А у меня, знаешь, Максим, сынишка родился! — Иван посмотрел на меня голубыми, радостно открытыми глазами. — Пять с половиной килограммов живого веса... Бутуз! Петьюшкой назвали. Петр Иванович! Даже как-то удивительно, — продолжал он веселым и счастливым ше-потом.

Я поздравил его и не стал разубеждать относительно веса. «Может быть, и мне когда-нибудь придется пере-жить такое», — подумал я.

— В прошлом году возвращался из госпиталя, за-вернул на три дня домой и, бац — на другой же день оказался женатым... Сам понимаешь, как теперь все бы-стро делается. Даже не думал, и вдруг сын, Петяшка, котяшка... Здорово! А?

— Конечно, здорово! — сочувственно подтвердил я.

— Вот вырастет и, глядишь, кавалеристом станет! — мечтательно продолжал молодой папаша. — Ну, будь здо-ров, Максим. На Мишку Антропова не сердчай. У каждого из нас свой лошадиный царек в башке, и все маленько

озорники. Нам иногда тоже надо мундштучки вкладывать...

Потипко торопливо попрощался и, легонько тронув коня шпорами, повернул назад.

Отзывчивость товарища и его неожиданная радость развеяли мое сумрачное настроение.

Подобрав поводья, тихим, размеренным шагом я выехал на торную лесную дорогу и перевел коня на резвую рысь. Горностай шел четко и упруго. Ездить на такой лошади — одно наслаждение. Через несколько минут я уже был в расположении эскадрона. Собрав командиров взводов, объявил приказ на марш.

В середине ночи, двигаясь в одной походной колонне, полк втянулся в густой сосновый бор.

Конница движется плавным, размеренным шагом, изредка переходя на малую тряскую рысь. Подпрыгивая на твердых корневищах, гулко постукивают колеса пушек, пулеметных тачанок и обозных бричек. Фырчат, а иногда игриво повизгивают еще не утомившиеся, хорошо натренированные во время учебных занятий кони. Где-то впереди и, кажется, совсем недалеко, справа и слева, за настороженно притихшим лесом встряхивают землю то короткие отрывистые, то гулко протяжные артиллерийские залпы. Мы знаем, что это началась артподготовка, и как-то невольно подтягиваем поводья. Чем ближе мы подходим к передовой, тем чаще и ощутимее содрогается переполненный гулами лес.

Боевой приказ мы получили на марше. Предстоящая задача нам теперь известна во всех подробностях. Все командиры и рядовые знают, что, как только линия фронта будет прорвана, кавалерия вместе с танками войдет в прорыв и совершит стремительный бросок вперед. Цель — преследование отступающего противника и уничтожение его живой силы и техники. Надо сказать, что к такой операции мы подготовились весьма основательно. Мы не раз разыгрывали ее на штабных картах и тактических занятиях, очень близких к настоящим боевым действиям. Занятия проводились совместно с танками и боевыми стрельбами. Однако все будет зависеть от того, как сложится обстановка и как поведет себя сильный и опытный противник. Спустя несколько часов после артиллерийской подготовки мы убедились, что противник совсем не тот, какого бы нам хотелось. Пропустив одну танко-

вую бригаду и два полка нашей дивизии, он предпринял на флангах контрудар и рассек дивизию пополам. Полк, по которому был нанесен чувствительный удар, замешкался, вынужден был спешиться и завязать тяжелый бой в глубине обороны противника. Первый и второй эскадроны нашего полка вступили в бой на правом фланге в районе совхоза «Гжатский». Контратакующий противник держал совхоз малыми силами. Конники Сергея Орлова и Биктяшева налетели с двух сторон и после короткой, оглушительной — в пешем строю — перестрелке ворвались в совхоз и закрепились в огромном, густо заросшем старыми липами парке. Однако противник, быстро оправившись от внезапного удара, подтянул свежие силы, снова пошел в атаку. Ожесточенно обороняясь, эскадроны начали нести потери и к полудню запросили у командира полка подкреплений. Первый и второй эскадроны пока были в резерве. Мы спешились и расположились вместе с конями в небольшом молодом леске, примерно в двух километрах от совхоза и ждали боевого приказа. Через лесок протекала какая-то безыменная, поросшая тальником и ольшаником речушка с чистой и прохладной родниковой водой. Она змейкой извилисто выбегала на совхозное с неубранной рожью поле и скапывалась к подножию невысокого бугорка, на котором возвышались одинокие приземистые постройки.

Бой шел по всему участку. Дальние, шальные, долетавшие до нас пули с едва уловимым шипением срезали со стволов осин и молодых березок тоненькие ветки и прошивали зубчатые листья. Изредка в густоте леса ухали тяжелые разрывы, к счастью, минуя беспокойно табунившихся в кустах лошадей, укрытых в глубокой балке. Однако уже чувствовалась убыль в людях и конях.

Я сидел в наспех вырытом окопчике. Больше всего на свете сейчас я боялся неоправданных потерь. Все тот же черноусый казак-связной в нахлобученной на лоб каске доставил приказ командира полка о подготовке к бою. Меня вызвали на командный пункт.

— Ну, как там, браток? — когда мы пробирались меж кустов, по изрытому минами овражку, спросил я черноусого.

— Плотно жмут на второй и четвертый, — ответил он. — Танки появились. Ченцов уже четыре атаки отбил. Лихой!

Командира полка и начальника штаба я увидел на краю изуродованного снарядами пролеска, в глубоочной, старой, начинающей зарастать травкой воронке от авиационной бомбы. Это был след сорок первого года.

С биноклем в руках, опоясанный старенькими полевыми ремнями, Кушнарев топтался на высоком земляном выступе, подставив грудь тугому дымному ветерку. Здесь уже чаще и значительно гуще посвистывали пули, отчетливо близко чувствовалась волнующая судорога нарастающего боя. Вдавливая голову в плечи, я шумно скатился на дно ямы. Увидев меня, подполковник нетерпеливо и резко махнул рукой.

Быстро вскарабкавшись на выступ, я встал рядом с ним, почти касаясь его плеча. Передо мной, как на широком полотне, раскинулось хлебное поле с истерзанной, повалившейся рожью.

— Бражников, слушай обстановку, — не отрываясь от бинокля, начал Кушнарев. — Видишь парк?

— Так точно.

— Это совхоз «Гжатский».

— Знаю.

— Добро, что хоть это знаешь... Там эскадроны Орлова и Биктяшева. Дерутся... Помочь надо им. Видишь этот ближайший пуп? — указав биноклем на постройки у бугра, продолжал он. — Это молочная ферма. Она на наших картах не обозначена. Вместо нее есть отметка 146. Смотри не перепутай божий дар с яичницей. У нас карты тридцать девятого года, а ферма выстроена в сороковом. Расстояние здесь два километра, да до тебя один, всего, значит, будет три и там еще до парка пятьсот метров... Много! — размышлял вслух подполковник. — Если пешком, то ты туда доберешься к шапочному разбору... Ты меня понимаешь?

— Понимаю, товарищ подполковник! Нужно побыстрее?

— Как только можно! Сади эскадрон на коней — и галопом вдоль речушки. Достигнешь фермы, спешивайся, лошадей в скотный сарай и быстренько, смелым броском через рожь на правый фланг четвертого эскадрона. Ну а там, смотря по обстановке. Давай действуй! — закончил Кушнарев.

— Есть действовать!

— Только без горячки! Оправдывай свои штучки! —

крикнул Шевчук. Он стоял внизу и, очевидно, все слышал.

— Что, товарищ майор? — спросил я и прыгнул на дно воронки.

— Без горячки, кажу! Да гляди не проскочи на конях до совхоза. А то тебя там так встретят! Обстрел ведут закопанные в землю танки. Черта сивого выковыришь их без хороших пушек. Мы артдивизионом поддерживать будем.

— Разрешите идти?

— Погоняй, — сумрачно сказал Шевчук.

— Есть погонять!

— Ладно, ни узды тебе, ни хвоста, — переиначив поговорку, бросил Кондрат. — Торопись. Я уже приказал протянуть туда связь. Если появятся наши штурмовики, даешь красную ракету.

16

Спустя полчаса я уже вел эскадрон по запруженной лошадьми и повозками балке. Здесь накапливались чьи-то обозы, батарейные упряжки. Навстречу везли и несли на носилках раненых. Некоторые, держа на весу забинтованные руки или прижимая их к груди, пробирались самостоятельно. Где-то совсем близко гулко и дружно начали хлестать скорострельные зенитные пушки. Как всегда перед начинавшимся боем, у меня противно и нудно зашипало в груди. Услышав грохот зениток, кавалеристы, как по команде, подняли головы. Высоко в синем, как будто застывшем небе белыми и розовыми тюльпанами вспыхивали и медленно таяли облачка разрывов.

Двухфюзеляжный разведчик противника плавно и безнаказанно скользил между редкими облаками и вычерчивал какие-то непонятные эллипсы. Выпустив несколько светло-зеленых ракет, самолет воровато развернулся и быстро скрылся за расплывшимися дымками.

Этот визит ничего доброго не предвещал. Теперь мы уже по опыту знали, что бомбежки не миновать. Отдав команду усилить аллюр, я с первым взводом выскочил на край реденького перелеска и приказал остановиться, чтобы собрать для броски растянувшуюся колонну.

Не привыкший к этому ошеломляющему грохоту, Горноста́й сердито рвал из рук поводья и, словно предчувствуя что-то нехорошее, с тревожной чуткостью беспокойно стриг своими остро торчащими ушами.

Перед нами по склону высоты желтело стоптанное ржаное поле. Слева по небольшой лощинке, по обеим сторонам безыменной речушки зеленел уже потрепанный снарядами кустарник. Прикрываясь этой маленькой завесой, я провел эскадрон по лощине и на полном галопе, далеко опередив первый взвод, вскочил в широкий, развороченный танковыми гусеницами двор совхозной фермы. Здесь каким-то чудом уцелели скотный сарай и общежитие для доярок. Сохранились койки совхозных девушек и чисто выбеленная печка-голландка. Общежитие, кухня и сени сейчас были густо заполнены ранеными. Подъехав к разбитому окну, я заглянул туда и тотчас же отвернулся. Смотреть, как наш полковой врач Журавлев «дирижирует» хирургическим ножом, было невыносимо.

Кавалеристы быстро и ловко спешивались. Заведя коней в сарай, не мешкая, выходили обратно и торопливо снимали с плеч автоматы и карабины. Некоторые на скорую руку крутили сигарки. Поджидая, пока справятся с конями остальные, собирались небольшими кучками и как-то невольно жались к бревенчатой стене... Почти половина из них была из недавнего пополнения; новички, еще не обстрелянные юноши — с Дона, Кубани и Урала. Мой старый боевой связист Вася Громов, которому недавно исполнилось двадцать лет, только что возвратившийся из госпиталя, сейчас уже копошился с «зуммером», приятным и чистым тенорком выкрикивая свои позывные:

— Я — Орел! Я — Орел! Ты меня хорошо слышишь? Алло, ноздря? Ты чего хрипишь, как петух зарезанный! Наверное, сухарь жуешь? Говори ясней! — отчитывал кого-то Вася. Для своей телефонной он приспособил старую щель и тоном бывалого солдата распорядился, чтобы его накрыли сверху сорванной от сарая дверью и завалили снопами льна. Конники быстро и безоговорочно все это выполнили, с уважением поглядывая на его новенький орден Красной Звезды.

— Снопы-то зачем? — спросил какой-то недогадливый казачок.

— Для маскировки, ноздря, и от гребешков! — с досадой в голосе ответил Громов.

— Каких таких гребешков? — недоуменно вопрошал казачок.

— Ты давно воюешь? — спросил Громов.

— Не! Ще только зачинаю, — вздохнул паренек. Шевеля губами, он перекачивал во рту какой-то предмет. От этого, когда говорил, слегка шепелявил.

— Ах, только зачинаешь! Тебя нешто взнуздали? Что в рот-то напичкал?

— Сахар-р, — смутился казак.

— Эх ты, сахар, сахар! Может, тебе титьку дать? Не знаешь, что такое гребешки, а сам сладость жрешь, — укорял его Вася.

— А ты скажи, чем лаяться! Выдумал какие-то там гребешки...

— Это осколки мы так называем, дурень! Вот как хлюпнет мина аль снаряд, да так причешет зубчиками... будешь тогда сидеть и носом закуривать... Меня в феврале как жмякнуло по шее — четыре месяца лежал в госпитале да покуривал, как самый последний лентяй! Тут только разинь галдешник-то, быстренько прикурнешь...

На крыльцо общежития вышел доктор Журавлев, жадно и часто затягиваясь папиросой, начал устало браниться.

— У меня здесь больше полсотни раненых, а вы с конями табунитесь, демаскируете перевязочный пункт! Ты что, Бражников, с ума спятил? Налетят стервятники, от всех нас тут мокрое место останется!

— Сейчас разместим коней и наступать пойдем, — ответил я. Мне здесь и самому не нравилось, но у меня был приказ. Я сказал об этом доктору.

— Приказ, приказ... — ворчал он. — А у самого что, головы нет на плечах?! Проскочил бы прямо до совхоза, там вон какие деревья, сад, каменные сараи, да и лес рядом!..

Предложение доктора было не лишено смысла. Я задумался, еще не зная, на что решиться.

— Свяжись с Кушнаревым, — сказал Журавлев. — А то я сам буду звонить. Могу даже генерала потревожить... — Доктор наморщил брови и швырнул под ноги потухшую папиросу.

Поколебавшись с минуту, я подошел к окопчику Громова и приказал соединить меня с командиром полка.

Этот страшный для меня день я никогда не забуду. О том, что после совершилось, тяжело рассказывать, но это необходимо...

Пока Вася Громов вызывал командира полка, я стоял рядом и с тревогой прислушивался к отдаленному гулу моторов и яростной пулеметной трескотне. Время шло с тягостным, удручающим замедлением. Вражеских самолетов можно было ожидать с минуты на минуту. Это отвратительное чувство знакомо многим. Подошел Хугандуков. Я его посылал для связи в эскадрон Орлова. В бою по существу он был не только старшиной, но и моим верным, толковым помощником.

— Разрешите обратиться, товарищ старший лейтенант?

— Да-да! Рассказывай! — крикнул я обрадованно. — Как там дела?

— Худо, однако! Потери большие. Сильно нажимают козьяки. Биктяшев маленько ранен, Потипко тоже. Скорее помогать надо! — Семен присел на корточки и закурил.

— Там есть, где коней укрыть? — спросил я.

— Есть-то есть...

— А что?

— Поле проскочить надо.

— Сильно простреливается?

— Плотно, сволочи, бьют, — вздохнул Хугандуков. — Но все равно надо. А то засекут тут и артналет... Пешком останемся...

— Четвертый, к телефону! — крикнул Громов.

Я быстро прыгнул в щель и взял трубку. На проводе был Шевчук.

— Почему топчешься на месте, бог твой нехороший? — обрушился на меня начальник штаба.

Я спокойно объяснил ему обстановку и доложил о своем намерении.

— Погоди трошки! — рывкнул он в трубку.

После томительной и напряженной паузы, видимо, посоветовавшись с командиром полка, Шевчук приказал продвинуться до совхоза в конном строю, а там уже действовать по своему усмотрению. В тот момент это было единственно правильное решение. Хоть и чуть-чуть запоз-

далое, но верное... Пули находят всех — правых и виноватых...

С беспокойством поглядывая на небо, я приказал Хугандукову выводить коней, садиться и проскакивать эти злосчастные пятьсот метров повзводно.

Первый взвод на предельном аллюре проскочил без потерь, во втором срезали двух всадников, в третьем и четвертом сшибли около десятка людей и коней, минометчики потеряли два вьюка и вынуждены были вытаскивать минометы на себе. Противник теперь уже все понял и, усилив кинжальный огонь, не давал никакой передышки. Я стоял около угла сарая, до боли сцепив зубы, наблюдал.

Солнце поднялось уже высоко и повисло над темнеющим впереди лесом. По истоптанному, изрытому ржаному полю скакали и падали кони с пустыми седлами. С тыла через наши головы с шелестящим свистом один за другим летели снаряды и гулко рвались правее совхозного сада. Как обычно, четко и слаженно били пушки Ченцова.

Теперь нужно было проскочить остальным. Со мной оставалось девять бойцов из отделения управления и Калибек. Он уже вывел Горностаю из дверей и держал под уздцы. Горностаю высоко поднял голову и тоскливо поглядывал вслед удалявшимся коням. За эти дни он очень сдружился с крупной рыжей кобылицей старшины и ходил за ней, как теленок за коровой. Мерины быстро привыкают к своим подружкам. Когда я подошел к нему, он на меня даже не оглянулся, продолжая смотреть на поле, тоненько и призывно заржал. Должен сознаться, что я всегда верил в предчувствие и оно редко когда обманывало. После отъезда Глаши я впал в апатичное ожидание чего-то нехорошего. Я копался в своих мыслях и выдумывал, что вот Глаша где-то угодила под бомбежку и погибла. Да и на самом деле, домой пробираться ей было трудно. Обстановка на Южном фронте быстро переменялась в пользу противника. Наши войска вторично оставили Ростов, Новочеркасск. Фашисты быстро продвигались на Кавказ. «Как она доберется до своего родного дома и когда я получу от нее первое письмо?» — думал я по ночам. Сейчас я неловко, долго и мешкотно пытался угодить ногой в стремя и никак не мог зацепиться. Горностаю же не терпелось. Крутятся на месте, он

нетерпеливо мотал головой и сердито жевал трензеля. Почувствовав, что меня одолевает внутренний страх, я обозлился и резко прикрикнул на ни в чем не повинного Калибека. Сидевшие на конях пограничники, наверное, никогда не видели меня таким взбудораженным и недоумевали... Я же больше всего на свете боялся, что они заметят мою нерешительность. Усилием воли я наконец ухватил стремя и вскочил в седло. Негромко подав команду, шагом проехал вдоль сарая, помахав стоявшему на крыльце доктору рукой, перевел Горностая на рысь, а затем резкий, стремительный галоп. В атаке конь и всадник — это одно целое, неразделимое. Склонив туловище к передней луке, я не слышал свиста пуль. Справа с каким-то, казалось, бесконечным металлическим завыванием грохотали пулеметы. Ремень каски обжигаяще врезался мне в подбородок, а конь как будто выдохся и стал заметно сдавать. Слева от меня сначала проскочил Калибек, а за ним промелькнули остальные. Вдруг я почувствовал, что сползаю к хвосту, и Горностай начинает оседать на задние ноги и уже не скачет, а вроде ползет и медленно-медленно валится на правый бок. По привычке я судорожно вырвал ногу из стремени и инстинктивно прижался к земле. Царапая мягкую вспашку ногтями, чувствовал, как вокруг меня хлесткой очередью лопаются колпачки разрывных пуль. Пряча голову, я невольно прижался к теплomu и влажному крупу коня, он неожиданно вздрогнул и встал на передние ноги, но зад поднять уже не мог. Как ни жутко говорить об этом, но последнее усилие Горностая спасло меня. Теперь он служил прямой для врагов мишенью. Крупнокалиберный пулемет вдруг как-то сразу умолк. Я ослабил на каске ремешок и поднял глаза. Горностай, тяжело пофыркивая кровавой на губах пеной, глухо стонал. Повернув голову, я увидел около его распоротого паха груды перемешавшихся с кровью внутренностей. Задрожав от ужаса, я отвернулся и стал отстегивать пряжку листвоетной кобуры. Только сейчас я почувствовал, что правая рука у меня не действовала, а рукав гимнастерки набухал холодеющей влагой...

Потом помню близкий оглушительный выстрел. Оттопыренное ухо коня трепетно взметнулось, задрожало гладкой шелковистой кожей и вместе с лобовой прядью волос вяло поникло. Я погрузился в темноту.

Первые дни в полевом госпитале почти целыми сутками я спал. Меня будили, перевязывали раненую руку, чуть ли не насильно заставляли что-то есть и принимать лекарство. Ни с кем не разговаривая, я закутывал голову в одеяло и погружался в темноту... Так полубредовое, полусонное состояние тянулось дня четыре. Я старался ни о чем не думать, но только я просыпался, картина гибели Горностага возникала в памяти во всей ужасающей натуральности. Соседи по палатке потом рассказывали мне, что я часто кричал во сне, вскакивал с постели, дико оглядев разбуженных товарищей, снова падал на подушку и тут же засыпал. Но однажды я проснулся утром с каким-то чистым, просветлевшим сознанием и почувствовал, что страшно голоден.

Шел утренний врачебный обход. Лечивший меня военврач 2-го ранга Николай Михайлович Роцин, остановившись возле моей койки, говорил кому-то:

— Здесь у нас особый больной, с характерным признаком... — Дальнейшие слова Роцин перевел на латынь. Разумеется, ничего из его заключения я не понял... Из разговора уловил только одно, что в госпиталь приехало какое-то высокое медицинское начальство и я подлежу немедленной эвакуации в глубокий тыл. Меня же это ни в какой степени не устраивало. Я отлично знал, что ранен в мягкую ткань предплечья обычной пулей навывлет. В это утро я как раз впервые почувствовал себя свежим и бодрым. Ехать в глубокий тыл мне абсолютно было незачем.

— Возможно, контузия? — проговорил кто-то.

— Вполне возможно, Федот Федотович! — подтвердил доктор Роцин. — Я думаю, что это именно так. Но дело в том, что...

— Совсем не так, товарищ военврач, — прервал я его и стащил с головы одеяло. — Никакой контузии у меня не было.

— Оказывается, вы уже бодрствуете? — улыбнулся доктор.

— Как вы себя чувствуете? — спросил высокий седусый, стоявший рядом с Роциным полковник медицинской службы. У него была очень приятная, немножко лукавая и в то же время очень выразительная улыбка.

— Отлично, товарищ полковник! — ответил я.

— Видите ли, Федот Федотович, какое дело, старший лейтенант Бражников только сегодня соизволил с нами заговорить, — с едкой иронией проговорил Роцин. — До этого он молчал и почти ничего не ел, а только спал.

— То, что он много спал, это хорошо, — заметил полковник и, взяв меня за руку, присел на край кровати. Сначала проверил пульс, а потом послушал сердце.

— Товарищ полковник, меня собираются эвакуировать куда-то в тыл, — заговорил я и приподнялся.

— Ну и что? — поглядывая на Роцина, спросил Федот Федотович.

— А то, что я скоро, может быть даже завтра, выпишусь, уеду в свою часть и там долечусь, — решительным тоном заявил я.

— У вас, что там? Стационар или санаторий? — насмешливо спросил полковник.

— А может быть, бальнеологический курорт? — подхватил Роцин.

— Не смейтесь, доктор, — ответил я хмуро, а про себя тут же твердо решил удрать отсюда как можно скорее.

— Запишите-ка его ко мне на прием, — чтобы сгладить неловкость и не раздражать меня дальше, проговорил Федот Федотович. Роцин что-то черкнул у себя в записной книжечке, и вся свита вышла из палаты.

Принесли завтрак. Я набросился на него и быстро съел все. Вскоре пришла медсестра и повела меня в перевязочную.

От нее я узнал, что нахожусь в полевом армейском госпитале. Мы стоим примерно в двадцати километрах от передовой.

Накинув синий госпитальный халат и сунув ноги в растоптанные тапочки, впервые за всю неделю я вышел на волю и сразу же опьянел от свежего лесного воздуха. Я остановился и вдохнул всей грудью.

— Товарищ Бражников? — окликнул меня незнакомый женский голос.

Я оглянулся. Ко мне подходила какая-то молоденькая девушка в военной гимнастерке, в больших кирзовых сапогах.

— Вы Максим Бражников? — часто моргая заплаканными глазами и шмыгая веснушчатым носиком, спросила она.

— Да, я.

— Вы из двенадцатого гвардейского?

— В чем дело?

— Тут вот... это самое... — мямлила она, покусывая кривящиеся губенки. — Здесь один ваш товарищ, раненый...

— Кто? Как его фамилия? — рванулся я к ней. Мне и в голову не приходило, что я могу здесь встретить кого-нибудь из своих.

— Патипка! Старший лейтенант Патипка, Ваня... Иван Никанорыч, то есть.

— Не Патипка, а, наверное, Потипко, — поправил я девушку. — Где он?

— Вас же доктор ждет, — сказала сопровождавшая меня сестра.

Она была кадровая, обстрелянная, выдавшая виды медичка и, вероятно, немало наблюдала таких трогательных солдатских встреч. Я попробовал огмахнуться от нее, как от назойливой мухи, но не тут-то было. Она вцепилась мне в руку и со странным упорством тянула в перевязочную.

— Да он ведь только на одну минуточку! — тоненьким жалобным голосочком пропищала девушка с веснушками.

— Ему нельзя, понимаете? — настаивала кадровая. — Он сам только сегодня поднялся и еле на ногах стоит... Поедет следующим рейсом, там и увидятся...

— Да не увидятся! Анна Васильевна! Вы же это хорошо знаете... — крикнула молоденькая.

Я резко освободил здоровую руку и побрел следом за этой неожиданной вестницей. С Иваном Потипко мы крепко дружили с сорок первого года и, можно сказать, жили как братья. Накрытый серым одеялом, он лежал на носилках под двумя сросшимися березками и грустно улыбался мутными, воспаленными глазами.

— Здравствуй, Ванюха! Здравствуй, дружок! — Я наклонился и присел на корточки. — Ну как ты? Милый ты мой!

— Да ничего... Вот только ногу хотят отрезать, а я не даюсь!.. — заговорил он быстро и возбужденно. — Им,

стервецам, только бы скорее оттяпать... Чтобы я, Иван Потипко, на костылях шкандыбал? Дудки, браток.

— А если умрешь? — спросила сопровождавшая меня сестра.

— Нет, милашечка, мы еще поживем и фрицам уши посечем... Ты-то как, друг? — взяв мою руку, спросил Иван.

— Ничего. Завтра или... в общем на этих днях в полк уеду, — ответил я.

— В полк? — протяжно спросил Иван. — А мы твоего коня зарыли... Щиток от разбитого пулемета поставили с надписью. Все коновод твой! Ревел белугой... Хороший этот твой кальды-бельды... Маша! Где ты там? Иди сюда. Быстро! Аллюр три креста...

Заплетая своими неуклюжими сапожищами, Маша подошла и присела рядом со мной.

— Ну, что, родной?

— Достань из-под подушки ту самую книгу... — попросил Потипко.

— Хорошо! Я сейчас. — Маша сунула руку под изголовье и вынула аккуратно перевязанную тренчиком книгу. Подавая ее мне, с облегчением добавила: — Ну, теперь слава богу!

Я принял странный сверток и едва удержал его в руке. Он был очень тяжел...

На обложке было написано название книги «Бисмарк», а внутри вместо листов с текстом лежал завернутый в тряпку пистолет «ТТ».

— Возьми, браток, на память... — Иван отвернулся и, крепко стиснув зубы, зажмурил глаза.

Подошли два высоких, дюжих солдата из выздоравливающих и осторожно, молча подняли носилки.

— Прощай, друг, — тихо сказал Потипко и вяло помахал мне рукой.

— Да ну вас! Свидитесь, встретитесь!.. — выкрикнула Маша.

— А что такое? Что ты визжишь? — накинулась на нее медсестра.

— А то, что у него гангрена! Конечное дело! Думаете, я по-латыни не понимаю? До свидания, товарищ Бражников!

Маша махнула ручонкой и побежала вслед за носилками.

Позднее я узнал, что девушку звали вовсе не Машей, а Олей.

Отказавшись от операции, Иван Никанорович Потипко умер на другой день в эвакогоспитале.

Вот и не стало Ванюши Потипко. Не споет он больше своим высоким задушевым тенором «Закувала зазуленька в саду на погосте», не прогарцует на вороном ахалтекинце перед ясными очами чернобривых дивчин и не приедут те два козака в гости до своих коханных и не попросят студеной водицы, как поется в этой песне...

В те дни тоска на меня навалилась огромной непреодолимой тяжестью и ни на минуту не давала покоя. Будучи ходячим, я вставал с койки, выбирался наружу, блуждал между разбросанными госпитальными палатками и часто видел, как санитарки — эти безответные, терпеливые девушки — выносили из хирургической что-то завернутое в простыни и углублялись в зеленеющий лес, где их, наверное, ждали солдаты с лопатами... Мне казалось, что костлявая спутница будет все время преследовать и неотступно взирать на меня своими черными, хищными глазами... Я чувствовал, что мне надо немедленно стряхнуть с себя и отбросить прочь это тягостное и мучительное наваждение. Но как? Этот вопрос я ставил перед собой ежеминутно, но ответа пока не находил. Именно в таком удручающем состоянии я не вошел, а ворвался в палатку Федота Федотовича.

— Разрешите обратиться, товарищ полковник?

В палатке было душно и пахло лекарствами. Полковник сидел за столом и писал.

— Слушаю вас. Садитесь, — подняв седую голову, устало проговорил он.

— Два дня тому назад здесь находился один командир, старший лейтенант, — заговорил я дрожащим, срывающимся голосом и назвал фамилию Ивана.

— Это с пистолетом который, из кавалеристов?

— Да, да, это мой друг. Ему не сделали операцию, и он умер!

— Когда? — спокойно спросил он, как будто это имело какое-то значение...

— Позавчера. В Садках, в эвакуогоспитале. Почему врачи позволили ему умереть?

— По-вашему, что: врачи — это боги? Его привезли к нам с газовой гангреной. Поздно было оперировать, голубчик, поздно! Вы меня понимаете?

Я склонил голову и ничего не ответил.

— Вы, может быть, не верите мне? — раздался надоевшей глуховатый голос полковника.

— Верю, доктор.

Мне хотелось скорее покинуть не только эту пахнущую лекарствами палатку, но и вообще вырваться отсюда. В полк бы сейчас, да на лихого коня. Промчался бы верст десять на хорошем аллюре, обдало бы тебя буйным полевым ветерком... А где твой конь? Где шпоры на серебряной цепочке, где кубанка с малиновым верхом и крылатая черная бурка?

— Товарищ полковник, я хочу в свою часть. Когда вы меня выпишите? — глядя на полковника застывшими глазами, спросил я.

— Как только приведем вас в порядок, так и выпишем.

— У меня и так почти все в порядке... Рана закрылась и нисколько не беспокоит... — твердил я.

— Вы возбуждены. У вас другое не в порядке...

— А именно?

— Голова, — доктор пристально на меня посмотрел и постучал себе пальцем по лбу. — У вас все-таки, видимо, контузия, а вы скрываете.

— Не было, товарищ полковник! Честное слово командира!

— Тогда вам нужен отдых. Командовать можно только с хорошими и крепкими нервами. А у вас уже второе ранение, и сейчас в таком виде вы никуда не годитесь, — решительно заключил доктор.

— Тогда разрешите мне двухнедельный отпуск. — Мысль повидать Глашу настолько была блаженна и отрадна, что у меня, наверное, ожили и заискрились глаза.

— Это не в моей власти, голубчик. Вот отправим вас в тыл, там подлечат, комиссируют и решат, куда вас девать... Могут и отпуск разрешить. А теперь идите и отдохните. У вас очень нехороший вид...

Я уже собрался уходить, но полковник задержал меня. Подойдя к походной аптечке, он взял какой-то пу-

зырек, накапал в мензурку лекарство и дал мне выпить. Проглотив что-то бесцветное и безвкусное, я поблагодарил полковника и удалился.

Возвратившись в палатку, я прилег на койку и тотчас же уснул как убитый. Проспал я, наверное, опять не меньше суток. Крепкий сон основательно укрепил мои нервы, я проснулся свежим и бодрым. Прежде всего вспомнил о Глаше и решил написать ей письмо. Именно этого я боялся больше всего на свете. Мне было очень трудно начать его, но, помня, что она вручила мне свою судьбу, я пересилил себя и написал первую строчку, стараясь вложить в нее кусочек своего сердца:

«Милая ты моя Глашенька!

Первое, что мне хочется тебе сказать, — это то, что я люблю тебя больше своей жизни. Где бы я ни был, что бы ни делал, я постоянно думаю о тебе, вспоминаю твои ласковые глаза и грустную прощальную улыбку. Мне кажется, она оберегает меня от вражеских пуль, чтобы сохранить в сердце мою святую к тебе любовь. Помни, дорогая моя, что ты мне жена, друг, самый любимый и самый единственный. Само небо мне послало тебя, как великую в жизни радость и самое высшее земное счастье! Пишу тебе, а у самого в башке какой-то хаос, полнейшая неразбериха, как в рукопашном бою... когда не знаешь, что делается вокруг и что происходит лично с тобой... Иногда все это кажется только мгновенным счастливым сном. Ох, если бы ты знала, как я тебя люблю! Как хочется услышать твой напевный голос, сердечный и ласковый, такой родной и такой сейчас далекий!.. Где ты, Глаша? Я ведь не получил от тебя ни одной еще весточки и не знаю, как ты доехала.

Ведь к вам тоже приближается война! Я читаю газеты и думаю: неужели и туда нахлынет эта проклятая орда? Если бы ты знала, как я их ненавижу! Сейчас, Глаша, я еще больше злой и беспощадный к этой гадючьей породе. Все мы сейчас так настроены, так живем, воюем... Каждый день лишаемся самых близких и дорогих для нас людей. Мы уже теперь не романтики, не философы, а трезвые, расчетливые воины.

Крепко тебя целую. Привет всем нашим родичам».

Нелегко далось мне это письмо. Писать о Горностае, о себе и о многом другом я не мог. Там и без того хватало горя.

Наша психика — это тайна всех тайн. Пускай ею занимаются умные медики. Мои врачи пока еще не лечили меня, а только пытались разгадать скрытую где-то травму... Я же то сутками спал, то набывчивался, словно пытаюсь кого-то боднуть, угрюмо, выжидательно молчал. Однажды, заглянув в историю своей болезни, случайно увидел следующий глубокомысленный 'диагноз: «Эмоциональное возбуждение. Психологическая депрессия на почве возможной контузии». Все это подчеркнуто синим карандашом, в конце жирный знак вопроса... На левом углу лаконичная надпись: «Подлежит эвакуации в гл. тыл». Вместо подписи закорючка с росчерком, похожим на кукиш... Вот так теперь решалась моя судьба. Задержав как-то медсестру Анну Васильевну около своей койки, я спросил, что такое эта самая психологическая и с чем ее кушают...

— Ослабление волевых центров. Нервишки шалят и тому подобное...—Она покрутила пальчиками возле своего игриво завитого височка и деловито проплыла дальше.

Да, я могу попасть теперь в общий фарватер эвакуогоспиталей и медицинских комиссий. В войну такие случаи бывали нередко. «Контузия» возникала где-нибудь на больничной койке в Ташкенте или Андижане и тянулась до окончания военных действий в Берлине... Эта мудрая «медпроцедура» была хорошо известна. А почему бы мне, например, не заключить сделку с собственной совестью и не пуститься в далекое плавание на тихом эвакуационном кораблике? Ведь рука-то у меня ранена, стоит только подтвердить мнимую контузию, и какая-нибудь милая девушка с кокетливой челочкой сотрет хитренький знак вопроса резинкой, и дело в шляпе.

Мне ведь тоже хотелось бы заявиться неожиданно-негаданно в энскую станицу и утвердить себя в правах мужа. О! Еще как хотелось! Однако на такой поступок я не способен был решиться. Это было против моей совести, да и смерть Ивана Потипко не только душевно потрясла меня, но и вызвала новый прилив ненависти. Все мои личные невзгоды и переживания последних дней как-то неожиданно стушевались, поблекли и казались уже не

такими значительными. Надо было хорошенько подумать и поскорее заняться каким-нибудь делом. Прежде всего и попросил у старшины госпиталя зеркальце и бритву, так как все мое личное имущество осталось в эскадроне. Взглянув на себя в кругленькое стеклышко, я ужаснулся. В этом бледно-синем идиотском, до колен, халате с небритыми щеками, с дико блуждавшим взором я на самом деле походил на человека, у которого не все дома.

После завтрака я тщательно выбрился и принял душ, устроенный по соседству в такой же брезентовой палатке.

На другое утро проснулся рано, накинул на плечи свой куций халатик и отправился в лес, из ветки можжевельника выстругал палку. Стояло прекрасное августовское утро, чуть прохладное, свежее. Над лесом пошумливал лихой ветер и разносил по реке близкий гул войны. Я долго бродил в лесу и с наслаждением вдыхал смолистый запах расщепленных снарядами сосен с уродливо истерзанными верхушками. Война прошла и здесь. Но это уже не удивляло и стало какой-то естественной привычкой.

Вернулся я к обеду. Съел жиденский протертый супчик, тарелочку манной каши — порцию ребенка из детского садика. Добавки просить устыдился, лег и проспал до ужина.

Все последующие дни, томимый бездельем и отчаянной скучищей, я при всяком удобном случае досаждал госпитальному старшине Пронину, выпрашивая у него свое обмундирование.

Никон Пронин был молодой парень из Мордовии, высокий ростом, со строгой, неподкупной улыбкой на широком скуластом лице. Он носил старый, но опрятный мундир с зелеными петлицами, синие кавалерийские брюки и жесткие яловые сапоги со шпорами. Ходил он, сильно припадая на правую ногу, и спотыкался почти на каждом шагу. Спал в нашей палатке на стоявшей у самого входа раскладушке.

Из госпиталя он еще не выписался, обязанности старшины исполнял по собственной охоте. Вечером, когда Пронин возвращался в палатку, я подсаживался к нему и говорил:

— Завтра все равно уеду...

— Аттестат дадут, конечно, уедете! — сортируя на койке какие-то бумаги, охотно отвечал Пронин.

— Готовь обмундирование.

— За нами дело не станет...

— А может быть, сейчас принесешь, чтобы утром не канителиться?

— Не положено, товарищ старший лейтенант.

— Опять аттестат?

— Так точно! По всей форме!

— Если ты не поможешь мне вырваться отсюда, я ночью надену твою форму и смотаюсь, — заявил я однажды. У меня было такое состояние, что я готов был пойти и на это.

— Попробуйте... — усмехнулся старшина и, спрятав в карман кителя свою канцелярию, начал крутить сигарку.

— Я серьезно говорю, Пронин!

— Да оно у меня старенькое! — полушутя, но с определенной серьезностью проговорил старшина и оглядел свой мундир с ярко начищенными пуговицами.

— Сойдет. Сейчас это для меня не имеет значения, — ответил я.

— Странный вы человек, товарищ старший лейтенант! — Пронин нахмурился. — Как будто у вас там жена и детишки на передовой-то остались...

— Там у меня друзья, товарищи!..

Под конец я не утерпел, проникаясь к нему каким-то особым доверием, рассказал об Иване Потипко, о Калибеке, который любил меня и был предан до последней кровиночки, о погибшем коне. Коротко, без особых подробностей намекнул, что ко мне недавно приезжала жена.

Пронин крикнул и взъерошил темные кудлатые волосы. Глаза его сузились, щеки ввалились, и еще резче выпятились остро торчащие скулы.

— Мне тоже от всего этого тошно... Ладно! — Пронин встал и вышел из палатки.

Вернулся он ровно через час и принес вещевого мешок с обмундированием. Сунув его под свою раскладушку, сказал:

— Все тут налицо, только гимнастерка другая. Ваша-то в стирке находится, и рукав разрезан...

— Спасибо, старшина.

— Э-э! О чем разговор! — проговорил он и махнул рукой. — Я там вам аттестат выписал и в карман положил... Майору потом сам скажу... Уладим... Вы мне адрес

вашей полевой оставьте. Я письмо напишу, а если немножко поправлюсь, то и сам к вам махну... Примите?

Я молча пожал ему руку. Утром мы расстались.

В расположение своей части я прибыл на попутной машине в тот же день, примерно в пятнадцать часов с минутами. Сознательно минуя строевой отдел, зашел на узел связи и позвонил в полк в эскадрон Сергея Орлова. Брал трубку и чувствовал, как дрожит рука и сильно колотится сердце, хотя рана уже затянулась и наложена была сухая повязка.

— Чего это вы так волнуетесь?—наморщив бровки, спросила знакомая мне телефонистка с рыжими кудлатыми волосами, которые она то и дело поправляла. Звали ее, кажется, Полиной.

— О вас соскучился! — попробовал я отшутиться.

— Оно и видно... Давно кралечку-то свою проводил? Почему здесь не оставил? Горюешь, поди, милоч? — засыпала она вопросами, не давая открыть мне рта.

Я ответил ей какой-то невразумительной чепухой и мысленно послал ко всем чертям. Она же вбивала в меня словечки, как острые гвоздики, одно коварнее другого.

— Каково было расставаться-то, мамулька ты моя родная! — закрыв насмешливые, лукавые глазки, упоительно вздыхала она. — Ты, наверное, после этого два дня одно сено ел... Шутка сказать, вон какая залеточка! Бровки-то, как ласточкины крылышки, а глазки-то — угольки горящие... Ей-богу, красавица, а ты, туха, отпустил! Тоже мне командир первого эскадрона!

— Ты так думаешь? — спросил я, начиная злиться, но тут же понял, что это глупо и бессмысленно.

— А то нет? — не унималась она.

Сжимая в руке трубку, я наклонился к ней и сморозил такое, что у нее запылало под прядкой светлых волос и без того розовое ушко. В ответ она дала мне хорошего тумака, и мир был восстановлен.

Наконец в трубке что-то запищало, и я услышал совсем близко знакомый голос Сергея Орлова.

— Кама слушает. Третий на проводе, — проговорил Орлов свою привычную излюбленную фразу.

— Здравствуй, Сережа! Это я, Бражников! — От волнения я выпалил его открытым кодом.

— Ты? — В трубке что-то зашипело и вдруг смолкло.

— Я, милый, я! — Полуминутная пауза сейчас показала мне вечностью. — Ты меня слышишь?

— Слышу! Ты откуда, чертушка, взялся?

Я ответил и попросил выслать мне в штаб дивизии какого-нибудь коня. Калибека тревожить мне не хотелось. Решил устроить ему маленький приятный сюрприз. Заявиться потихоньку в эскадрон и спастись в охапку где-нибудь у коновязи его или старшину Хугандукова, а то еще кого-нибудь.

Орлов обещал выслать коня немедленно, и я положил трубку.

Я не стал дожидаться у штаба и быстро зашагал на окраину села. Полк был расположен от штаба дивизии примерно в трех километрах, поэтому ждать пришлось совсем недолго.

Спустившись в лощинку, я прошел мостик, перекинутый через небольшой заболоченный ручеек, и поднялся на пригорок. Вскоре услышал конский топот, а затем увидел приближающихся всадников. Сергея я узнал по его круглой разлохмаченной кубанке. Он ехал на своем темно-гнедом дончаке шибкой рысью и далеко опередил коновода, ведущего в поводу запасную лошадь. Не доехав шагов десять, Сергей осадил коня и спрыгнул с седла. Мы обнялись и, хотя не разрыдались, но, чего греха таить, глаза наши часто моргали и влажно поблескивали... Тискали друг друга и сразу не могли сказать ни одного слова. Да и какие тут могли быть слова? Встреча вышла теплая, радостная, но у обоих на душе было тревожно и смутно. Мы старались не задавать лишних вопросов. Мне хотелось спросить о дяде Грише, о Калибеке, Хугандукове и о многих других, но я пока не решался.

— Ну как ты, друг? — когда волнение немного улеглось, спросил Сергей и подал мне папироску.

Я коротко рассказал ему о своих госпитальных мытарствах, сообщил и о встрече с Иваном Потипко, но о трагическом конце его умолчал.

— Вчера командир полка созывал нас... помянули Ванюшку добрым словом... — Сергей, резко взмахнув плеткой, хлестнул ею по пыльному увядающему подорожнику. — Знаешь что, паря, — применяя это ласковое

сибирское слово, заговорил он вдруг изменившимся голосом, — давай поедем! Завернем ко мне. Я сам кое-что приготовил...

— Своих, Сережа, повидать хочется, — робко и нерешительно возразил я. — Да и в штаб надо.

— Успеешь к богу в рай! В эскадроне у тебя порядок... Правда, потрепали нас трошки, а в общем ничего...

— Кто командует? — приглушенно спросил я Сергея.

— Твой Семен свирепствует! Мулдасанов за адъютанта... Уже без тебя наши пограничники добровольно вызвались за «языком» слазить. Пошел и твой Калибек. Сцапали какого-то фельдфебеля. Сняли с него ремни вроде офицерских. Ну, теперь Мулдасанов ходит в них гоголем, с парабеллумом на боку. Потеха!

Я облегченно вздохнул.

— В конечном счете наступали мы неплохо, — рассказывал по дороге в эскадрон Сергей. — Успех уже явно определился, но вдруг приказ: наступление прекратить. Нас сразу же в резерв... Ничего не понимаю!

— Потери, конечно, немалые?

— В том-то и дело! И люди и кони... не говоря уже о технике.

— А как с пополнением? — спрашивал я.

— Людей мало. Прибыл эшелон с конским составом, а наши сопровождающие чубуки разинули при выгрузке рты! Кони голодные, как звери, повырывались и айда на нескошенную рожь, а поле фашисты, когда отступали, заминировали... Такое, брат, ЧП! Я как раз дежурил по полку.

— Много погибло?

— Спрашивай! Если бы лошади умели читать, что написано на фанерных бирках... Начали мы их выуживать, только сапер подползет, а они как увидят, шархаются, словно бешеные. Трах — и колбаса! Все-таки наши саперы выловили голов сорок, самых диких и необъезженных. Стоят у коновязей. К ним даже подходить-то страшно!

Кроме полковых новостей, Сергей сообщил, что в войсках ожидаются большие перемены. Ходят слухи, что вся армия скоро перейдет на новый боевой устав, будет введена залповая стрельба. Должны появиться изменения и в военной форме: вместо нынешних знаков различия — погоны.

Насчет залповой стрельбы я с ним согласился, а погоны высмеял...

— Погоди, дружок, скоро сам нацепишь офицерские...

— Болтовня!

— Не болтовня, а факт! Их уже шьют...

Рассказал Орлов и о событиях на фронтах. В сводках Совинформбюро утешительного было очень мало. Противник рвался в районе Волги к Сталинграду, а на Кавказе быстро продвинулся к Майкопу. Враг захватывал кубанскую житницу и подбирался к кавказской нефти.

Едва успели мы приехать в эскадрон и открыть банку сардин, как меня тут же «обнаружили» и вызвали к командиру полка.

Попрощавшись с Сергеем, я решил до штаба полка добраться пешком. Мне вдруг захотелось остаться одному и собраться с мыслями... Перекинув через плечо шинель, я пошел напрямик, по укатанной машинами проселочной дороге. Услышав затарахтевший впереди мотоцикл, я свернул с дороги, сорвал несколько стебельков полевой герани, бросив шинель, присел у борозды. Я еще не успел набить трубку, а мотоциклист уже поравнялся со мной и выключил зажигание. Откинув со лба танковый шлем, он посматривал на меня знакомыми, строго улыбающимися глазами. Узнав командира полка, я быстро вскочил и растерянно козырнул.

— Так, так! — не отнимая рук от руля, заговорил Кушнарев. — Значит, решил с тыла обойти все штабы, и дивизии, и полки? Хорошо!

— Да я только приехал, товарищ подполковник!

— Только приехал и уже очутился в третьем эскадроне?

— Меня встретил старший лейтенант Орлов... Коня подослал.

— Ты ему что, звонил?

— Так точно!

— А почему не позвонил мне или Шевчуку?

— Не хотел беспокоить, товарищ подполковник.

— Ага! Ты что, в гости приехал?

— Никак нет! — смущенно ответил я.

— Ну ладно. Давай садись, обедать поедем. Там Оксана картошки нажарила...

Кушнарев включил зажигание, спокойно развернулся

и подкатил к обочине. Я уселся в коляску, и мы поехали к штабу полка.

Полк бы расположен в лесу, в двух километрах от деревушки. Эскадроны и другие подразделения полка разместились вокруг штаба. Для людей были вырыты взводные блиндажи, укрытые пятью накатами из толстых бревен. Для коней кавалеристы успели поставить бревенчатые рубленые конюшни: разобрали противотанковые завалы.

— Приказано на зимовку, — сказал после обеда Кушнарев. — На всех фронтах положение сейчас неясное, возможно, долго придется сидеть в обороне. Есть сведения, что на наше направление приезжал сам Гитлер и заявил своему войску, что «падение Ржева равносильно падению Берлина». Для них Ржев — это трамплин для прыжка на Москву... Из этого следует заключить, что противник будет крепко обороняться. Прыжок на Москву — это, разумеется, блеф... Все, очевидно, будет решаться иначе и в другом месте.

Я все время с нетерпением ждал, что он скажет о последнем бое, о Горностае. Больше всего мне хотелось услышать что-нибудь о Глаше.

— От жены писем нет еще? — словно угадывая мои мысли, спросил он.

— Пока нет.

— Оригинальная она у тебя... — проговорил подполковник и многозначительно покачал головой.

— Чем?

— Хотя бы тем, что не осталась здесь, а уехала. А вообще она прекрасный человек, а ты ногтя ее не стоишь... В наказание пойдем, я тебе кое-что покажу и немножко попыхтеть заставлю...

Кушнарев снял со стены бурку и накинул на плечи. Мы вышли из дома и направились в лес. Идя по тропинке впереди меня, он сломил ветку лещины, помахивая ею, говорил:

— Мы тут без тебя диких мустангов наловили и не знаем, что с ними делать...

— Мне Орлов рассказывал, — заметил я.

— Тем лучше. Сейчас своими глазами посмотришь, что это за штучки. Была у меня думка поручить твоему мамлюку, чтобы он обломал этих четвероногих озорниц, да вот, кстати, ты приехал.

Я еще издали услышал конские всхрапы и начал потихоньку волноваться. Вскоре мы очутились на небольшой полукруглой лесной полянке. Сквозь густой ельник, в отблеске заходящего солнца, золотисто лоснились лошадиные крупы. Мы подошли совсем уже близко и остановились. На отдельной коновязи было привязано около двух десятков коней, поразительно друг на друга похожих. Все они были светло-гнедой масти, с черными, как смоль, гривами, с удивительно широкими на тонких ногах бедрами. Такой породы я не только не знал, но и никогда не видел. Кони были очень хороши!

Когда мы подошли поближе, некоторые из них подняли узенькие головки, пугливо зафыркали и начали дергать ременные чембура.

— Ну, каковы подружки?

Кони почти все были кобылицы и как на подбор одинаковы по экстерьеру.

— Прелесть, товарищ подполковник! — восхищенно ответил я.

— Прелесть... Гм... Разве это то слово! Это будут птицы! Если их в умелые руки и дать настоящий ремонт!.. Вот теперь угадай, каких они кровей?

— По виду, степные...

— Конечно, с донских степей! Но это еще не порода, а только география. Это новая порода, буденновская, с конных заводов, с северокавказских. Сильные, резвые, но очень сердитые. Тут есть одна краля, такая, что моей бывшей Ракете очки даст. Вырвалась у наших ротозеев и айда по миному полю, а за ней остальные. Жутко было смотреть!.. Некоторых подбросило, а эти проскочили! Значит, счастливые, а это, учти, хороший признак.. Мы их потом несколько дней ловили.

Кушнарев решил было подойти к одной из них, но она и близко не подпустила, зафыркала, завертелась на месте и начала бить задом.

— Эх ты, какая зверюшка! — проговорил я и крикнул. — Стоять! — Услышав мой выкрик, она стала лягаться еще злее.

— По сравнению с той, это ангел, — засмеявшись, сказал Кушнарев и, помолчав, добавил: — Хочешь я с тобой договор заключу?

— Какой договор, товарищ подполковник? — спросил я удивленно.

— Отдам тебе ту кралечку. У нее особенная, музыкальная кличка... Если ты сумеешь на ней сыграть, все на свете забудешь и меня вечно будешь вспоминать добрым словом. Идет?

— Идет! Показывайте!

— погоди. В придачу десять голов, вот из этих дикарок. Мы скоро получим пополнение, а у тебя коней в эскадроне убыль...

Мы отошли от коновязи и углубились в лес. Впереди, под высокой сосной, виднелась отдельно привязанная лошадь. Мы еще были от нее метрах в пятнадцати, а она уже нас учуяла, предупреждающе зазвенев железной цепью, всхрапнула и дико метнулась в сторону. Когда мы приблизились, я заметил, что она привязана весьма своеобразным способом. Кроме недоуздка из крепкой сыромятной кожи, на шее висела застегнутая пряжкой шорка с железным кольцом, на нем висела бычья, защелкнутая металлической собачкой цепь, продетая в одно из колец недоуздка. При нашем приближении цепь с хрустом врезалась в древесную кору. Вытянув длинную шею, эта диковинная зверюга начала извиваться всем станом, мотать башкой и, упираясь задними ногами, силится оторваться. Потом опустила на передние ноги и гневно захрапела.

— Это не лошадь, а какая-то тигра! — обалдело проговорил я.

— Золотой характер! Люблю таких! — воскликнул Кушнарев.

— А как ее все-таки зовут? — продолжая восхищаться ее бешеным нравом, спросил я.

— У этой кралечки какое-то музыкальное имя... Ей-ей забыл... А ты подойди и посмотри... Боишься, что ли? Если робеешь, не бери, откажись. Отдам в эскадрон Биктяшева... — подзадорил меня подполковник.

Предложение посмотреть кличку меня заело, поэтому я решил во что бы то ни стало сделать это. Но я понимал, что подходить к этой дикарке сейчас небезопасно. Однако самолюбие мое было так задето, что я забыл о большой руке и невольно сделал несколько коротких шажков, но кобыла снова начала свою дикую карусель.

— погоди. Дай ей немножко успокоиться, — поняв мое намерение, сказал Кушнарев.

Подождав немного и дав ей перебеситься, я решитель-

но, без колебаний шагнул вперед. Приблизившись почти вплотную, я увидел злобный блеск ее свирепых глаз, на мгновение остановился. Она косилась на меня, как пойманная в капкан пантера, и покоряться совсем не думала. Теперь я хорошо рассмотрел крутую жилистую шею и сильную, перевитую мускулами грудь. Угрожающе пофыркивая, она дрожала всеми мышцами и замерла, словно вкопанная. Но едва я произнес привычное «Олле» и протянул руку, она снова рванулась.

— Осторожно! — громко крикнул подполковник.

В обращении с необъезженными конями у меня уже был достаточный опыт. Я родился на Алтае и с малых лет пас с отцом конские табуны. Улучив момент, я цепко зажал правой рукой храп, а левой ухватился за висевший на шее ремень. Судорожно дергая головой, она извивалась, храпела как бешеная, но отбросить меня было трудно, да и мешала цепь.

Крепко стиснув пальцами горячие конские ноздри, я успел взглянуть на вплетенную в гриву бирку и прочитал: «Флейта». С торжествующим чувством победителя, повторяя ласкательное «Олле», я разжал пальцы и тут же получил удар в плечо. Спас меня инстинкт. В какую-то долю секунды я оттолкнулся всем туловищем назад и встал за сосну. Не сделай этого, я был бы стоптан копытами. Она схватила меня за плечо зубами и могла сбросить под ноги... К моему счастью, она только успела оторвать наполовину рукав и посадить на плече здоровый синяк. Отскочив в сторону, я продолжал ощущать на себе ее озлобленный взгляд, наполненный какой-то осмысленной ненавистью. Я видел ее непокорные, глубоко вдавленные глазницы, спутанную репьями челку, сухую широколобую голову, до крови исцарапанную сучьями и искусанную комарами.

Мы отошли от коновязи, сели на сваленную, вырванную с корнями ель и закурили. Солнце опустилось за лес, изливая на желтые сосны потоки бледно-золотых лучей. Меж деревьев лениво ползала прозрачная розовая дымка, освещенная вечерним закатом.

— Не умеем мы еще беречь коней, — в раздумье проговорил Кушнарев. — По-варварски относимся к этим чудесным животным. Забыли уроки гражданской войны, когда революция была в опасности. Забыли знаменитый лозунг Владимира Ильича Ленина: «Пролетарий, на ко-

ня!» Владимир Ильич понял, что казачьим белогвардейским лавам надо противопоставить свою, красную конницу. Сейчас кавалерия выполняет совсем иную роль. Наша задача не шашками махать, а быстро маневрировать и проходить там, где не пройдет техника. Чего греха гайть, мало еще у нас хороших дорог. Что такое кавалерия? Сейчас — это пехота на конях, а конь — это средство передвижения, это наш живой маленький танк. По иным дороженькам, по лесам и болотам никакое колесо не протащишь, а конек пройдет и всадника провезет и харчишки с боеприпасами. Мы тридцатикилометровый марш совершим за мое поживаешь! Спешимся, подсумок с патронами за пояс, штык за мушку, станкач из вьюка — и прямо в окоп. Можем принять любой встречный бой. А пехота после такого марша ляжет и не поднимется. Ей обязательно нужна передышка. Конь сохраняет нам силы, жизнь, черт побери! Вот что такое красная кавалерия! О ней еще долго будут рассказывать нашим потомкам былинники речистые... Так-то, дорогой мой, забирай завтра весь этот чудесный косяк и приступай к делу. Конечно, в наших условиях выработать боевого коня нелегко. Но это необходимо, и у нас нет другого выхода. Согласен?

— Спасибо, товарищ подполковник, за доверие!

Мы посмотрели друг на друга и пожали друг другу руки.

21

В свой эскадрон я попал только в сумерки. Друзья меня встретили радостно, не знали, куда посадить и чем угостить. Калибек долго тискал меня за плечи, потом прижался к моему лицу мокрой щекой и как-то по-ребячьи всхлипнул... Семен Хугандуков стоял в сторонке и молча похлестывал плеткой по голенищу. Потом раздался его глухой обиженный голос:

— Конечно! В первом эскадроне как будто всех коней на махан извели!..

— Ты о чем, старшина? — осведомился я.

— Куда нам, грешным!.. — словно не слыша, продолжал Семен. — Разве мы можем встретить своего командира? Не можем, однако... Это только третий эскадрон

может, товарищ Орлов, конечно... а мы, наверное, замухрышки...

— Погоди, Семен, дай же мне объяснить! — Я попытался успокоить старшину, но он ничего слушать не хотел.

— Однако я пока еще приказа командира полка не видел, считаю себя командиром эскадрона и никаких объяснений слушать не желаю...

— Ну, а я и принимать эскадрон не стану... пойду к тебе командиром взвода, вот и все... Возьмешь, старшина?

— Нет! Таких дружков не берем... можете ехать в третий эскадрон...

— Ну что же, пойду в третий, — с нарочитым спокойствием проговорил я. — Ты, Калибек, со мной пойдешь или здесь останешься?

— Я с вами куда хошь пойду, хоть в Мекку! — сказал Калибек. — Ладно, товарищ старшина, довольно обижаться! Ничего! Приехал и это больна хорошо!

— Тебе, конечно, все хорошо, дождался и радехонек... Однако какого вы рожна, товарищ Мулдасанов, так стоите? Налили бы для согревания души граммов по двадцать хотя бы? — сменив, наконец, гнев на милость, засмеялся Семен.

— Для такой случай можно чуть-чуть побольше, — ответил Калибек и потянулся к висевшей на ремне фляжке.

Мы сели у костра на разостланную плащ-палатку, чокнулись и проговорили до полуночи.

Наутро я приказал старшине приготовить арканы, несколько торб овса, чтобы выехать через час.

Калибек подседлал мне своего смиреннейшего Сокола, а сам поехал на бричке, с надеждой, что на обратном пути будет гарцевать на звероподобной Флейте...

— Мы ее так закрутим, пищать не станет, — сматывая на локоть аркан, самоуверенно проговорил он.

С первыми десятью кобылицами мы справились быстро. Теперь осталось укротить Флейту.

— Знаем, что с ней делать и как ево учить, — успокаивал меня Калибек.

Едва успели мы появиться на полянке, она уже подняла голову, скосила набок длинную шею и зверовато насторожилась. Потом каким-то особым, неуловимым

движением подобралась, вытянулась, постригивая острыми ушками, начала часто взмахивать сухой аккуратной головкой. Мне казалось, что вместо вчерашней бесноватой дуры на цепь прикована этакая недоступная, горделивая невольница на четырех тонких точеных ногах.

— Эх, какая она, однако! — невольно вырвалось у старшины.

— Уй баяй матур!¹ — воскликнул Қалибек.

Мы еще не успели налюбоваться этим чудесным превращением, как она снова злобно захрапела, сделала какой-то отвратительный козлиный скок, начала вихляться и с неистовым бешенством дергать цепь.

— Ого, ого! Это не конь, а сам шорт! — Қалибек от удивления развел руками и выпустил аркан. — Что будем делать, товарищ командир?

— Ты что, испугался? — спросил я резко.

— Больна нада бояться! Қарактер нехороший, как волчий! Много клопот делает... Такой клопот, ай-ай-ай! — ответил он и плаксиво сморщил губы. Но тут же типично по-казахски цокнул языком, задорно проговорил:

— Если сивотня она меня живой оставит, я ей седло на спину налажу и мало-мало ездю, сабаший шорт!

Решительно плюнув на ладони, Қалибек потер их и начал разматывать аркан.

Я предложил дать ей немножко овса.

— Сейчас она кушать не будет, — сказал Қалибек.

Быстро сделав из веревки петлю и не обращая внимания на разные скоки и вихляния лошади, он ловко кинул петлю на шею и сразу же крепко затянул.

— Полегче, Қалибек! Полегче! — взволнованно закричал я.

— Ничего, так надо, — пыхтел Мулдасанов. Не ослабляя аркана и непрерывно цокая языком, он короткими шажками приближался к голове коня, затягивая петлю все туже и туже.

Флейта извивалась и удушливо хрипела.

— Старшина! Быстро давай мне узду! — крикнул Қалибек. Он действовал умело, с ловкостью настоящего степного кочевника.

Старшина Хугандуков подскочил и подал ему оголовье.

¹ Красавица (казахск.).

— Не то принес! Не то! — Калибек отшвырнул оголовье и попросил недоуздок. Он разгорячился и командовал старшиной, как хотел. Досталось за нерасторопность и мне. Я уж помалкивал и только выполнял то, что требовал наш укротитель.

Флейта отчаянно закрутила головой, тяжело дыша, открыла рот и вывалила на сторону шершавый, позеленевший от травы язык. Сейчас она выглядела жалко, беспомощно...

— Хугандуков, держи аркан и не отпускай! — командовал Калибек. Семен схватил конец аркана и намотал на руку.

Калибек перехватил ослабевшую цепь, развязал узел и подтянул голову лошади к самому стволу. Потом взял у старшины аркан и слегка ослабил его. Флейта спрятала язык и, покосившись черным глазом на своих мучителей, снова начала сердито фыркать и биться. Мулдасанов смело протянул руку, стал оглаживать шею, грудь, приговаривая:

— Ну какая ты глупая, дурашка! Олле, олле! Старшина, тащи потихоньку седло... А ты, начальник, бери другой аркан, мы ей мало-мало спину пилить будем...

Мне известен был этот старый варварский способ. Я пытался возражать, предложил сначала погонять ее на корде и приучить хотя бы к ощущению повода.

— Нельзя жалеть такую шайтанку, — возразил Калибек. — Ногами ударит, зубами кусает, а потом убежит — и лови ее тогда!

— С веревками, однако, никуда не убежит, — сказал подошедший с седлом в руках Хугандуков.

— Давай аркан, без всякой разговор! Это что еще такое? — Мулдасанов окончательно вошел в роль и бесцеремонно на нас покрикивал.

Учитывая бешеный характер этой степной красавицы, я согласился немножко пощекотать ее хребет, смотал аркан и перекинул конец Семену. Он поймал его и натянул.

Калибек подошел ко мне, взял у меня веревку и велел старшине начинать...

— Давай потихоньку...

Едва аркан коснулся спины Флейты, как она судорожно, на излом выгнулась, словно от непомерной тяжести и взвизгнула тоскливым, невероятно пронзительным голосом.

Говорят, что иногда люди от жестокой боли кричат не по-человечески. Флейта завизжала сейчас именно не по-лошадиному и замерла в каком-то оцепенении.

Мулдасанов приказал мне еще туже затянуть на шее петлю, сам схватил под брюхом лошади брошенный Семеновым конец аркана, а ему кинул свой.

О том, как бесновалась наша подшефная, рассказывать не хочется. Мне казалось, что она ломает себе шею и разобьет башку, поэтому я решительно запретил этот чудовищный эксперимент.

— Ничего, товарищ начальник! Все будет в полном порядке... Сейчас мы его, голубушку, седлаем... — вытирая рукавом гимнастерки вспотевшее лицо, проговорил Калибек.

Трудно было представить, как он думал справиться с этой разъяренной дикаркой. Мне до войны приходилось объезжать коней и дома, на Алтае, и позже на далекой восточной границе; разные встречались кони, но такой непокорной кобылицы я еще не встречал.

Однако Мулдасанова это беснование ничуть не смущало. Взяв освободившийся аркан, он смотал его на локте, на свободном конце сделал большую петлю и аккуратно разложил ее на земле. Потом подошел к лошади, осторожно толкнул ее плечом. Флейта качнулась, переступила ногами и как раз задней ногой угодила в приготовленную ловушку. Калибек быстро дернул веревку и ловко затянул петлю ниже щетки. Флейта начала было снова лягаться, но он рывком поднял ногу лошади и подтянул до самой шеи. Беспомощно прыгая на трех ногах, она лихорадочно задрожала. Калибек подхватил тяжелое, с насыпанным в переметные сумы песком драгунское седло и смело положил на спину. Почувствовав непривычную на спине тяжесть, Флейта сделала какой-то невероятный скак, седло подпрыгнуло и, зазвенев стремянами, сползло на землю. Она так бесновалась, что подступить к ней не было никакой возможности. Спутали ей передние ноги, сделали ноздревую закрутку и только после этого оседлали и надели оголовье.

На короткой разводке Калибек вместе с Хугандуковым вывели ее на старое картофельное поле и пустили там на длинном аркане.

Мы по очереди гоняли ее с полным выюком больше часу. Нужно было основательно прогреть ее, вымотать

силы. Однако я видел, что сделать это не так легко. Она все время кидалась в разные стороны, мотала головой и, непрерывно перекатывая на зубах трензеля, пыталась их выбросить. Обегая круг броским, размашистым галопом, плевалась розовой пеной. Иногда она вдруг резко, совсем неожиданно останавливалась и начинала тяжело и нервно дышать.

Но мы были неумолимы и не давали ей никакого отдыха. Я приказал Калибеку подстегивать ее длинной хворостиной.

— Надо выгнать из нее большой пот и лишнее сало, — говорил Семен. Но у Флейты пока затемнели только паховины, а шея и предплечья, которые у обыкновенных коней быстро потеют, остались сухими.

— Это какой-то двужилый шорт, — сказал Калибек.

Работали мы с ней долго. Наконец, уступив настоятельной просьбе моих помощников, я разрешил Калибеку попробовать сесть на нее верхом.

Стоило Мулдасанову бросить хворостину, Флейта тут же остановилась как вкопанная. Теперь я понял, что наша краля отлично соображает и знает назначение хворостины. Натянув аркан, я стал осторожно подходить к ее голове, держа на виду висевшую у меня на руке ременную плетть. Я боялся, что она снова хватит меня зубами, и решил отучить ее от этой зверской повадки. Был у нас на дальневосточной границе такой случай, когда лошадь вырвала красноармейцу глаз. Я же не хотел подвергаться опасности и бдительно следил за каждым ее движением. Хугандуков в это время подошел с другой стороны и взял под уздцы. Сейчас мне показалось, что она начинает проявлять признаки покорности... Оговаривая ее самыми ласковыми словами, я тихонько начал оглаживать повлажневшую шею и кивнул Мулдасанову, чтобы он приготовился.

Калибек, привычно цокая языком и уговаривая ее, медленно подкрался и смело приложился рукой к вспотевшему предплечью. Она вздрогнула, но не сдвинулась с места. Тем временем Калибек, бормоча всякие слова, поймал ногой стремя, ухватился за переднюю луку, легким движением сел в седло и быстро подтянул поводья.

Ошеломленная прибавкой пятипудовой тяжести, она напряженно переступала всеми ногами, словно сообра-

жая, как половчее сбросить этого непрошенного всадника. Вид у нее был несуразный. Скатанная в репьях челка свисала почти до самых глаз, в них яркими синими алмазами перекатывались, блестели крупные, живые, казалось, осмысленные зрачки. По грудным выпуклым мышцам трепетно пробегала напряженная судорога.

От ее свирепого взгляда я невольно вздрогнул и, подавая Калибеку чембур, заметил, как он, нервно подергивая скулами, покусывал свою утолщенную нижнюю губу. Плотно прижав колени к бокам лошади, он негромко сказал:

— Ты тоже, старшина, пускай аркан немножко...

Хугандуков, ослабив веревку, попятился назад. Отошел и я. Натягивая поводья, Калибек пытался послать ее вперед, но она и не думала двигаться с места. Я посоветовал ему легонько тронуть шпорами, а Семен — огреть плеткой. Что в ту минуту сделал всадник, мы не видели. Флейта вдруг поднялась свечой на задние ноги, потом резко опустилась и каким-то едва уловимым движением сильно качнулась в правую сторону. Мулдасанов, взмахнув руками, вылетел из седла и плашмя шлепнулся на притоптанную землю...

Освободившись от тяжелого груза, Флейта взмахнула головой, фыркнула и, вытянув спутанный хвост, черной птицей помчалась по изрытому картофельному полю. За нею, извиваясь серой змеей, хлеща по боку, волочился длинный аркан.

Проводив ее глазами, мы со старшиной бросились к Калибеку. Но он нас отстранил и рывком поднялся сам.

— Ну как? — тормозили мы его.

— Ошен проста... Падал и все, сам, дурак, виноват... — отряхиваясь, бормотал Калибек.

— Ушибся или нет?

— Ничего! Тут недавно русские бабы картошку копали, — вздохнул он и, почесав затылок, начал ругаться. Стащил с головы пилотку, вытер ею вспотевшее лицо и присел в борозде, продолжая всячески поносить ускакавшую кобылицу.

Видя, что пока все обошлось более или менее благополучно, я приказал старшине взять двух бойцов и срочно ехать на розыски.

— Ничего не надо. Сама двое поедem и поймaем, — возразил Калибек. — С арканом далеко не убежит...

Я не стал с ним спорить.

Отвязав коней, они сели и отправились вслед за ускакавшей беглянкой. Я же пешком направился в расположение эскадрона.

22

Возвратившись в эскадрон, я расстелил около блиндажа попону и, укpывшись буркой, прилег отдохнуть. В те дни на фронте стояло затишье. Реже доносились артиллерийские гулы, и почти совсем не показывалась авиация противника. Но на душе у меня было беспокойно, и в голову лезли тревожные, невеселые мысли. В памяти яркой ночной звездочкой сверкнуло короткое пребывание Глаши, горько скребнула в сердце смерть Ивана Потипко. Я лежал неподвижно и глядел на однообразное синее небо, а в сознании сплошной, непрерывной чередой возникали и проходили все знакомые и близкие погибшие товарищи. Стараясь отогнать эти тяжелые и грустные мысли, я стал думать об ускакавшей Флейте. За нового коня я теперь хватался, как за якорь, чтобы не плыть и не погружаться в тоскливую душевную волну... Я еще там, на месте, понял, что Флейта, несмотря на ее дикарство, имеет настоящую стать строевого коня.

— Товарищ командир! — раздался за блиндажом тихий, несмелый женский голос.

Я сильно вздрогнул и приподнялся. В двух шагах, сбоку от меня, появилась та самая веснушчатая, милая санитарка, которая увезла тогда Ваню Потипко.

— Товарищ Бражникoв, — застенчиво повторила она.

Легкая и стройная, в короткой синей юбке, она стояла передо мной и растерянно, по-детски улыбалась. Из-под новенькой, сложенной в пирожок пилотки растрепанно выбивались яркие, светло-рыжие кудельки, на ногах были все те же разболтанные кирзовые сапоги, через плечо висела санитарная, с красным крестом, сумка. Я ласково поздоровался с ней и не без удивления спросил:

— Послушайте! Как и зачем вы здесь очутились?

— Вчера назначена к вам... вот... — запинаясь, ответила она и протянула мне аккуратно свернутую бумажку.

Это был приказ командира полка о назначении Павловой Ольги Афанасьевны на должность санинструктора эскадрона.

— Вы что же, случайно к нам угодили? — поглядывая на ее бледно-розовое веснушчатое лицо, спросил я.

— Нет... Мне Иван Никанорыч про всех про вас рассказывал много, вот я и попросилась... то есть сама рапорт подала.

— Сколько вам лет, Павлова?

— Восемнадцать исполнилось.

Я покачал головой. Мне до боли было жаль это юное создание, рожденное совсем не для войны и не для гвардейской кавалерии.

— У нас же... очень трудно, — сказал я, предчувствуя, что меня повседневно будет тяготить этот полуподросток с голубыми доверчивыми глазами, с маленьким носиком — единственная во всем эскадроне женщина!

— Ничего. Я привычная, — твердо и самоуверенно ответила она.

— А на коне верхом когда-нибудь ездил?

— Приходилось в совхозе... У нас многие девчонки умеют ездить...

— Ты из деревни?

— Да. Мы добровольцы, с Кубани. Я в станице Отрадной жила и потом в совхозе работала.

— Значит, казачка?

— Конечно... — Она пожала плечиками, будто говоря, как это, мол, можно сомневаться.

— Вы что же, курсы какие-нибудь закончили?

— Да. Еще зимой.

— С чего же думаете начать у нас свою медицинскую деятельность?

— Хотя бы с вас, — нисколько не смущаясь моим насмешливым тоном, ответила она.

— Почему именно с меня? — озадаченно спросил я.

— Осмотреть хочу, потому что... Вы ведь раньше срока из госпиталя выписались...

— Вам даже и это известно?

— Само собой... Я с этим госпиталем четыре месяца на рейсовых «санитарках» работала. Там меня все знают... и все про вас рассказали...

— Вот как! Ну раз вы знаете обо мне всю подноготную, начинайте!

Мне вдруг стало весело. И приятно было прикосновение тоненьких, нежных пальцев, которые сейчас напоминали милую далекую Глашу.

— Ранка у вас в порядке. Есть маленькое покраснение, но это еще ничего, бывает и хуже...

Она вторично ополоснула из флакона руки, достала новый стерильный бинт, ловко перевязала, предварительно смазав рубец какой-то мазью.

— Ну, а дальше что будете делать, товарищ маленький доктор?

— Во-первых, я вовсе не доктор — ни большой ни маленький, а во-вторых, я уже начала делать... была на вашей кухне...

— Ну и что? Пробовали обед?..

— Нет. Я только так посмотрела... Там у вас просто ужас какой-то.

— То есть как это ужас? — удивленно спросил я.

— Такую грязюку развели... Картошку чистят, очистки тут же прямо сваливают, мясо моют, помой туда же... Рой синих мух кругом... У повара колпак с прошлого года нестираный, а фартук такой жирный, что суп сварить можно...

Постепенно до меня стало доходить, что не так уж наивна и беспомощна эта восемнадцатилетняя Оленька, и я почувствовал, что тихой и спокойной жизни от нее никому не будет... После госпиталя я еще ни разу не заглянул на кухню. Раньше заходил по нескольку раз в день и, надо признаться, больше всего интересовался тем, чтобы люди достаточно и сытно были накормлены, а на санитарию почти не обращал никакого внимания.

— Вы повару сказали об этом? — надевая полевые ремни, спросил я.

— Конечно, сказала! Ему и дежурному лейтенанту Лавриненко. Приказ вот этот предъявила.

— Ну и что же они ответили?

— Ничего... посмеиваются...

— Идем вместе, — решительно проговорил я.

Мы побывали с ней на кухне, облазили все блиндажи и наметили примерный план действий по улучшению санитарных порядков. Обойдя эскадрон, я собрал командиров взводов и познакомил их с нашим новым инструк-

тором. В подразделении, кроме меня, было шесть средних командиров. Четверо из них командовали сабельными взводами, один — легкими минометами и последний — взводом противотанковых ружей. Все они были произведены в офицерское звание, так же как и я, из сержантов, кроме лейтенанта Лавриненко. Это был хороший кадровый командир, замечательный воин и товарищ, но имел один недостаток: пристрастие к спиртным напиткам. По его знаниям и военному опыту ему можно было уже давно дать эскадрон, но ему не давали, да и сам он не особенно к этому стремился. Остальные командиры взводов были как на подбор: рослые, физически сильные, дисциплинированные, прошедшие суровую службу на границе. Сейчас это уже были не прежние молоденькие кадровые сержантики, а крепкие, задубелые, с обветренными лицами воины. Многие из них прошли горький путь отступления от самой границы. Олю Павлову они встретили несколько снисходительно, со скрытым намерением покровительствовать маленькой, невзрачной и беспомощной на вид санитарочке...

Отпустив командиров, мы с ней вернулись назад, и я тут же определил ее в отделение управления, приказав сержанту Степану Баловневу оборудовать для медпункта отдельную удобную землянку.

— Есть оборудовать землянку, — вяло и неохотно ответил сержант и неуклюже затоптался на месте. Это был тихий, малоречивый, немножко угрюмый с виду дедина в добрую сажень ростом, с костлявыми размашистыми плечами.

— Еще что-нибудь есть ко мне? — спросил я.

— Так точно. Насчет коня...

— Какого коня?

— Для нее... — кивая в сторону удалившейся санитарки, проговорил Баловнев. — Для этой пеночки...

— То есть как это «пеночки»?

— Птичка такая есть... Желтоголовенькая, в лесу найдет трухлявенькое пенышко и гнездо там вьет, и эта такая же опаленная... Ей бы в самый раз в колхозе теленок пасти, а она воевать вздумала...

— Ну, брат, это не твое дело. — Я понял, что Степан не влюбил ее с первого взгляда и говорил, ничуть не скрывая своего мужского презрения.

— Вот что, сержант Баловнев: санинструктора Павло-

ву отдаю на ваше попечение и, если только кто-нибудь позволит обидеть девушку, спрос будет с вас. Понятно?

— Ясно! Да кого тут обижать-то? Тут и чихнуть-то не на что...

— Ладно, прекратим этот разговор. Коня подберите, когда вернется старшина.

— У нас лишних нет.

— Возьмете из необъезженных, а ее на смирного посадите, — заявил я решительно.

Баловнев пожал плечами и удалился.

Подремав у дерева, я поднялся и тревожно посмотрел на часы. Хугандуков и Калибек отсутствовали свыше шести часов. Я понимал, что изловить необъезженную, перепуганную лошадь не так легко, и это начинало сильно меня беспокоить. Приближался вечер. Над лесом розовели горы пухлых облаков. В конце просеки за молодой сосновой, посаженной ровными рядочками порослью застыла седая, рваная, с голубыми разводами тучка, в которой медленно тонуло заходящее солнце.

Прошел еще один томительный час, но Семена и Калибека все не было. Топоча по тропе жесткими яловыми подошвами, снова явился Баловнев и доложил, что в эскадрон прибежала лошадь старшины под седлом, с распущенными и порванными поводьями. Я приказал привести ее ко мне и самому тоже собираться и ехать вместе со мной на розыски. Минут десять спустя мы сели на коней и тронулись в направлении расположения штаба полка. Выехав на опушку леса, я остановился и, чтобы определить точнее маршрут поиска, развернул карту. Предо мной лежала большая широкая поляна с высокой вышкой посредине, за нею темнел густой мякотинский лес.

— Едут! — коротко бросил ехавший позади Баловнев.

Я вскинул голову и, толкнув коленями, послал серого спокойного коня старшины вперед. Моему взору представилось поистине поразительное зрелище!

Навстречу нам вдоль опушки леса быстро приближались два всадника.

Калибека я узнал по его своеобразно типичной посадке степного кочевника. Пригибая корпус к передней луке, он рысил за старшиной на Флейте, Семен же ехал на коне Мулдасанова. Круто и цепко выгибая передние ноги, вытянув длинную шею, Флейта шла стремитель-

пой, размашистой рысью и, как будто все время прося повода, резко вскидывала головой, обезображенной клоком спутанной челки. Казалось, что она давным-давно объезжена и ходит под седлом всю свою трехлетнюю жизнь. Ее фигура мне снова напомнила утреннюю величественную позу во всей ее красоте и неповторимости. Я был поражен этой переменной и сбит с толку, хотя еще не знал, что она покажет нам завтра.

— Олле! — подъезжая к нам все ближе и ближе, кричал Калибек. На его широкоскулом лице с веселым азиатским прищуром глаз млела восторженная, победная улыбка.

Перейдя на шаг, они объехали вокруг нас и остановились. Было заметно, что гонял ее Калибек много и укал основательно. Свой перекормленный, немного отвисший утром живот она сейчас подобрала, как говорится, в рукав и предельно подтянула... Теперь его хорошо скрадывали ременные подпруги и новенький с желтой бляхой нагрудник. Весь корпус казался еще длиннее и выше. Ярко блестящая шерсть потемнела, а у краев потника были видны струйки мыльных подтеков.

Утомленные, но веселые наездники наперебой рассказывали, как они искали и ловили беглянку. Оказалось, что, убежав километров за шесть, она успокоилась и прибилась к пасущимся на поляне коням артиллерийского дивизиона. Калибек незаметно подполз к ней и схватил за аркан.

— Как же ты все-таки на нее садился? — спрашивал я.

— Ошен проста! Раз, и готово!

— И не сбросила?

— Ого! Мулдасанов не такой дурак, как там был... Сидел на нее, как орел... комчи мало-мало давал все-таки... — ответил он и лукаво усмехнулся.

Мне уже давно было ясно, почему он утром вылетел из седла. В бешеных прыжках Флейты ничего удивительного не было, обычный во время обучения прием, и к нему надо быть готовым каждую секунду. Калибек немножко растерялся и опоздал сработать корпусом и поводьями. Сейчас я ему сказал об этом.

— Правильно! — согласился он. — Сидел, как баба... Эх, товарищ старший лейтенант! Если бы ты знал, как ходит этот кобылка! Ай-ай! Такой лошадь сроду я не ви-

дал! Башку свою кладу, любой машина догоняю, любой скачку беру, хоть десять, двадцать верст положи, возьму! Садись, товарищ начальник! Сам увидишь! — с горячим убеждением проговорил он и спокойно слез. Потом ласково погладил и потрепал за холку.

Его смелое обращение ничуть не встревожило Флейту. Она глубоко передохнула, вскинула голову и ни на секунду не переставала жевать трензеля. Прежнего озорства как не бывало.

Стараясь приучить к своему голосу, я начал улетать ее ласковыми словами и приближаться. Но только я притронулся к поводу, она вновь зафыркала и стала мелко дрожать. Я понял, что она запомнила историю с хворостиной и чувствовала во мне смертельного врага. «Раз ты, голубушка, меня боишься, то непременно покоришься», — мысленно заключил я и, не раздумывая долго, поймал носком сапога стремя и решительно перекинул ногу через седло. Чтобы сразу же дать почувствовать манеру своей посадки, я плотно взял Флейту в шенкеля, короче натянул поводья, совсем не применяя шпор, осторожно коленками послал вперед. Она поначалу покорно выполнила мое требование, но вскоре же сбилась и начала вилять корпусом и крутиться на месте.

— Она, товарищ старший лейтенант, не хочет уходить от наших лошадей, — держа своего коня в поводу, сказал Хугандуков. — Мы уже немного изучили ее повадки. Вы езжайте одни, а мне, однако, в эскадрон надо.

— Ладно. Валяй, — согласился я и, предупредив его насчет нового санинструктора, подтвердил свое приказание, чтобы выделили ей смиренного конька и посмотрели, как она умеет ездить.

— Не умеет, так научим, — заявил Семен и сел на своего коня.

Калибек тронул своего заветного Сокола и выехал вперед, я же на свободном поводе пустил Флейту за ним и попросил Калибека постепенно усиливать аллюр.

Флейта пошла очень неровной, тряской рысью и часто сбивалась. Она выкидывала передние ноги какими-то длинными, нерасчетливыми бросками, приноровиться к которым не было никакой возможности. Это был черт знает какой ход! Я совершенно не понимал, куда девалась та плавная великолепная рысь, какой она только что шла под Калибеком? Работая шенкелями и поводья-

ми, я пытался выровнять ход, но у меня пока ничего не получалось. Стоило мне чуть притронуться шпорами, Флейта перекидывалась на скачкообразный галоп. Я резко осаживал ее и заставлял идти шагом, потом чутко и осторожно переводил на рысь. В одном из таких переводов она вдруг, после очередного сбоя, как-то совсем неожиданно пошла хлесткой и плавной рысью и в какие-то две минуты вынесла меня на хвост передней лошади. Это был удивительный бег, но он продолжался недолго. Перетряхивая все мои внутренности, она снова сбилась и перешла на прежний невыносимый ход.

— Повод хорошо тяни и не дергай! — оглянувшись, крикнул Калибек.

Я начал сдерживать ее и, пытаясь поставить на прежний ход, отстал метров на сто. Я перепробовал все известные мне приемы, но ничего сделать не мог. Не зная, что предпринять, я бессознательно натягивал поводья и постепенно уменьшал аллюр, но она, вытягивая шею; упорно рвалась вперед. Вдруг я снова, как и раньше, почувствовал толчки знакомого уже переступа и привычно легонько прижал к бокам шпоры. Флейта как-то сразу выровнялась и, ловко выбрасывая копыта, понеслась вперед. Стремительность и плавность были до того поразительны, что у меня от радости захватило дух. Я понял, что это настоящая необыкновенной резвости рысачка, с огромным запасом неукротимой силы и выносливости. Теперь моя задача заключалась в том, чтобы найти верный способ тренировки и во что бы то ни стало отучить ее от другой — тряской и неестественной — рыси.

Подъезжая к Мулдасанову, я стал переводить ее на шаг, но она снова закапризничала и сбилась. Шагом она ходила плохо, нервничала, крутила головой, перескакивая на отвратительную трусцу. Калибек сказал, что у нее два способа хода. Один — сильный, рысачий, другой — какой-то необычный, ложный и тряский. Я таких лошадей никогда еще не встречал.

— Есть такие, — подтвердил Калибек. — Совсем дурной рысь... когда маленьким жеребенком был, бегал, как хотел, вот и научился. Ничего, мы ее быстро отучим...

Двигаясь в направлении расположения эскадрона, мы снова несколько раз переходили на рысь. Теперь я нарочно отставал от Калибека метров на триста и все время нажимал только одну правую шпору, и, как толь-

ко Флейта делала нужный переступ, я поощрительно гладил ей шею. Потом километра два мы ехали тихо. Очевидно, предчувствуя отдых, Флейта неожиданно на свободном поводе пошла изумительно чеканным шагом и напомнила этим славного и спокойного Горностая.

Для первого раза наши успехи были значительными, и мы победителями возвратились в лагерь. Там меня встретила еще одна радость — письма от Глаши. Как я их ждал, это поймут те, кто помнит войну и знает, как много значили для фронтовика самодельные треугольные конвертики с почтовым штемпелем из далекого родного села.

После длительной проводки Калибек подкормил Флейту сеном, слустя некоторое время напоил и дал овса. Однако торбу она не приняла — пришлось насыпать зерно на разостланную палатку. Ела Флейта овес, как доложил мне потом Мулдасанов, исключительно бережно и чистоплотно. Теперь мы были окончательно убеждены, что покорили эту озорницу и скоро заставим ее делать все, что нам захочется.

Передо мной два Глашиных письма, каждое на девяти страницах, мелкого, убористого почерка. Они написаны с небольшим перерывом, почти одно за другим. Письма для меня очень радостны; здесь в каждом слове живая, сердечная человеческая ласка, от которой трепещет сердце, замирает душа.

«Милый Максимушка! Мне трудно писать, а еще труднее говорить о том, как я приехала с фронта и снова угодила чуть ли не на самую передовую. Ты уже, наверное, знаешь, что и к нам на Кубань пришла война. Близко она, нет ли, мы еще точно не знаем. Мы только видим — вернее, я видела из окна вагона, как по дорогам идут машины, пушки, по обочинам бредут усталые люди с узелками и котомками за плечами, по полям ползет голодный скот и войска пылят без конца и края! Что же будет, милый ты мой друг? Как многое хочется мне сказать тебе! Но разве можно все написать в этих кривых торопливых строчках? Я уже не учительница, и нам о школе сейчас думать некогда. На другой же день после

моего приезда меня вызвал секретарь райкома партии и сказал, что есть решение избрать меня председателем сельского Совета. Сначала у меня даже ноги подкосились. Ну какая же, думаю, из меня власть, боже ж мой праведный!.. И ты понимаешь, как это ни странно, начинаю входить в роль и даже трошечки казаками командовать... Правда, тут больше всего деды, да еще такие скаженны... прищурят свои очи, ухмыльнуться в бороды и начинают тягать меня зовсім не в ту борозду... Хорошо, что у меня есть Саввушка Голенищев. Я тебе о нем рассказывала, да ты и сам его добре знаешь. Разумиют они старую казацкую традицию и перед его золотой звездочкой папахи свои почтенно ломают. А Савва—парторг, герой, всегда веселый, забавный и государственно мудрый. Если бы не он, то деды мои напрочь бы меня закомандовали... А батько мой теперь прозвал меня «голова в юбке». А Саввушка в меня влюблен и души во мне не чаает... Я ж этого детину не только уважаю, а считаю, что это не человек, а велика, душевна громадина! С утра до ночи он скрипит своими протезами около тракторов, комбайнов, повозок. Я недавно грешным делом подумала: а что, ежели бы ты тогда там, на лужаечке нашей, не подстриг мне мои крылышки, я бы отдала себя и свое сердечко только Саввушке и никому больше... Поревнуй трохи, Максимушка, это тебе чуть-чуть полезно... Ведь безногих и безруких тоже надо будет куда-то девать, милый мой? Как ты думаешь? Ведь они тоже хотят надеть на свои протезы чистые брюки и ботинки с новенькими калошами. Разве не с каждым это может случиться?».

От таких слов меня начинает немножко знобить, но я беру себя в руки, читаю дальше и думаю сумрачно, что ревность очень расчетлива, но не умна и не всегда прощательна.

«Зараз у нас в станице две власти: гражданская — это мой батька, председатель колхоза, он же и домашняя... Батько после заведования конефермой взял в свои руки все колхозное хозяйство. Коней у нас осталось мало — одни сосунки, молодняк да старые племенные кобылицы, которых мы бережем как зеницу ока, в особенности мать Горностая. Ну, как он у тебя, наш славный, ласковый жеребенушка? Это его так мой младшенький братуха, Тимоша, зовет... Они вместе с батькой кормили

его, выхаживали и никак забыть не могут... Столько было разговоров, расспросов, ты даже представить не можешь!».

24

Страшно, хочу представить себе, что это было во сне, но не могу. Всегда буду помнить, что у Горностая был выпуклый лоб, а над правым ухом золотой кистью висела шелковистая прядка волос...

25

«Ты, конечно, хочешь знать, как я доехала и как меня встретили? Батя пригнал за мной на станцию бричку. Обнял меня на ходу, а сам сел верхом на коня и ускакал на элеватор. Он еще крепкий, мой батяка, и мы сейчас здорово с ним суперечим... Мне бывает иногда очень тяжело. Но я терплю».

...Младший братишка, Тимоша, по случаю болезни не мог встретить Глашу. Корней Иванович был занят сдачей колхозного зерна. Глаша ехала до станицы одна, и только по дороге ей встретился попутчик, одностаничник, пожилой козак Роман Шур.

— Спасибо, дочка, что подвезла, — благодарил высокий рыжеусый казак в поношенной темно-серой черкеске с желтым и запыленным на плечах башлыком. — А то бы я в такую жару долго мерил нашу кубанскую матушку землю, аж от самой станции.

— Чего уж тут... одна еду, места не жалко, — задумчиво ответила ему Глаша. — Только вы мне такое сказали, такое!.. Даже не верится, чтобы немцы опять Ростов заняли и Невинку...¹

— Сам военный комиссар товарищ Остапенко сказал. Я ездил к нему и просил отправить меня на фронт...

— Ну и как?

— Если, говорит, хотите честно помочь Родине, то и здесь найдутся дела...

— Правильно он сказал.

— Я, конечно, понимаю, что у нас тут зараза есть що робить, но только это в такие дни не по мне, дорогая моя! Я за ту войну с германцами серебряные кресты

¹ Станица Невинномысская.

имею. Когда-то вместе с твоим папашей получали... и парнями тоже на пятачках вместе лезгинку выплясывали. Он забыл и зараз бугаем на меня смотрит... Военком тоже не хочет доверить мне, Роману Шуру, оружие... За белую гвардию я перед Советской властью был в ответе... Сколько я лесу переворочал на севере, мне одному известно. Советская власть простила меня, но я хочу еще искупить свою вину кровью, а мне не верят! А какая в те годы у нас сознательность? Как у слепых кутят... Атаман Шкуро как хотел, так и вертел казаками...

— Не всеми казаками вертел Шкуро. Это вы, Роман Матвеевич, добре знаете... Давайте не будем об этом говорить.

Роман вскинул серые, как у степного ястреба, глаза, расправил жесткую щетину усов, нервно заморгал сизым надбровным шрамом.

— Значит, и вы, Глафира Корнеевна, не доверяете?

— Не в этом дело... Зараз, дядя Шур, время у нас такое, что ежели кто захочет, тот и здесь докажет, как он любит свою Родину... Вы мне много говорили, а я слушала... Хочется верить вашим словам, очень хочется!

— Спасибо. У меня за свою Кубань сердце кровью обливается! — горячо воскликнул Роман Шур. — Душа вся изболелась!

— А за какую Кубань у вас болит душа? — неожиданно спросила Глаша.

— Да разве, Глафира Корнеевна, вам непонятны мои слова? Кубань у нас одна...

— Кубань у нас одна, это верно... Но у нас еще есть большая Советская Россия! Вот за нее болит душа у всего народа!

— А разве я не понимаю?

Но Глаша плохо его слышала. Они уже подъезжали к родной станице. Глаша видела свой новенький, стоявший на отшибе дом, а за плетнем в саду маячила кудлатая голова братишки Тимоши в старой отцовской барашковой папаше... Сдвинув ее на лоб и закрывая яркие и крупные, как вишни, глаза загорелой ладошкой, он смотрел на дорогу.

Очевидно, услышав доносившийся с улицы дребезжащий звук пароконной брочки, мать открыла окно и выглянула. К воротам уже подкатила знакомая линей-

ка, запряженная парой рослых темно-гнедых коней. Остановив усталых, вспотевших мерингов, Глаша спрыгнула на землю, бросив вожжи, побежала навстречу Тимоше.

— Глашуха! Приехала, сестричка моя! — радостно кричал брат.

— Это что же, у Корнея еще сын, братан твой? — спросил Шур. По возвращении из мест заключения, он еще не был в родной станице, а жил на хуторе, у родственников.

— Мой! — с гордостью ответила Глаша, обнимая братишку.

— Добрый казак будет... Еще раз спасибо вам. Вы уж меня извините, — с особой почтительностью продолжал Роман. — Не вовремя до вас встречаюсь... Будь ласка, скажите, кто такой товарищ Голенищев? Он вроде начальство какое... однако я таких не помню.

— Это инвалид войны, Герой Советского Союза, теперь наш парторг, — ответила Глаша. — А в чем дело?

— Военком Остапенко велел к нему обратиться, — смущенно проговорил Шур.

— Он дома? — спросила Глаша у брата.

— На гумне, — кратко ответил Тимошка, с любопытством поглядывая на незнакомого казака.

— Благодарствую!

Шур распрощался, подхватил потрепанный тяжелый чемодан, сказал насупившемуся подростку несколько льстивых слов, быстро зашагал вдоль улицы. Несмотря на свои годы, он еще был подвижен, ловок.

Тимофей долго смотрел ему вслед, потом, повернувшись к Глаше, обнял за шею и молча прижался к ее горячей щеке, чувствуя, что сестра стала совсем другой. Братишка трется около нее, ластится, спрашивает, какому казаку достался их Горностаюшка, сколько у него орденов, а сестра отвечает скороговоркой, невпопад и смущенно прячет глаза... Казака привезла какого-то рыжеусого. Непонятно что-то... Торопливо обняла мать и тут же побежала распрягать коней, как будто он, Тимофей, не может это сделать сам. Хворь-то уже вчера прошла, сегодня даже рыбу ловил в колхозном пруду. Внимательно и строго наблюдал за сестрой проницательный брат. Отстегнула одну постромку, бросила на землю, встала и задумалась... О чем? Домой же вер-

нулась, на войне побывала, хоть чего-нибудь рассказала бы про войну-то. А что она может рассказать — баба есть баба... Вот его бы, Тимошку, послали, это да! Так укорял ее младший братишка, пока распрягали коней.

— Ты чего, старичок, разворчался? — спросила его Глаша и еще пуще смутилась. — Успеешь еще... Вот вернется батя, все по порядку расскажу... А зараз, Тимонечка, веди лошадей на конный двор, а на обратном пути заскочи до Саввы и зови его к нам.

— Зачем?

— Нужен. Ты не раздружился с ним?

— Ишь ты какая? Раздружился... Ты еще не знаешь, какой он человек, — с восхищением проговорил Тимоша.

— Какой же?

— Сильный, как той граб. Он новые ноги получил... Сам придумал, в городе робыли ему, як настоящие!

— Ноги... — задумчиво прошептала Глаша. — Ладно, ступай и разом возвращайся.

Через полчаса Тимоша вернулся, смущенно развел руками, сказал кратко:

— Нету.

Тимоша сходил в погребок, принес ведерко с рыбой и, устроившись на нижней ступеньке крыльца, принялся чистить улов.

— Куда же он делся?

— Не знаю.

— А где Катя?

— Бегает где-нибудь... Я ж ей не пастух...

С сестренкой Саввы Катей, почти уже девушкой, Тимоша крепко дружил, а сегодня они вместе ловили рыбу и поссорились. Ссоры возникали по десять раз на дню, и столько же раз заключался мир.

— Ты, я чувю, у ворот постоял и в хате не был.

— И вовсе не стоял у ворот, а так знаю, иде они, даже побачил, — оправдывался не умевший врать Тимоша.

— Почему же не позвал?

— Потому, что не захотел...

Тимоша насупился, аккуратно сложил вычищенных рыбок на сковородку, а внутренности и шелуху кинул дежурившим около сеней кошкам. Он был на гумне и видел, как мучился за рулем трактора Савва Голенищев. Видел Тимоша, как несколько раз он слезал с сиденья,

разминая ноги, скрипел зубами и с трудом садился вновь. Мальчик понимал, что Савве очень хочется научиться управлять трактором в протезах. Но как ни хороши были эти ноги с разными ремешками и пряжками, а они все-таки деревянные. А деревяшки так и останутся деревяшками... Первое время Тимоша с непривычки даже боялся на них смотреть... Понимал, как тяжело Савве.

Понимала это и Глаша. Теперь она уже знала, где находится Савва. Он очень не любил, когда за ним подглядывали. Глаша помнит, как он впервые приехал к ним с шестнадцатилетней сестренкой Катей. Выписавшись из госпиталя, он разыскал ее под Армавиром и по совету друзей-однополчан прибыл в станицу Запорожскую. Здесь героя встретили, как родного, и избрали секретарем колхозной партийной организации. В первые же майские дни он пришел в школу и рассказал ребятам о Герое Советского Союза генерале Доваторе. Его полюбили не только дети, но и взрослые. Голенищев был прост, доступен. Ходил, опираясь на палочку, и ни на что не жаловался. Но Катя рассказала, как он мучился, и поражалась терпению, с каким он переносил адскую боль, передвигаясь на неусовершенствованных госпитальных протезах. Почти месяц он сидел по ночам дома и вычерчивал новую конструкцию, да такую, чтобы протезы сгибались в коленях и действовали как настоящие, живые ноги.

Трудность заключалась в том, что одна нога была ампутирована выше колена, а другая — ниже.

— Не могли уж поаккуратнее отрезать... — с присущей ему шутливостью говорил Савва.

Но Катя с трепетом в сердце чувствовала, какие горькие нотки звучали в шутливых словах брата. По возвращении с фронта Савва разительно изменился. Правда, любил он иногда, как раньше, побалагурить, вставить смешное, несуразное слово. Но порой вдруг поникнет, задумается, возьмет книгу, просидит целый час и страницы не перевернет... Катя пристально наблюдала за ним, стараясь понять все его мысли и желания, но это ей удавалось с трудом.

Однажды она долго поджидала его к обеду и, не дождавшись, решила добежать до правления колхоза. Подойдя к калитке, увидела брата за рулем стоявшего во

дворе трактора. С перекошенным от боли лицом Савва нажимал педали, крутил баранку. Ему было очень трудно. Он отнимал руки, вытянув протезы, стаскивал с головы папаху, вытирал вспотевший лоб и снова ставил деревянные ноги на педали управления... Потом вдруг яростно выругался и опустил голову на баранку, судорожно вздрагивая.

Катя вошла во двор. Услышав скрип калитки, Савва оглянулся, заметив сестру, медленно слез с трактора.

Когда пришли домой, Савва умылся и долго тер полотенцем обветренное похудевшее лицо. Не глядя на нее, как бы в шутку сказал:

— Ты, Катюшка, за мной в следующий раз не подглядывай... А то подкрадываешься, как сыщик, будто я трактор спереть хочу.

— А ты себя не мучай, — тихо ответила сестренка. — Смотри, на кого ты стал похож...

— На кого же?

— Длинный да мослатый, как старый конь. Садись лучше да поешь, а то каждый раз обедать не дозвешься.

— А я уж пообедал.

— Где же ты успел?

— Степанида Ивановна Пластунова блинами потчевала...

— А может, Глашенька? — не скрывая ревности, говорила сестренка.

— Все может быть... — ухмылялся Савва и неохотно сажился за немудрящий Катин обед.

В доме Корнея Ивановича Пластунова Савва бывал частым гостем и считался самым близким человеком. Особенно уважали его мать Глаша и Тимоша. Услышав, что Глаша вернулась, он тотчас же пришел к Пластуновым. Поздоровавшись со всеми, прошел в горницу и, скрипя новыми протезами, присел на подставленный Глашей стул. Смушая Глашу долгим, напористым взглядом, он крепко пожал ей руку и несколько раз повторил одно и то же:

— Вы очень изменились, Глафира Корнеевна, очень!

— Чем же? — заметно краснея, спрашивала Глаша.

— Я сам не знаю... Вы совсем какая-то не такая...

Потом говорили много, но душевного, как прежде, разговора не получалось. Под конец беседы Савва ска-

зал, что назавтра их обоих вызывают в райком партии, попрощался и ушел печальный и скучный... Никогда еще Глаша не видела его таким подавленным и молчаливым.

Усталый и сердитый, под вечер вернулся отец. Наскоро умывшись и сменив пропыленную одежду, Корней Иванович, отказавшись от ужина, усадил дочь рядом с собой и начал расспрашивать все подробности о поездке.

Глаша пыталась рассказать и то и другое, но каждую минуту краснела, сбивалась и опускала глаза.

— Годи, дочка! Чего ты зараз шарахаешься, як той на дорозе тушканчик? Ховаешь очи, як будто на тебя дышлом едут?..

— Що ты, старый, до нее чепляешься? Устала она с дороги, а ты ее тормошишь, — вступилась мать.

— Эге! Она зараз чего-то чурается! — с детской проницательностью заметил Тимоша. — Я спрашиваю: кому отдали нашего Горностаюшку, а она тоже круть да верть... Даже фамилию того командира не помнит! А я ему хочу письмо написать... Мы все, ребята, хотим с ним переписываться.

— Говорю же вам, Бражников... Максим... Ты спрашиваешь, сколько у него орденов? Я не считала... — с волнением отвечала Глаша.

— Погоди, Тимоша, ты зараз не встречай, — пристально поглядывая на дочь, продолжал Корней Иванович. — Какое у него звание?

— Старший лейтенант...

— Так! Коли ему командование присудило коня, значит, боевой командир. А вручали как? Расскажи.

— Не знаю... Я не бачила...

— Полагается, щоб был выстроен весь полк! Щоб гремел оркестр! Значит, такого не было?

— Нет.

— Добре. Раз ты ничего не знаешь, то я председателя крайисполкома товарища Сычова сам порасспрошаю и скажу ему, чтобы следующий раз таких индюшек в делегацию не брали...

— А я и сама больше не поеду.

— Оно и лучше. От греха дальше, — заметила стоявшая у голландки Степанида Ивановна. Она тоже почувяла, что дочка не все рассказывает.

— Ты о чем, мать? — спросил Корней Иванович.

— А о том, что не бабье дело по фронтам разъезжать... У меня за этот месяц глаза еще не высохли, — измученно проговорила Степанида Ивановна и вышла на кухню. Следом за ней выскользнул и Тимоша. Он-то уж знал, как мать переживала за Василия и за Глашу.

— Мне, батя, с тобой поговорить нужно, — когда они остались вдвоем, сказала Глаша. Лгать она не умела, скрывать от отца было тяжело, но не легче и признаться.

— Ну что ж, давай погутарим, так будет краше, — задумчиво проговорил отец. — Ну, говори, що ты приготовила до батькиного сердца?

— Я, батя, замуж вышла, — метнув на отца твердый взгляд темных неморгающих глаз, сказала Глаша.

Раскаленные внутренней, пытливой напряженностью взоры отца и дочери встретились. Корней Иванович крепко ухватился жилистыми руками за края скамейки, словно боясь грохнуться на крашеный пол. Глаша стояла, прислонившись к спинке кровати.

— Ты что же, решила меня позабавить, посмеяться трохи над стариком? — спросил отец с растерянной, жалкой на сморщенном бородатом лице усмешкой.

— Да разве это, батя, забава? — Глаша не выдержала его взгляда и опустила глаза.

— Ну, а что же это такое?

— Встретились и полюбили друг друга, — глухо ответила она.

— И сколько вы перед этим любились? Чи год, чи два? А мабуть, четыре годика, как ждала меня твоя мать?

— Тогда, батя, время было совсем другое...

— Какое такое другое? Зараз что, не одинаково светит солнце или горячее стала луна? Может быть, теперь с обеих сторон медом смазана ваша любовь, оттого и скорее лизаться хочется?

Глаше казалось, что отец не говорил, а хлестал ее своими словами хуже, чем кнутом ременным.

— Может, и свадьба была с духовым оркестром? — пытал дочь Корней Иванович.

— Не было свадьбы...

— А что же было? Походили вокруг елочки и будьте здоровеньки... Эх, Глафира, Глафира, я думал, що ты у меня трошки умнее...

Корней Иванович зажмурил глаза и устало опустил руки.

— Раз уж, батя, случилось, того не вернуть. Я не раскаиваюсь... Я ребенка жду...

— Ребенка?

Корней Иванович медленно приподнялся и вялой, покачивающейся походкой вышел из горницы.

На другой день рано утром Савва с Глашей выехали в район и возвратились только к вечеру. Дорогой говорить не пришлось. Глаша сидела в кабине, а Голенищев лежал в кузове на соломе, постелив сверху большой колхозный брезент. Савва видел ее бледное, расстроенное лицо, но ни о чем расспрашивать не стал. Она же всю дорогу молчала.

Корней Иванович встретил их возле дома и позвал в избу.

— Ну, рассказывай, как съездил и что новенького привез? — не обращая на Глашу никакого внимания, спросил Пластунов.

— Новостей, Корней Иванович, куча! Прежде всего у нас будет новый председатель станичного Совета. А то мы без головы живем...

— Кого рекомендовали, откуда он? Может, такой же выпивошка, як наш прежний? — хмуро спросил Пластунов.

— Нет, Корней Иванович! — засмеялся Савва. — Этот человек весьма трезвый... Глафира Корнеевна, как вы насчет горилки?

— Пропускаем трюшечки, — ответила Глаша и улыбнулась.

— Вы чего пересмеиваетесь? — поглядывая то на одного, то на другого, спросил Корней Иванович.

— Я думаю, с вас и с вашей дочки магарыч причитается... Она у нас будет станичной головой! — весело проговорил Голенищев. — Гордитесь дочкой, Корней Иванович!

— Брось шутковать, Савва. Тут нема чем гордиться...

— Я совсем не шучу. Ее рекомендовали в райкоме, а я поддержал. А вы что, против?

— Я? — Пластунов осмотрелся вокруг блуждающим взглядом и сердито закричал.

— А вы напрасно, Корней Иванович, сердитесь, — уже без шуток возразил Голенищев. — Глафира Корнеевна самый подходящий человек.

— Для вас подходящий, а для меня нет! — решительно отрезал Пластунов. — Сейчас же позвоню секретарю райкома и наговорю ему таких чертей!

— Ты, батя, не шуми, — вмешалась Глаша. — Я сама отказывалась. Савва это подтвердить может. Но я кандидат партии, куда меня назначат, туда и поеду. На фронт отправят, и туда пойду, благо он сейчас не так уж далеко.

— Ты уже один раз побывала и привезла подарочек, — заметил отец.

— А ты договаривай, батя! — Глаша поднялась во весь рост, красивая, гордая. — Говори, а то я сама скажу!

— Если совесть потеряла, так можешь сказать, — мрачно проговорил Корней Иванович.

— Погодите, друзья. Я тут что-то не понимаю...

Савва в недоумении посмотрел на обоих и уперся подбородком в свою инвалидскую палку. Он понимал, что между отцом и дочерью произошла какая-то размолвка. Пластунов был хмур и мрачен, как грозовая туча. Щеки Глаши обливал яркий стыдливый румянец.

— Ладно, я скажу, — накручивая на палец конец белого кубанского платка, с запинкой проговорила Глаша. — Потом скажу... зараз не время об этом говорить...

— А сама-то ты посчиталась с тем времечком! — жестко спросил Корней Иванович...

Вошла Степанида Ивановна, строго поджала губы, посмотрела на мужа. Она еще вчера все знала от Глаши, да и Корней ночью не давал покоя. Ходил по горнице и курил сигарку за сигаркой.

— Вы что все такие постные? — спросила она.

— Веселого мало, Степанида Ивановна, — сказал Голенищев.

— Известно, какое зараз веселье... Говорят, что германцы уже Армавир заняли? — Степанида Ивановна присела на скамью рядом с мужем и незаметно толкнула его в бок. Глаша видела, как отец вздрогнул и, покосившись на мать, пытливо спросил:

— Кто говорит?

— Опять до тебя Роман Шур приходил, он и сказал.

— Этот и сбрехать может. — Корней Иванович достал кiset и начал крутить сигарку.

— Ему незачем брехать. Он на войну собирается, — проговорила Степанида Ивановна.

— Наши казаки и без него обойдутся... — давая Савве прикурить от зажженной спички, хмуро проговорил Пластунов.

— А нехай, Корней Иванович, повоюет ваш Шур! Ну, а насчет того, что он соврал, — это точно... — сокрушенно покачивая головой, ответил Савва.

— Что ты, Савва? Он правду говорит! — с удивлением посмотрев на Голенищева, сказала Глаша.

— Какая же тут правда? Точно говорю, что брешет... Мы же с тобой из района и привезли самые последние новости...

Несколько раз подряд глубоко затянувшись, Савва мял жесткими огрубелыми пальцами папироску, наконец сунул окурок в кадку с цветком. Повернув голову к Пластунову, спокойно добавил:

— Немцы, дорогой Корней Иванович, Армавир уже миновали и зараз гуртом к морю прут...

Пластунов гулко кашлянул и заворочался на скамье. Он не верил, что фашисты придут в его далекую станцию.

— Ты, мабуть, шутишь Савва? — покачивая седой головой, проговорила Степанида Ивановна.

— Хотелось бы, мамаша, пошутить, да что-то не шутится... Я, дядя Корней, из райкома директиву еще привез.

— Какую?

— Приказано начать подготовку к эвакуации.

— Это как понимать? — спросила Степанида Ивановна.

— Это значит: все должны увезти, угнать в горы скот и самим уехать, — продолжал Голенищев.

— Выходит, и сюда враг придет? А иде же Червона Армия, где там наши казаченьки, що ворога сюды пушуют? — тревожно посматривая на Голенищева, спрашивала Степанида Ивановна.

— Воюют, дерутся... — Савва не договорил фразы и снова закурил.

— Какое же наше положение?— спросил Корней Иванович.

— Наше положение такое, что в первую очередь надо хлеб вывозить.

— Хлеб вывозить? — разглаживая широкую в сединах бороду, спросил Корней Иванович. — А как и на чем мы его повезем? Ты хорошо знаешь, что пшеницу еще не обмолотили. А на токах и в ригах по всему району тысячи пудов зерна. Да где там тысячи! Горы хлеба! Я вчера и сегодня сорок возов отправил, а еще сколько осталось? Когда же все это нужно делать, то есть эвакуироваться? Слово-то черт знает какое придумали, не выговоришь!

— Чем скорее, тем лучше... А вообще-то ни минуты промедления... сегодня-завтра начнем, такое я получил распоряжение, — ответил Савва.

— Ты меня, Савва, извини, хоть ты и парторг, но слушать тебя просто невозможно, — сдерживая раздражение, заговорил Корней Иванович. — Как можно не подумавши давать такое распоряжение? И людей вывози, и хлеб, и скот выгоняй, а где кони, где транспорт? Кроме всего этого, надо собраться, харч приготовить, на то же время треба, а ты — завтра!

— Как ты, батя, не понимаешь, что фронт уже приближается, — заметила Глаша.

— Погоди командовать, ты еще не председатель, — прервал отец Глашу.

— Она уже председатель, дядя Корней, и получила команду... Теперь время военное, сегодня соберем людей и напишем протокол, за этим дело не станет! Фашистские танки ждать нас не будут...

— Но ведь все наше колхозное добро на ее протоколе не повезешь? — не унимался Корней Иванович. — Может, вы там машины схлопотали?

— На это мы рассчитывать не можем, — жестко ответил Голенищев. — Что сумеем, то и заберем...

— А как же остальное? Весь хлеб и прочее? — нервно похрустывая крупными мосластыми пальцами, спрашивал Пластунов.

— Что сможет, армия возьмет, что останется, будет уничтожено, — ответил Голенищев и плотно сцепил зубы. Ему вспомнились пылающие хаты и скирды хлеба Белоруссии, Смоленщины, Витебщины, Калининской области, Подмосковья. А люди Кубани не видели и не ждали это-

го, им трудно было представить, как огонь будет яростно пожирать народное добро.

— Як же вы думаете все это вничтожить? — глухим голосом спросила Степанида Ивановна.

— Это, мамаша, дело нехитрое, — с глубоким вздохом ответил Голенищев. — Врагу оставлять не будем, в особенности хлеб, — веско добавил он.

— Що правда, то правда... — подтвердил Корней Иванович.

— А як же с нами, с народом? Всем уходить? — спросила Степанида Ивановна.

— Всем надо уезжать, кто захочет, конечно, а кто нет... — Савва потер пальцем переносицу, напрягая морщинистый лоб, продолжал: — Будем разъяснять, а кто не захочет, пусть остаются, дадим хлеба... Вас и ребятишек вывезем в первую очередь.

— Обо мне не заботьтесь... Ежели треба помереть, так я и дома помру, надо о других печалиться...

— Вам-то как раз нельзя оставаться. Муж и дочка коммунисты, — возразил Савва.

— Ничего, я привычная... Меня вон за него... — Степанида Ивановна кивнула в сторону мужа, — беляки так пытали, шо смолоду совсем седая стала, ан, гляди, выдержала... Роман Шур перед окнами на коне крутився, кривой сабелюкой махал и орал: «Спалю!» А я ему говорю: «Ну что ж, злыдень, пали...» А он мне свое: «Покинь хату, сгоришь!» А я ему отвечаю: «Твое дело запаливать, а мое гореть...» Ничего, обошлось, может, и зараз обойдется... Я ему сегодня напомнила о том случае... Опустил бабку и говорит, что зря старое вспомнила... А разве такое можно забыть?

— Так вот он какой! Откуда он взялся? — спросил Голенищев.

— Простили ему. Правда, он потом добре с беляками дрался. А во время коллективизации опять вредную агитацию повел, ну и поехал в далекие края. Перед войной вернулся и до сех дней в Майкопе на нефтепромыслах служил кем-то... Теперь говорит, что от немцев сюда подался. Тут у нас в бригаде его снохи роблять, а сыны на фронте.

— Ты Расскажи, как вы с ним под Пашиной¹ схва-

¹ Станица Баталпашинская на Кубани.

тывались, — Степанида Ивановна толкнула в бок мужа и улыбнулась.

— То было еще в девятнадцатом году. Есть в Черкесии такая станица Баталпашинская, зараз город. Прижали мы беляков на Хоперском степу, они не выдержали, пали на коней и давай тикать. Атаман Шкуро ими тогда командовал. Мы за ними. Догоняю одного чубатого, махнул резко клинком да промазал, решил второй раз достать, вижу, оборачиваются и кричит, як скаженный: «Корней! Не замай!» Бачу — Ромка Шур... На той войне мы с ним в одной сотне служили, приехали на побывку и за одну дивчину повздорили... Ну не стал я его рубать... А то подумают казаки, що за девку башку снял... Вот и все. Да тогда черт ли! — развел руками Корней Иванович. — Брат с братом, отец с сыном. У нас больше половины станицы с Кочубеем да с Семеном Буденным ушли, а остальные к белякам подались. Мало ли что было в те времена. На царицынском плацу съехались тыщ пятнадцать казачков, с той и другой стороны, да так рубанулись, ховай боже! Одни за тех, другие за этих...

— Может быть, и сейчас найдутся? — спросил Савва.

— Не без того... Не каждого беса распознаешь, потому оберегаться надо.

— А этот Шур? Ему можно доверять? — в упор спросил Голенищев.

— А черт его знает, что у него на уме!

«...Дорогой Максимушка, — писала Глаша, — у нас сейчас все идет вверх тормашками. Мы еще только начали собираться в эвакуацию, а к нам в станицу грянули тысячи таких же беженцев. Едут дальше, на Туапсе, другие подаются в горы. Я, Тимошка, Катя с Саввой погоним скот, наверное, куда-нибудь на перевал, а там бог его знает, что с нами случится... Заканчиваю писать и сама не уверена, дойдет мое письмо или нет. С батькой у нас полный раздор. Он меня чурается, а в стансовете подал голос против... Мы уже слышим, как в горах или еще где не так уж далеко ухают пушки. Я заперлась в чуланчике, пишу и пишу, никак не могу оторваться... Столько тебе хочется сказать! До свидания, родненький мой, береги себя и нашего Горностаюшку. Крепко целую и не знаю, когда мы теперь встретимся и что с нами будет...»

Я лежу в полутемном блиндаже и раздумываю над Глашиным письмом. Читать письма из глубокого тыла, да еще от близкого и любимого человека, — это самая большая для фронтовика радость. Но эти письма меня не радуют. Во-первых, Кавказ стал не глубоким тылом, а настоящим фронтом; во-вторых, упоминание о Горностае вызывает у меня ужасное чувство угнетенности. Как мне написать правду Глаше и ее семье? Кроме того, у меня есть еще одна очень глубокая и мерзкая мыслишка, порожденная Глашиными письмами и откровенными намеками на ее друга Савву Голенищева. Это еще маленький в сердце паучок, который начинает царапать и потихоньку глотать мою душу... Я понимаю и сознаю, что это оскорбительная нелепость, но избавиться от нее не могу. Когда я начинаю думать об этом, сразу же теряю контроль над своими чувствами. Чем больше я думаю, тем шире и чудовищнее разрастается мое воображение. Мне мерещатся кавказский перевал, узкие горные тропки, широкие луга, куда, наверное, не долетит ни один снаряд, огромные стада скота, костры, шалашики. Глаша, а рядом с нею другой, любящий и более несчастный, чем я, мужчина... У Глаши доброе сердце, а все женщины любят покровительствовать несчастным... Злое, враждебное чувство вызывает глубокое омерзение к самому себе. Поймав себя на такой мысли, я вскакиваю, накидываю на плечи бурку, поднимаюсь по ступенькам и сталкиваюсь с Ольгой Павловой.

— Здравствуйте, товарищ старший лейтенант, — приветствует она меня своим тихим голосом.

— Доброе утро.

— Вы чем-то расстроены?

— Потому что не видел вас со вчерашнего дня... — Ее участливый вопрос раздражает меня и кажется совсем некстати, а моя шуточка выходит еще более неуместной и пренебрежительной. Я это чувствую и быстро меняю тон.

— Что у вас новенького?

— Ничего особенного... — Оля сует ручку за обшлаг своей новенькой, длинной не по росту шинели и достает какую-то бумажку.

Я бегло прочитываю аккуратные кругленькие буквы и

строчки рапорта с категорическим требованием устроить всему эскадрону баню. На уголке санкция и знакомая подпись полкового врача.

— Как вы думаете организовать это санитарное мероприятие?

— Как я думаю? — Она поднимает на меня пытливые голубые глаза и с настойчивой обоснованностью продолжает: — Мне кажется, что об этом обязана думать не только я.

— Разумеется! Но все должно проходить под вашим мудрым руководством.

— Само собой... Я непременно проверю чистое белье, а также и грязное и, если найду насекомых, напишу еще один рапорт, — сказала она напористо.

— Вы что же, намерены постоянно писать рапорты?

— Меня так учили...

— Наверное, все ваши учителя были бюрократами.

— Нет! Очень были хорошие преподаватели и ни одного грубияна.

— На кого это вы намекаете? Уж не на меня ли?

— О присутствующих не говорят... Но тем не менее подчиненные берут пример с начальства.

— Извините, если я вас обидел, — сказал я искренне.

— Вы меня не можете обидеть, — проговорила она чуть слышно.

На ее маленьком вздернутом носике, как живые, запрыгали милые детские веснушки. Мне показалось, что из глаз Оли сейчас брызнут слезы.

— Почему вас нельзя обидеть? — спросил я настойчиво...

— Потому... — Она не договорила и отвела глаза.

— А все-таки? — допытывался я.

— Это вовсе не относится к делу...

— Если кто вас обидит, обратитесь ко мне, только, пожалуйста, не рапортом, — проговорил я веселым голосом. С этой маленькой, беззащитной на вид девочкой было приятно разговаривать. Она держала себя не как подчиненный, а как человек, у которого на все есть своя точка зрения.

— Благодарю вас, — сказала она. — Разрешите еще один вопрос?

— Да, да, пожалуйста, Оля!

— Мне полагается личное оружие?

— Обязательно...

— Хотелось бы получить пистолет... Старшина выдал винтовку, а она очень тяжелая...

— Это трудное дело, товарищ Павлова. — Мне очень хотелось помочь ей, но я не знал, как это сделать. Пистолетов едва хватало для командного состава.

— А тот пистолет, который вам отдал Иван Никанорыч Потипко? — смущенно спросила она.

Я только пожал плечами и ничего не ответил. Мне показалось странным, что она о нем вспомнила.

— Вам он очень нужен?

— Я храню его как память.

— Я это понимаю, товарищ старший лейтенант... Вы знаете, он при мне умер... У меня на глазах... — с глубоким вздохом проговорила она и попросила разрешения удалиться.

Я кивнул ей и полез в карман за трубкой. Путаюсь в длинной шинели, она повернулась неловко и скрылась за блиндажом. Проводив ее глазами, я чиркнул спичку и зажег трубку, раздумывая, как и чем занять беспокойно и трудно начатый день.

Явился старшина. Мы отошли с ним в сторонку и прилегли на только что сваленный воз душистого сена. Я тут же распорядился насчет банного дня. Условились, что баню будем топить в деревне Шемилинке и мыть людей повзводно.

— Однако этот санинструктор такой настырный, — заговорил Семен.

— Чем? — спросил я.

— С утра встает и никому покоя не дает! — пропел Хугандуков. — Откудова только такую блоху взяли? Ровики давай, мыла давай, форму двадцать давай, сырой воды не давай... Как будто мы тут нарзан пить приехали...

— Правильно требует, — подтвердил я.

— Ах! Мах! Мы как будто без нее и не знали... Пошли утром умываться, в гимнастерках, конечно. Она, откуда ни возмись, и пищит: «Отставить! Рубашки долой!» — «Зачем?» — спрашивает сержант Баловнев. «Так надо, — говорит. — Это гигиенично... Оботрете кожу и дадите ей лишний грамм кислорода...» Видал, какую химию придумала!.. Мы, конечно, решили попробовать... Моемся, кислород набираем, как будто первый раз в жизни это

делаем... Глядим, она в наших рубахах копается... Нашла, конечно, темноватое белье и давай нас чистить... такие, сякие... Что с ней будем делать, товарищ старший лейтенант?

— Подчиняться всем ее требованиям. Потом вот что, Хугандуков, неужели ты не мог подобрать для нее подходящую шинель? Ходит она у нас, как бравый солдат Швейк... А сапоги?

— Как подберешь на такую божью коровку?

— Это ты, старшина, брось! Для полковой машинистки Валечки помощник командира полка по хозяйственной части капитан Федюков пошил командирскую форму, даже переделал хромовые сапожки. Сегодня же поезжайте в полковую мастерскую и все подгоните на нее, как полагается!

— Это мне ехать вместе с ней? — Хугандуков уставился на меня широко открытыми глазами, в которых застыло удивление.

— Тебе.

— Не могу, товарищ старший лейтенант, — решительно заявил Семен.

— Товарищ старшина, чтобы вы и впредь знали, никогда не отменяю своих приказаний, — ответил я еще решительней.

— Наверное, можно кого-нибудь другого послать? — спросил уже он более смягченным тоном.

— Не разрешаю. Почему должен ехать другой?

— Потому что подумают, Хугандуков милашку себе завел, и на весь полк кызык¹ будет...

— Все это вздор! Выполняйте, — закончил я строго и направился к коновязи.

Обойдя кучную группу толстых и старых берез, позолоченных утренним сентябрьским солнцем, я пошел по тропинке. За стройными рядами елок слышны были возбужденные голоса. В лесу пахло дымом костров и лошадьми. По краям тропки попадались высокие серые осины, начинавшие терять желтый скрюченный лист. Я вышел на узкую вырубку и остановился у знака с выжженными на столбе буквами: «Делянка № 6». Если бы не запах дыма и не выкрики солдат, сейчас все бы здесь

¹ Развлечение, веселье (тат.).

дышало мирной тишиной. Сосны и ели тянулись к небу, высокие, могучие, чем-то похожие на древних бородатых великанов.

Увидев меня, сержант Баловнев подал команду «Смирно» и отдал рапорт.

— Она, товарищ старший лейтенант, совсем сумасшедшая? — подходя ко мне после команды «Вольно», сказал Мулдасанов.

— Что случилось? — поглядывая на беспокоящуюся вокруг сосны Флейту, спросил я.

— Совсем близко не подпускает, — сказал Баловнев. — К ней даже страшно подходить.

Хорошо накормленная и отдохнувшая за ночь, Флейта набралась сил, никого не признавала и бесновалась хуже вчерашнего.

Но у нас уже был теперь некоторый опыт. Не обращая внимания на ее фокусы, мы оседлали ее тем же способом и основательно погоняли на корде. Сегодня я сел на Флейту первым. Эта умнейшая и хитрющая bestия приняла все тот же маневр и попыталась швырнуть меня на землю. Однако я опередил ее движение и дал несколько горячих плетей. Она, очевидно, поняла и быстро прекратила свои попытки.

В этот день мы садились с Калибеком по очереди и давали ей самые малые передышки. До вечера вымотали ее так, что она стала «просить плетки». Сумерками возвратившись в лагерь, я слез с седла, подавая поводья Калибеку, приказал не давать ей ни клочка сена и ни грамма овса. Это было жестоко, но я решил применить свой старый сибирский метод.

— А воды? — спросил Калибек.

— До утра ни капли.

— Может, мала-мала дадим? Жалко все-таки, — сказал Калибек.

— Нет, — твердо отрезал я.

На ночь мы Флейту не расседывали, а только отпустили подпруги.

Утром я разрешил дать ей полведра воды и немного сена и снова гонял до самого вечера. В этот день я ее почти не наказывал, а старался брать лаской. Если она начинала козлить, я чувствительно нажимал шпорами и переводил на нужный мне аллюр. Она покорно выполняла все мои требования и рысачила с неистощимым за-

пасом. Мне даже не верилось, что можно добиться успеха за такой короткий срок.

Двое суток я держал ее на голодном пайке, этим сбил излишне накопившийся жирок, а главное, разбойничью спесь.

На третий день я решил провести окончательное испытание.

Поднявшись раньше обычного, я насыпал полную торбу овса, подошел к ней и начал горстями пересыпать зерно у нее на виду. Она предупреждающе захрапела, беспокойно переступила своими красивыми тонкими ногами. Я остановился около сосны и продолжал дразнить ее овсом. Она, как голодная кошка, косила темные глаза на переполненную торбу, жадно раздувая розоватые ноздри, и вдруг протянула голову. Я охотно подставил ей торбу. Флейта рывком, воровски схватила губами небольшую жменю и тут же, отвернувшись, стала торопливо жевать.

Спустя минуту, она снова потянулась и, уже стараясь захватить побольше, глубоко сунула голову в брезентовый чехол. Не теряя времени, я быстро натянул ляжку на уши. Она попробовала сбросить ее, начала мотать башкой, но, чувствуя, что это бесполезное занятие, успокоилась, да и голод брал свое. Я смело подошел ближе, огладил грудь, шею и осторожно выбрал из челки остатки запутавшихся репьев. Моя ласка действовала на нее самым благотворным образом. Пока она ела, я тихонько расчесывал гриву, а когда кончился овес, снял с ушей ляжку и освободил голову. И тут произошло самое необычное... Флейта вдруг подняла голову и тихо-тихо, словно в знак благодарности, заржала, тычась теплыми губами прямо в лицо. Я еще раз обласкал ее и, отвязав цепь, повел на водопой.

Было теплое, немного туманное утро сентябрьского бабьего лета. Флейта весело и покорно шла в поводу по тропинке, устланной зеленым притоптанным мхом, высоко подняв голову. Иногда, вытягивая тонкую шею, срывала пожелтевший листик орешника, игриво отфыркиваясь, начинала жевать. Напив ее в чистом лесном родничке, я выбрал мягкую и чистую лужайку, снял командирское седло и, распустив повод во всю длину, дал ей вволю поваляться. Меня радовала ее неожиданная умная покорность.

Наша часть простояла на отдыхе больше двух месяцев. Дни проходили в непрерывной боевой учебе. Тренируя людей и коней, мы часто проводили ночные занятия и совершали большие длительные марши, имитируя встречные бои и преследование отступающего противника.

В дни Октябрьских праздников состоялись конно-спортивные состязания. На них я взял на Флейте первое место: сначала в дивизии, а потом в корпусе. На состязание приехали многие генералы из старых кадровых кавалеристов. Приехал и сам командарм, генерал-лейтенант Радалов. Перед этим они все побывали на наших корпусных занятиях и дали полкам и дивизиям высокую оценку.

После торжественной парадной проводки призовых коней я передал поводья Калибеку и велел сделать длительную проминку. Потрудилась Флейта сегодня на славу, принеся мне в качестве приза полную парадную казачью форму и золотые часы. До этого я все время носил форму пограничника и совсем не думал ее снимать. Но мне, забайкальскому казаку, все-таки лестно было получить такой приз. Еще приятнее было то, что первые два приза взял наш полк. Кушнарев на своем Мальчике взял второй, третий достался командиру разведдивизиона майору Федотову. Он первым меня поздравил и крепко пожал руку. Наблюдая за проминкой, мы стояли с ним рядом и тихо беседовали.

— Добрая кобылка! — сказал майор, когда Калибек провел мимо оседланную Флейту. — Ее бы спарить с моим Ураганом, вот это была бы гарная порода!

Следом за Флейтой провели его высокого вороного с белыми ногами англо-карабаира, с сильным отвислым задом, за ним шел высокий белогривый дончак Кушнарева.

— Я часом слышал, — продолжал Федотов, — в том бою под совхозом у вас конь погиб?

— Да.

— Жалко! Я знал его еще жеребенком... Это пластуновский конь из колхоза «Заря». И дочку Корнея Ивановича добре знаю.

— Вот как!

— Да мы же соседи! Соревновались до войны и в гостях не раз гуляли... Мой старший братан Микола —

однополчанин дяди Корнея: ту войну, да и гражданскую, они провели вместе. А дочка у него, Глафира, красивая дивчина...

Мы стояли вровень головами, лицом к лицу и изучающе меряли друг друга глазами. Он был немного выше меня ростом в светло-серой с черными газырями черкеске, в коричневой с голубым верхом кубанке. Форма на нем сидела аккуратно и ловко.

Я знал его с сорок первого года и не раз видел в бою вместе с другими прославленными разведчиками. Во время отдыха он часто появлялся в нашем полку и гостевал у подполковника. В свое время в разведдивизионе Федотов был заместителем Кушнарёва, а сейчас командовал всей разведкой дивизии. Мы знали, что с подполковником Кушнарёвым они были друзьями.

— Слушок у нас тут пробежал... — скупно улыбаясь, продолжал майор. — Приезжала сюда к вам дочка Пластунова и чуть на mine не подорвалась.

— Было такое дело...

— Вот так налетишь на беду... А шофер-то куда зырил своими очами? Ведь кругом минные указатели стоят.

— Значит, плохо ставили.

— Может быть, и так. У нас еще разгильдяев хватает, — согласился Федотов. — А ще идут такие байки, будто она тут успела замуж выйти? — неожиданно спросил он.

— Вас, майор, я вижу, это очень волнует.

— Не то чтобы очень... но все-таки землячка, да и девушка, кажись, была строгая.

— А разве строгие не влюбляются и замуж не выходят?

— Что верно то верно! Сейчас на каждом шагу влюбляются... Если это не шавкина свадьба, а всерьез, я против ничего не имею. У нас ведь зараз что получается: встретил женщину або дивчину, хоп за плечи, и пошла, поехала горячая походная любовь... А не думают о том, что после войны будет с их ребятишками...

Я вспомнил, что до сего времени не выслал Глаше аттестат, и покраснел. Каждый день собирался подъехать в штаб полка и все откладывал. Надо было немедленно это сделать, ведь всякое может случиться... А там, глядишь, родится сынишка, как у Сергея Орлова. От сознания того, что я скоро стану отцом, я пришел в умиление,

а вот про аттестат забыл. Подавив смущение, я спросил Федотова: можно ли высылать аттестат при незарегистрированном браке?

— Это твое право. Можешь высылать любой девушке и даже чужой столетней старухе, — ответил он хмуро.

— Вы, майор, что-то сегодня мрачно настроены? — спросил я.

— Хорошего мало...

— А именно?

— Из дома второй месяц нет писем. Станицу немцы заняли. Как тут не зажуриться?

Майор Федотов собрал в кулак кисти плетки на коротком черенке и, завидев подходившего к нам генерала, приложил руку к кубанке и пошел за поравнявшейся с ним белоногой лошадю, отдавая коноводу какое-то приказание.

Широкобровый, рябой, длинноносый генерал, не спуская с меня узких, прищуренных глаз, подошел совсем близко и остановился. Откозыряв ему, я замер по команде «Смирно».

— Ну, здравствуй! — проговорил он и, сняв перчатку, протянул мне тяжелую жилистую руку.

— Здравствуйте, товарищ генерал! — Я с недоумением пожал его руку. Он же не выпускал моей ладони, пристально и бесцеремонно разглядывая мое, наверное, дурацки удивленное лицо.

— Не узнаешь? — вдруг спросил он тихим, приглушенным баском.

— Никак нет...

— Ты, может быть, и Юзехватовскую заставу забыл?

— Нет, товарищ генерал, этого забыть нельзя!

— А укрепрайон помнишь?

— Так точно.

— Ну, а его начальника, подполковника Рубцова?

— Теперь вспомнил! Извините, мне в голову не пришло...

— Что я генерал? Я, голубчик, и сам удивляюсь этому... Ты вон тоже после старшины три кубика ухватил. Сейчас это не удивительно. Пойдем-ка, дорогой мой, поговорим немножко...

У нас было о чем поговорить и было что вспомнить. Я кратко рассказал ему о последних часах боя на Юзех-

ватовской заставе, об оставшихся в живых людях, о действиях партизанских отрядов.

— Значит, Кудеяров жив?— спросил он взволнованно.

— Да. Когда меня вывозили раненого на самолете, он был начальником штаба отряда.

— У меня сейчас мало времени, — поглядывая на часы, сказал Зиновий Владимирович. — Ты как-нибудь загляни ко мне в штаб армии. С твоим командованием я договарюсь и машину подошлю. Ты мне будешь нужен для одного ответственного задания.

— Я, товарищ генерал, из своего полка никуда уходить не буду.

— Молодец, что дорожишь своей частью. Но мы тебя переводить и не собираемся.

На другой день еще за час до подъема меня срочно вызвал командир полка.

Кушнарев встретил меня около штабного блиндажа. Он был в бурке, с плеткой в руках. Тут же стоял его подседланный Мальчик и, крутя головой, пытался вырвать у коновода длинный ременный чембур. Мы поздоровались. Я хотел было слезть с коня, но Кушнарев, махнув плеткой, сказал:

— Не надо. Сейчас поедем в штаб дивизии.

Он не спеша надел кожаные перчатки, поправил на шее башлык из тонкого малинового сукна, внимательно окинув пристальным взглядом мою Флейту, повернулся и быстро пошел к своему коню.

До выезда на поляну ехали узкой лесной тропой. Он, как положено, впереди, я на корпус, за хвостом его коня. Едем ровным, четким шагом и оба молчим. Зачем ему понадобилось в такую рань тащить меня в штаб дивизии? Он не говорит, а я не хочу спрашивать... Утро тихое и возбуждающе свежее. Лицо омывает смолистый воздух сосны и ели. Высокие деревья однотонны и неподвижны — этакое ленивое, спокойное, зеленое, колдовское царство.

Однако на душе у меня вовсе не спокойно. Странное это молчание и странная поездка.

— Поезжай рядом, — когда выехали на поляну, сказал Кушнарев.

Я легонько послал Флейту вперед и поравнялся с Мальчиком.

— Ты ничего не писал в штаб дивизии?

Неподвижно устремленный на меня взгляд подполковника был суров и пытлив.

— Никак нет, товарищ гвардии подполковник, — ответил я официальным тоном.

— Тогда я ничего не понимаю! — Кушнарев сурово нахмурился.

— Разрешите задать вопрос?

— Да оставь ты этот свой петушинный тон! — Кушнарев нервно натянул поводья. — Спрашивай сколько угодно. Но я сам ничего не знаю. Тебя и меня срочно вызывает генерал. Ну, меня — это не удивительно... но почему обоих вместе — это мне непонятно. Я подумал...

— Что вы подумали?

— Ну, подумал, если уж говорить откровенно, не натворил ли ты чего-нибудь после вчерашнего праздника... Нарочно раньше вызвал до подъема... Нет, смотрю: чист, как стеклышко. Потом вспомнил, как ты вчера с генералом разговаривал, ну и решил, что ты хочешь переменить службу... Уж очень ласково разговаривал с тобой генерал... Откуда ты его знаешь? — ревниво спросил Кушнарев.

Я совсем забыл о том, что Рубцов посулился дать мне какое-то ответственное задание. Сейчас вспомнил и в точности передал дословно весь наш разговор.

— Ну, вот видишь? — торжествующе заговорил Кушнарев. — Я, значит, правильно поймал кота за хвост. Теперь мне все ясно!

— Может быть, объясните?

— Не стоит. Приедем в штаб дивизии, генерал Вишняков все объяснит. А теперь давай-ка промнем наших лебедей покрепче!

Мы натянули поводья и пустили коней рысью. Спустя полчаса были в деревне Шилово, близ которой в лесу располагался штаб дивизии. Собственно говоря, от деревни осталось только название на военной карте да несколько обгорелых труб. Оставшиеся в живых колхозники разбрелись по ближайшим уцелевшим селам. Штаб див же разместился в землянках, а для командира дивизи-

зии саперы растащили массивный противотанковый лесной завал и построили из звонкого мачтового сосняка капитальный дом.

Подъехав к новенькому дому, мы спешили и, передав лошадей коноводам, вошли в недостроенные сени, где нас встретил адъютант комдива старший лейтенант Володя Соколов, которого я не только хорошо знал, но и был с ним в дружбе.

Поздоровавшись с нами, Соколов без всякого промедления провел нас к генералу.

Комдив только что позавтракал.

— Володя, прими у этих щеголей бурки, — здороваясь с Кушнаревым за руку, шутливо проговорил Вишняков.

Разгоряченные быстрой ездой и неприятной размолвкой, мы забыли «офицерский этикет» и ввалились в новую, необычную резиденцию генерала прямо в бурках...

Позванивая колесиками ярко начищенных серебряных шпор, Вишняков подошел к столу и пригласил нас сесть на длинную свежевystруганную скамью. И стол, и скамейки, и оконные наличники до того были чисты и гладки, что мне хотелось ощупать белые доски и погладить рукой... Мы осторожно присели. Генерал остался стоять. Он был очень высок ростом, с чисто выбритым удлиненным лицом. Ему тогда не было еще и сорока лет, а звание генерала он получил совсем недавно и, очевидно, как и все военные, с гордостью привыкал носить генеральскую форму. Сейчас он стоял у стола, покрытого большим листом чистой газетной бумаги, один край которой был оттопырен, и показывал кусочек ярко раскрашенной схемы... Я догадался, что перед нашим приездом генерал работал, а теперь прикрыл свои труды чистым листом.

— Капитан Бражников, — не глядя на меня, начал Вишняков.

— Извините, товарищ генерал, я не капитан, а старший лейтенант... — Я вскочил и взволнованно вытянулся, как восклицательный знак.

— Садитесь, капитан Бражников, и прошу все-таки не перебивать старших по званию...

— Виноват!

— Вот когда выясним, что ты виноват, тогда будем величать по-другому. А сейчас объясни нам с подпол-

ковником, за что тебя так горячо любит начальник артиллерии армии генерал Рубцов?

Вишняков обернулся ко мне. Я уловил на его лице скупую, немножко лукавую, но в общем-то очень приветливую улыбку.

— Он, товарищ генерал, в любви мне не объяснялся, — ответил я смело и вновь рассказал о нашем давнем знакомстве на границе.

— Ясно!

Вишняков открыл схему и скатал чистый лист в трубочку. Перед нами открылось большое, яркое раскрашенное полотно бумаги. Линия фронта противника была обозначена синей тушью, наша передовая линия — красной. Оборона противника проходила по реке Вазузе. В районе Н. линию фронта пересекала жирная зигзагообразная красная черта. Конец острой стрелки пронизывал деревушку Бобоеды...

— Но мне вот только одно неясно: почему именно тебя рекомендовал генерал для выполнения очень ответственной задачи? Он что-нибудь говорил об этом?

— Он мне ничего не сообщил, — ответил я.

— Ну, хорошо. Я кое-что сообщу, только под большим секретом, — сказал Вишняков и рассказал, что в недалеком будущем Западный фронт предпримет крупное наступление.

Дивизии приказано создать сильный разведывательный отряд в составе двух эскадронов, — продолжал генерал. — Этому отряду будет придано десять средних танков и два тяжелых КВ. Как, подполковник Кушнарев, можем мы поручить командовать этим отрядом сему молодому капитану?

— Смотря какая будет поставлена задача, — уклончиво ответил Кушнарев.

— Смысл ее мне пока неясен... Надо решить вопрос принципиально, — прохаживаясь из угла в угол, заметил Вишняков. — Отряд будет действовать в тылу у противника, в отрыве от главных сил. Прежде всего, разумеется, информация о противнике...

— В принципе у меня возражений нет, — проговорил Кушнарев. — Но если у меня намерены изъять из полка два эскадрона, то здесь я категорически возражаю, товарищ генерал.

— Этого можешь не бояться. Комплектовать отряд

будем из разведывательных подразделений всего корпуса. Значит, ты согласен? — спросил Вишняков у Кушнарёва.

— Да, — коротко ответил Кушнарёв. — Однако я думаю, что нужно спросить у самого Бражникова. Задача нешуточная... Я представляю себе...

— Ваше слово, товарищ капитан! — поглядывая на меня сбоку, спросил генерал Вишняков.

— Я выполню любой приказ командования. Благодарю за доверие, — взволнованно ответил я и встал.

— Хорошо, Бражников. Можешь ехать в штаб армии, там генерал Рубцов за тобой машину прислал, — сказал Вишняков.

Я быстро вышел и столкнулся с Володей Соколовым.

— Ну как? — загоразивая выход, спросил Соколов.

— Все в порядке, Володя. Меня где-то ждет здесь персональная машина!

— Есть такая. Я тебе покажу, где она стоит. Погоди немного... Во-первых, с тебя причитается за капитана...

— Не возражаю, — ответил я.

— То-то!

Соколов полез в карман, извлек две зелененькие шпалы и подбросил их на ладони.

— Вот они, голубушки! Себе готовил, а ты меня обскакал... Сейчас мы их оформим...

Володя шагнул ко мне, снял кубики, а шпалы прицепил. Потом взял меня за руку, завел в адъютантскую и налил по чарочке.

— Пахнуть будет, Володька, — запротестовал я.

— Ничего, пройдет... — невозмутимо ответил он и придвинул мне кружку.

Спорить с ним было бесполезно..

«Эмка» мягко катится по твердой полевой дороге и легко обходит идущие впереди машины и пароконные военные брички, временами покорно уступая дорогу спешащему на фронт транспортеру. В ветровое стекло резко свистит холодный осенний ветер. Но на душе у меня тепло, отраднo не потому, что я выпил чарочку разведенного спирта и закусил добрым куском сала и крепким армейским сухарем. Нет! Мне радостно оттого, что я,

новоиспеченный капитан, облечен большим доверием командования. Шутка сказать, двести сабель и двенадцать танков! Я уже начинаю себя чувствовать маленьким генералом, не зная еще, что буду делать с этими могучими и грозными машинами... Раз они будут в моем подчинении, значит, и дело для них найдется.

...В штабе армии генерал Рубцов принял меня без всякого промедления и усадил рядом с собою за массивный, устланный картами стол. Прежде всего меня поразило не обилие карт и телефонов, а сам генерал. Сейчас он никак не походил, даже отдаленно, на прежнего подполковника Рубцова. Не походил и на того добродушного генерала, с которым я недавно повстречался на конно-спортивных состязаниях. Здесь, у себя, он был совсем другим — суровым и сосредоточенным, с круглыми роговыми очками на большом неуклюжем носу. Генеральская форма висела на нем как-то мешковато, нескладно.

— Ты знаешь, зачем я тебя пригласил? — спросил он ворчливо.

— Примерно, товарищ генерал.

— Ну, расскажи, как ты себе представляешь эту задачу? — Генерал поднял кверху сросшиеся брови. — Если сможешь, то покороче.

Я изложил суть предстоящей операции, как я ее понял со слов командира дивизии. Сказал, что отряд должен накапливать данные о противнике и обеспечить продвижение главных сил корпуса.

— Данные о противнике, само собой разумеется, — прервал меня Рубцов. — Потому отряд и называется разведывательным. А остальное все ерунда. Прежде всего запомни следующее. Никто об этом ничего не должен знать. Поскольку ты отличный пограничник, ты умеешь хранить тайну. Может быть, мое предупреждение излишне, но это делу не помешает. Это во-первых. Во-вторых, я тебя рекомендовал командованию. Поскольку вы много лазили с Кудеяровым по тылам противника, тебе и карты в руки. В-третьих, ты получаешь двенадцать экипажей с танками, я за них отвечаю головой и за все последствия буду спрашивать именно с тебя. Подробную задачу по разведке получишь во втором отделе. Обеспечивать продвижение главных сил корпуса? Для этого у тебя слишком мало сил... Это сделают танковые бригады, которые пойдут вслед за разведотрядом и поведут

за собой конницу. Задача отряда совсем иная. Группа, которой придется тебе командовать, должна быть очень маневренной. Запомни, что один из наиболее убедительных и мощных факторов на войне — это разведка. Разведка, голубчик, и еще раз разведка!

Генерал встал, протер очки, взял карандаш.

— Пока, капитан Бражников, наш разговор мы будем считать не официальным, а только лишь информационным... Поэтому задачу проиграем на карте сугубо условно. Вначале вдвоем с тобой, а позднее, когда сформируется отряд и выявится командный состав, ты это все изучишь и сделаешь совместно с ними, то есть с танкистами и кавалеристами. Предварительные данные о расположении гарнизонов и аэродромов противника ты получишь здесь, у нас в разведотделе. Но, как нам известно, обстановка в тылу у противника меняется не только ежедневно, но и ежечасно. При разработке маршрута движения это надо непременно учитывать. Следовательно...

Генерал собрал на лбу морщины и взглянул на меня.

— Следовательно, отряд должен вести непрерывную, усиленную разведку, — быстро ответил я, как на экзамене.

— Совершенно правильно, — кивнул Рубцов. — В зависимости от обстановки кавалеристы на сильных, выносливых конях, группами в два-три человека, должны продвигаться веером, нащупывать противника и выявлять его боевую мощь и расположение тылов. Вступать в драку только по необходимости, когда уж нет другого выхода. Но так или иначе, схватиться вам придется, и не один раз... Прежде всего придется драться на рокадах. Смотри сюда. К Ржеву тянутся три большака: Ржевский, Жиздринский, Кашпоровский. Это основные линии, через которые питается вся группировка противника. Эти шоссейные магистрали усиленно охраняются. По обеим сторонам каждой рокады лес вырублен, и скрытно приблизиться к ним почти невозможно... Через каждые двести метров дзоты, вооруженные пулеметами и скорострельными пушками. Тут без боя и потерь не проскочишь... Тщательную разведку нужно провести с дальних подступов, ночью ползком, хорошо изучить местность и выбрать соответствующий участок, где можно прорваться с малыми потерями. Лучше всего осуществлять прорыв

на скрещении дорог, чтобы дать возможность танкам проскочить опасное место на высоких скоростях. Делать все надо умно и осторожно, тем более, что за вами обязательно пойдет противник и будет садиться на хвост... Ведь в конце концов немцы не дураки — вас, конечно, обнаружат и постараются во что бы то ни стало уничтожить. Все будет зависеть от вашего умелого маневрирования и боевого духа!

Взгляд Рубцова стал мягче, глубже и значительнее. Я чувствовал, что этот неуклюжий генерал объясняет задачу не по шаблону, а подходит к ней творчески и все время изучает меня. Я слушал его с большим вниманием, но чувствовал, что не представляю еще ясно главной цели. Мне казалось, что, помимо разведки, должно быть что-то еще другое... Воспользовавшись небольшой паузой, я высказал ему свое мнение.

— Погоди, не торопись наперед батьки в пекло... — ответил он добродушно. — Я уже сказал, что когда вы там порядком нашkodите, а противник вас обнаружит, у него тоже появится главная цель: быстрее разделаться с вами. Он, возможно, бросит на вас и пехоту, и танки, и обязательно авиацию — это его обычный и довольно грозный козырь. В районе совхоза «Нижние Рамешки», — указывая карандашом место на карте, продолжал Рубцов, — у него аэродром. Там базируются соединения бомбардировщиков и истребителей. Они бомбят наш передний край. Сейчас этим объектом занимается небольшая, но очень боевой партизанский отряд. Вы свяжетесь, а вернее, они вас где-то встретят. Уточните обстановку и совместно с партизанами нападете на этот аэродром и разгромите его, по возможности, основательно... К тому времени в этом районе высадится десантная бригада подполковника Лещинского. Часть сил противника, а точнее, последние, незначительные резервы, она отвлечет на себя. За партизанами тоже увяжется соответствующий хвост. После завершения операции на аэродроме вы должны сделать молниеносный бросок в район Бобоеды. Видишь красный кружок на карте?

— Так точно.

— Расстояние здесь не очень большое, — продолжал Рубцов, водя карандашом по карте. — Примерно около шестидесяти километров. К тому моменту туда уже продвинутся части Калининского фронта. Вот здесь-то вы и

соединитесь с ними. Срочно поделитесь со штабом армии разведсведениями. После этого ваша миссия будет закончена. Теперь понятна главная цель?

— Все ясно, товарищ генерал!

— Ну а, например, как будешь проходить последний большак, который очень строго охраняется?

— После детальной разведки выдвину на фланги танковые группы прикрытия, примерно по два танка, а основным ядром буду прорываться.

— Рассуждение в основном верное, но это только теоретически... Практически — это никуда не годится, — сердито возразил генерал. — После разгрома объекта разведку делать будет уже некогда. Обозленный противник насядет на вас и не даст ни минуты передышки. Место прорыва должно быть разведано и намечено еще до начала операции. Сделает это группа конников вместе с партизанскими проводниками. Они вас встретят и проведут куда надо. Удар по дзотам должен быть внезапным и сильным, а дальше там вам помогут части Калининского фронта. К тому времени они стронут противника с места и ликвидируют минные поля. Теперь, надеюсь, все ясно?

— Так точно, товарищ генерал.

— Хорошо! Но ведь задача-то, товарищ дорогой, очень тогó... тяжелая, заковыристая? — Зиновий Владимирович прищурил глаз и потянулся за папиросой.

— Я понимаю, товарищ генерал...

Но понимал ли я тогда в действительности всю сложность предстоящей операции, сейчас очень трудно судить. Теперь, спустя много лет, мне кажется, что мое «стратегическое» мышление в то время было весьма поверхностным и ограниченным...

— Если ты это понимаешь, значит, хорошо должен освоить задачу. Это самое главное. Поэтому смысл будущего похода разведотряда должен быть ясен каждому бойцу. Еще один вопрос. Достоверность разведывательных сведений... Я участвую в третьей и самой большой войне. В двадцать пять лет я уже командовал артиллерийским полком, а в тридцать пять — танковой бригадой, носил на бархатных петличках ромб... Но вот пришел такой момент, что пришлось ромбы снять и надеть две майорские шпалы... И все случилось потому, что подмахнул непроверенные разведсведения. Бывает! — Рубцов

сильно глотнул дым от папиросы и швырнул окурок в глубокую металлическую пепельницу. Не глядя на меня, продолжал: — По своему долголетнему опыту знаю, что некоторые разведчики лгут очень искренне... любят украсить мнимые победы и некоторые командиры... Учти, что я очень внимательно читаю боевые донесения и внушаю это даже самым подготовленным штабистам. Это мой девиз, и я смею предполагать, что он заслуживает глубокого уважения... Предупреждаю, капитан, что разведсведения не должны быть приблизительными...

...Спустя минут пять в подземелье вошел высокий совсем еще молодой полковник с двумя орденами Красного Знамени и академическим значком бронетанковых войск.

— Вы знаете, он меня совсем одолел! — быстро и энергично заговорил полковник.

— Кто — он? — спросил Рубцов.

— Военный корреспондент.

— К черту газетчиков! Сейчас боевых действий нет, подвигов тоже. А нам надо делом заниматься.

— Этим от него не отделаешься, Зиновий Владимирович. Он говорит, что имеет важное поручение.

— Какое!

— Непременно видеть вас лично.

— Зачем я ему понадобился?

— Не знаю, Зиновий Владимирович. Вы его все-таки примите. К тому же он поэт и часто печатается в нашей фронтовой газете.

— Поэт, говоришь? Известный? Как фамилия? — спросил Рубцов. Как и всякий смертный, Зиновий Владимирович любил иногда поговорить по душам с известными писателями и поэтами, не прочь был и хорошую статейку почитать о своей армии, да и о себе тоже. Грех не тяжкий.

— Фамилия его Чупров, зовут Юрий. Печатается довольно часто.

— Ну, коли ты настаиваешь, зови, только не надолго.

Рубцов достал из кармана массивные золотые часы с толстенной цепочкой, и пока засекал время, коренастый, широколицый, с острыми скулами старший лейтенант

замызганной, прострелянной шинели, в приплюснутой пилотке, захватски кинув к виску руку, лихо отрапортовал:

— Сотрудник фронтовой газеты старший лейтенант Чупров с вашего разрешения прибыл!

— Я вас слушаю. Попрошу как можно короче. А пока садитесь, — показывая на стул, проговорил Рубцов.

— У меня, товарищ генерал, имеются два вопроса...

— Готов выслушать ваши два вопроса.

— Мне известно, что намечается рейд по тылам противника. Я хочу получить разрешение участвовать в этой операции в качестве спецкорреспондента.

Рубцов поднял на старшего лейтенанта серые колючие глаза и не без ехидства спросил:

— Нельзя ли узнать, товарищ корреспондент, из каких источников вы получили такую информацию?

— Личные наблюдения, товарищ генерал...

— Это не ответ. Вы, может быть, расшифруете нам соответствующую дату. Вам, наверное, известны все военные тайны?

— Я, товарищ генерал, отлично понимаю вашу иронию и должен сказать следующее. Все высокопоставленные командующие, а вместе с ними и разведывательные управления задают противнику самые головоломные загадки, наивно предполагая, что смысл этих стратегических и тактических загадок могут знать только они, сами авторы, не думая о том, что через самые темные щели всегда проливается очень яркий свет и хорошо освещает топографические карты противника.

— Знаете что, приятель, бросьте заниматься софистикой, — улыбаясь, проговорил Рубцов.

— Мы-то всегда кое-что знаем о противнике, а почему, думаете, противник о нас ничего не может знать? Это, товарищ генерал, вечная логика войны!

— Послушайте, дорогой мой газетный стратег, перестаньте морочить мне голову, отвечайте прямо: откуда у вас сведения о рейде? Вы же понимаете, что это секрет? Где та щель, в которую вам удалось заглянуть?

— Никакой щели, товарищ генерал. Наблюдал в чистом поле на опушке леса... Лично присутствовал и не один раз на занятиях каваллерийского корпуса совместно с вашими танкистами, с предварительной задачей «Ввод танков и конницы в прорыв через боевые порядки

нашей пехоты». Занятия проводились с настоящими боевыми стрельбами, с великолепным ракетным фейерверком... Ведь не чай пить мы собираемся в тылу противника, а фрицев бить, — закончил Чупров в рифму и заставил генерала рассмеяться.

— Все знает и понимает! — добродушно заметил Зиновий Владимирович. — Ладно, старший лейтенант, будем считать, что ты победил. Если такое дело состоится, обещаю за тебя похлопотать. Теперь — второй вопрос.

— Для нашей газеты нужна статья...

— Ну и пиши себе на здоровье...

— Простите, товарищ генерал, нужна ваша статья.

— Ага! Моя, так-так... О чем прикажете... написать? Вы уже, очевидно, и темку наметили? — тихим, вкрадчивым голосом спросил Рубцов.

— Так точно! Военно-политический и стратегический обзор Гжатской операции, где главным образом участвовали танковые корпуса, — отчеканил Чупров.

— Военно-политический, стратегический, — скороговоркой повторил Рубцов. — Вот что, милый мой... Скажи мне: кто тебя за этим послал?

— Редактор, подполковник Протасевич.

— Ты поезжай и передай от своего имени, что он дурак, твой Протасевич.

— Есть передать от вашего имени подполковнику Протасевичу, что он дурак, — не растерялся старший лейтенант, быстро записывая себе в блокнот какие-то одному ему понятные иероглифы.

— А ты, оказывается, забавный! — прищутив один глаз, проговорил Зиновий Владимирович. — Я тебе сказал, мол, передай от своего имени, а ты уже успел передрнуть, а?

— У нас, товарищ генерал, своя тактика и стратегия, — хитро улыбнулся Чупров. — От моего имени эффекта не будет, а от вашего... у, это уже штука.

— Видал, какой изворотливый! — с усмешкой проговорил генерал. — Вот что, товарищ военком, если ваш редактор такой же, будем у вас учиться стратегии и тактике... А сейчас у меня на такие дела нет времени, извини, голубчик...

— Да мы сами все сделаем, а вы только... — робко начал Чупров.

— Что-что? А ну-ка, повтори!

— Может быть, вы расскажете...

— В соавторы, значит? Ай-ай-ай! До чего же я дожил! Может быть, ты пьян, приятель!

— Никак нет, товарищ генерал.

— И часто вы так делаете?

— Бывает, — смущенно ответил Чупров.

Неизвестно, чем бы закончился этот знаменательный визит военкора, который, кстати сказать, мне очень понравился своей исключительной находчивостью, несмотря на его растрепанный и сугубо некадровый вид... В кабинет вошел адъютант и доложил, что доставлен пленный немецкий полковник.

— Так вот, товарищ военкор, как видите, я очень занят, и разговор наш отложим до следующего раза.

Старший лейтенант Чупров поблагодарил генерала, но уходить, видимо, не собирався.

— Разрешите присутствовать при допросе пленного? Это будет очень интересный материал, товарищ генерал, для нашей газеты.

— Вы что, голубчик, порядка не знаете?

— Знаю, товарищ генерал, но мне хотелось бы получить сведения из первых источников, — сказал Чупров.

— Необходимый для вас материал получите у специального информатора. Если, разумеется, он найдет нужным ознакомить вас с протоколами допроса. Все, товарищ военкор, — твердо закончил генерал Рубцов.

31

В ноябре сорок второго года после мокрой, неудобной осени неожиданно пришла зима. Леса покрылись пушистым снегом, река Вазуза, которую нам предстояло форсировать, замерзла и затянулась местами ржавой наледью. Холодный пронзительный ветер сметал с берега вместе со снегом желтые скрюченные листья и зализывал коварные, предательские тепляки. К лесному складу хозяйства полка, расположившемуся прямо на просеке, брызгая мягким, смешанным с грязью снегом, подкатывали тяжелые фронтовые грузовики, полковые пароконные повозки, груженные доверху валенками, белыми полушубками, ватными брюками, новенькими патронными и снарядами ящиками. Самым отрадным для нас было

то, что в этой груди военного снаряжения лежали продолговатые, пахнувшие пиленым буком ящики с автоматами нового образца. Это были модернизированные ППШ, не с круглыми, как раньше, дисками, а продольными, тридцатидвухзарядными кассетами, очень легкими и удобными, с отличным прицельным боем. Старшина Хугандуков с робостью принимал этот драгоценный груз, бдительно проверяя каждый ящик и каждый тук с зимним обмундированием, яростно бранясь с кладовщиками. Вечером за ужином озабоченно жаловался:

— Мало, однако, дали новых автоматов. Сорок штук на полтора ста душ!

— За это спасибо надо сказать рабочим. Чудесное оружие нам делают!

— Это само собой. Командир четвертого, лейтенант Антропов, полсотни сумел выхватить, а мы...

— Что мы? — прервал я его.

— Да я ничего... Отличные, конечно, автоматы, что там толковать, но только вот не нравится мне командир четвертого, лейтенант Антропов, Биктяшеву он в подметки не годится! — раздраженно проговорил Хугандуков, поправляя горящий в консервной банке фитиль.

Мы сидим в жарко натопленной землянке. В печурке ярко пылают березовые поленья, на плитке тоненько поет закипающий чайник. Плиту притащил все тот же Калибек. Снял какую-то деталь с подбитого немецкого танка и вмазал в печку. Живем мы здесь с моим новым заместителем по политчасти, старшим лейтенантом Сергеем Бодровым. Он бывший комсомольский работник. На фронте с первых дней. Ушел добровольцем и только недавно, после второго ранения, возвратился из госпиталя. Сейчас он сидел на другом конце длинного стола и что-то записывал в тетрадь.

— Почему, старшина, вам не нравится лейтенант Антропов? — подняв голову, спросил Бодров.

— Хвальбушка и грубиян. Любит форсить: когда едет, лошади голову задирает, дергает поводья и нарочно хочет, чтобы конь высоко держал башку! Разве настоящий наездник так делает? Я бы ему взвод не дал, не только что эскадрон, — совсем уже дерзко заключил Хугандуков.

— Нельзя, товарищ старшина, обсуждать действия старшего командира, — назидательно проговорил Бод-

ров. — Я знаю, он хороший рубака, джигитует неплохо...

— Форс один, товарищ старший лейтенант! — горячился Семен. — Так, как он рубит, у нас каждый рядовой может. Одна его улыбка, когда он смотрит на командира полка или комиссара, течет по лицу, как мед, подходи и слизывай. Подхалимская улыбка!

— Вы всем так говорите или только нам с капитаном? — спросил замполит уже более строгим тоном.

— Не такой я, однако, дурак, товарищ гвардии старший лейтенант, — обидчиво продолжал Хугандуков. — Зачем всем говорить? Вам говорю, на партсобрании могу сказать, а в четыре глаза скажу прямо командиру полка: не верный он сделал выбор! Там есть лейтенант Матюшкин, сто раз лучше его!..

— Лучше кого? Командира полка, что ли! — улыбнулся Бодров.

— Лучше Антропова, говорю!

— Давай, Хугандуков, прекратим разговор, — вмешался я. Посмотрев на часы, добавил: — Гораздо лучше будет, если ты пойдешь сейчас и проверишь дневальных!

— Есть проверить дневальных! — резко вскакивая, произнес старшина.

— Мне очень не по душе такие рассуждения, — когда вышел Хугандуков, решительно проговорил Бодров. — Приказ есть приказ, и обсуждать его не положено. Какого ты мнения об Антропове? — спросил меня Сергей.

— Не люблю Антропова и считаю, что старшина прав, — признался я откровенно.

— Но почему? То, что он любит пофорсить, это грех не такой уж тяжкий. Мне кажется, он всегда собран, подтянут, да и эскадрон в хорошем состоянии.

Антропов прибыл к нам зимой сорок второго года. Летом встречался я с ним на учебных занятиях и на командирских собраниях. Вначале он был командиром первого взвода, а затем стал заместителем Биктяшева по строевой части. На командирских разборах, после учений, он всегда выскакивал первым, произносил горячие речи, бичевал недостатки в работе штаба и задавал много вопросов. Его часто одергивали, но он все равно не унимался и презрительно отзывался о штабистах. Сам же, как мне было известно, штабной службы не знал и совершенно не понимал ее. Его очень тяготили частые поверки с неожи-

данной боевой тревогой, которые устраивали помощники начальника штаба, и они назойливо, как ему казалось, придирались к неправильной седловке, к плохо вычищенным коням. Однако перед начальником штаба Шевчуком, человеком беспредельной работоспособности и крутого нрава, Антропов всегда вытягивался и лебезил. Как близкий друг Кондрата, я знал все его слабости. Шевчук боготворил лихих рубак, умилялся отличной строевой выправкой, отчаянно сдвинутой на чуб кубанкой и метким пистолетным выстрелом. За это он мог простить иногда любое, чуть прикрытое внешним лоском разгильдяйство. Игнорируя поверяющих, Антропов не мог не осознать того, что хорошим состоянием боевых подразделений, мы были им обязаны во многом. Часто лишая нас ночного покоя, они не давали ржаветь нашему боевому оружию и своим опытом помогали учить людей. Не менее Антропов был обязан Хафизу Биктяшеву и его заместителю по политической части Олегу Константиновичу Каняеву, который и рекомендовал Антропова в партию.

Все это я высказал моему новому заместителю и, кроме того, подробно и весьма положительно охарактеризовал других командиров.

— Многих я сам хорошо знаю, — задумчиво ответил Бодров. — В сорок первом воевал с ними. Очень плохо, капитан, когда приходится не доверять своему боевому товарищу.

— Ты об Антропове? — спросил я.

— Да, — ответил Бодров. — Ты же ему не доверяешь?

— Это не то слово, Сергей. У меня с Бодровым установилось очень хорошее взаимопонимание и с первых же дней мы перешли на простое товарищеское «ты». Его горячо мне рекомендовал Гриша Молостов.

— Как тебе объяснить? — продолжал я. — Сейчас командовать эскадронам гораздо труднее, чем это было в прошлом году. Прежде они были небольшие по составу, а после боев оставалась горсточка. Техники тоже кот наплакал... Теперь у нас своих шесть взводов. Чудо-техника! Полный комплекс. В бою будут приданы станковые пулеметы, противотанковые пушки, батальонные минометы, а возможно, и тяжелые. Этим войском, Сережа, надо уметь управлять! Я знаю, что Антропов будет искать личной славы, а это вызывает у меня очень тревожные

мысли... Убежден, что он нахватает орденов, но это будет нам дорого стоить...

— Ты высказывал свои мысли еще кому-либо?

— Говорил майору Шевчуку.

— Ну и что?

— Он заморожен удалью Антропова, а кроме того, надеется...

— На Каняева? — прервал меня Бодров.

— Вот именно!

Постучавшись в землянку, вошла Оля Павлова и, поздоровавшись, присела на чурбачок, служивший табуреткой.

— Слушаюсь вас, товарищ санинструктор, — сказал я полушутя.

— Раз вы меня слушаетесь, то сыграйте на баяне. Ой, как люблю баян, если бы вы знали! — проговорила она и легонько, по-детски, хлопнула в ладоши. Глаза ее мягко и ласково улыбались. Вдруг охваченная внезапным девичьим смущением, просительно взглянув на меня, тропливо добавила: — Извините... я, может быть, помешала вам своими глупостями? Очень извините, товарищ капитан...

— Ну что вы, Оля! Что-нибудь изобразим. — Я взглянул на крышку футляра и протянул руку за ремнем, хотя играть мне сейчас совсем не хотелось.

— Не нужно, я пошутила, — запротестовала Оля. — У меня к вам дело... — Посмотрев на Бодрова, она еще больше смутилась и отвела голубые бесхитростные глаза, как будто сказав этим: «Извините, я вас так мало знаю и доверять вам свои душевные разговоры не могу».

Сергей понял ее мысли, сдул с сигарки пепел, закрыл тетрадь, вставая из-за стола, проговорил:

— Пойду вместе со старшиной проверять дневальных.

— А чай пить кто будет? — спросил я.

— Я скоро вернусь. Будьте здоровы. — Бодров накинул на плечи новый белый полушубок и быстро вышел.

— Наверное, я совсем глупая, а? — когда ушел Сергей, с глубоким вздохом проговорила Оля, глядя куда-то в угол. — У меня какой-то серый туман в голове...

Мне тоже было как-то неловко, и я промолчал.

До появления в эскадроне Бодрова, стараясь заглу-

шить тоску о Глаше, я вечерами выносил из землянки баян и начинал играть.

Люди тянулись к музыке, как пчелки к меду. Сержант Баловнев приглашал бойцов и мощно заводил своим великолепным баритоном суровые и душевные военные песни. Звонко и чисто подтягивала и Оля — единственная девушка на полтора года молодых парней... Если выдавалась ненастная погода, я приглашал певцов в свою землянку и разучивал с ними новые, чудесные песни. Хорошо пели! Пели до тех пор, пока не входил в землянку дежурный и не поднимал руку. Это означало: отбой. Все быстро расходилось, а Оля Павлова каждый раз находила «важное дело» и задерживалась... Быстро решив какой-нибудь пустяковый вопрос, она перескакивала на своего музыкального конька и с ласковой детской настойчивостью выпрашивала сыграть хоть малюсенький кусочек из полонеза Огинского. Отказать ей в этом я не мог. Забывшись, я играл с увлечением. Оля, опустив руки на сжатые колени, молча вздыхала, потом резко вскакивала, горячо благодарила и убегала. Иногда порывисто говорила:

— Такую музыку я готова слушать тысячу лет...

Я ложился на кровать и кутался в бурку. Лежал я и думал о блуждающих звездах, превращая их в своем воображении в знакомые мне женские лица. Оля тоже походила на маленькую, еле мерцающую звездочку.

— Ну что же, Оля, давайте поговорим о вашем сером тумане, — произнес я.

— Мне очень трудно... — ответила она и посмотрела на меня застывшими, словно голубой лед, глазами. Взгляд был тоскливый, выжидающий.

— А разве я не предупреждал? — спросил я и поучительно повысил тон. Тут же почувствовал, что фальшиво у меня получилось.

— Что вы имеете в виду?

— Военную, медико-санитарную работу, которая совсем не для таких, как вы, девушек.

— Извините, товарищ капитан, вы говорите ерунду, — решительно отрезала она. — Вы ничего не понимаете!

— О чем же тогда идет речь?

— О том, что я сегодня чуть-чуть человека не застрелила, — упорно лоя мой взгляд, проговорила она.

— Каким образом?

— Очень просто... из пистолета, который вы мне дали...

— Кто же этот человек?

— Старший лейтенант Антропов. Встретил меня в лесу и начал говорить гадости...

— Он что-нибудь позволил себе?

— Если бы он что-нибудь позволил, так я бы ему прямо в глаза выпалила...

— А что он сделал, что сказал? — спрашивал я.

— Мне противно и стыдно об этом говорить... — Оля опустила голову.

— Рассказывай все! — жестко и властно сказал я.

— Он меня встретил и хотел взять под руку. Я не позволила. Он начал говорить всякие любезности... Я ему прямо сказала, что он напрасно старается. Он засмеялся и говорит, что, наверное, капитан Бражников успел переделать тебя в дамки. Потом еще произнес какую-то мерзость. После этого я достала пистолет, сделала шаг назад и взвела курок. Один раз выпалила вверх, а потом прицелилась ему в грудь. Он струсил и спрятался за дерево... Кричал, что я сошла с ума... А я все наводила на него пистолет и палец на спусковом крючке держала. Минут пять помучила, а потом отпустила. Вот и все!..

— Ох, мерзавец! — Я не утерпел и расхохотался, воображая, как он крутился за деревом.

— Смешного тут мало, товарищ Бражников, — печально проговорила она.

— Извини, Оля, — спохватился я. — Одобряю твой поступок, но с оружием все же баловаться нельзя, милая!

— А ему, советскому командиру, можно так говорить, а?

— Я подлецов не оправдываю.

— То-то и оно! — по-ребячьи кривя губы, ответила она. — Мы вот сейчас вдвоем в землянке. Политрук Бодров тоже подумает, что мы тут...

— Сергей так никогда не подумает. Нельзя, Оля, так обо всех думать...

— Я стараюсь... Но оно само как-то думается.

— Здесь же, мне кажется, вас никто не обидел?

— Пока нет... Подшучивают, конечно. Не без этого... А вообще-то вас побаиваются.

— Правильно боятся. Я вас обидеть никому не позволю, — убежденно проговорил я.

— Знаете что, товарищ капитан, пусть этот разговор останется между нами. И еще я попрошу вас, — взволнованно продолжала Оля, — буду очень просить, ничего не говорите Антропову и не заступайтесь за меня, пожалуйста! Я уж как-нибудь сама за себя заступлюсь! Если хотите знать, если хотите...

Оля не договорила, резко вскочила и выбежала из землянки.

После такой выходки я оторопело сел на матрац, набитый душистым сеном, и глубоко задумался. Оказывается, очень опасно думать о «возвышенном» и совсем нельзя превращать блуждающие звезды в женские лица. У человека должна быть одна путевая звездочка, единственная, как жизнь!

32

Разозленный, я ходил по землянке из угла в угол. Мне хотелось немедленно скакать к Антропову. Я представлял себе, как этот самодовольный, щеголевато-красивый недоносок, встретив в лесу Олю, сначала беззвучно смеялся, а потом с выпученными от страха глазами, прячась за дерево, отводил от дула пистолета остроносое лицо. Я вспомнил его издевательское хихиканье тогда на просеке, после отъезда Глаши. Как в ту минуту меня подмывало яростное желание обвить его сытенскую, розовую шею плеткой! В то время я сдержался, а сейчас... Я уже снял с гвоздя бурку, но тут в землянку вошел Калибек.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросил я.

— Ничего такого нет, товарищ капитан. Котелок надо взять, помыть маленько, — ответил он.

— Как там Флейта?

— Ничего Флейта. Маладес она! Куда я пойду, и она за мной, как собачка ходит. Вы далеко собрались?

— Это тебя не касается, — ответил я резко. В эту минуту у меня был очень хмурый и злой вид, но Калибек, как нарочно, не хотел замечать его.

— Кутерьма, товарищ начальник, получается, — сказал Калибек.

— Что за кутерьма?

— Коновод Мишка Сидоренко говорит, что он обязательно пустит на нашу Флейту жеребца, на котором

ездит помначштаба старший лейтенант Лизгунов. От таких замечательных коней, говорит, обязательно надо иметь жеребенков... Конечно, ихний жеребец Кулан хорошей породы. Я, конечно, как бывший инструктор конесовхоза, понимаю.

— Что ты понимаешь?

— Понимаю, что в военное время этого нельзя делать, но...

— Что «но»! — перебил я его суровым голосом. — Ты уж договаривай!

— Но Мишка грозитя, что сделает...

— Предупреждаю тебя, Мулдасанов, если что-нибудь случится с кобылкой, я жеребца кастрирую и вас с Мишкой тоже!..

В ответ Калибек ощерил белые крепкие зубы.

— Ты не смейся. — Злость моя начинала потихоньку гаснуть. — Не об этом сейчас надо думать.

— Нет, товарищ начальник, тут я не согласный, — упрямо возразил Калибек. — Я как раз об этом все время думаю. Кончится война, хорошие лошади тоже нужны будут.

— Ясное дело, как бывший инструктор конесовхоза, после войны ты будешь проводить опыты там у себя, в Талдыкурганской области, а сейчас за Флейту я с вами не знаю, что могу сделать. Запомни.

— Помню, — неохотно буркнул он.

С приходом Калибека я немного успокоился. Этот молодой, сильный казах не только был моим коноводом, но и надежным товарищем. Жестокая тяжесть войны как-то не коснулась его бесхитростной души, а, наоборот, укрепила и закалила ее. Он обладал завидной спокойной уверенностью. Особым, отличительным его качеством было то, что он почти совсем не пил вина, но фляжку с водкой или спиртом всегда носил с собой на ремне. Сейчас я заметил, что она у него топырится, под шинелью.

— У тебя здесь фляжка?

— Фляжка-то тут, только вина-то нету, — ответил он.

— Не дури, Калибек. У меня очень скверное настроение, — признался я.

— Мы это видим и понимаем... но вина все-таки не имеем... Последние сто граммов отдали нашей маленькой фельдшернице.

— Павловой?

— Так точно, ей...

— Почему именно ей?

— Так нужно было.

— Калибек! Немедленно отвечай, что у вас там произошло?

— Ничего такого, товарищ капитан. Она же тут была... Прибежала в свой медпункт и давай плакать. Мы с сержантом Баловневым принесли ей дрова, она вся дрожит, как мерзлая лошадка, плачет. Я налил ей из фляжки, она сначала не хотела, а мы заставили... Дрожит ведь человек, пропадает!.. Если уж так вам охота пить, я налью, мне не жалко. Немножко осталось... Семьдесят пять граммов, наверное, наберется.

— Нет уж, не нужно, — отрезал я. У меня исчезло всякое желание.

— Как хотите.

За дверью кто-то шумно отряхнул валенки. Вошел Бодров. Он был румяный, свежий и весело улыбался. Я дал Калибеку знак. Он понял меня, забрал котелки и ушел.

— Все в порядке, — потирая руки, сказал Сергей. — Может, чайку поьем, капитан?

— Что-то не хочется.

Я выколотил из трубки золу и снова набил мягким душистым табаком. Зажег и жадно затянулся.

— Здесь столько накурили, проветрить надо, — сказал Бодров.

Не спеша повесив полушубок, он приоткрыл дверь. Обернувшись ко мне, спросил: — Я вижу, что ты чем-то расстроен? Дымишь, как паровоз.

— Есть отчего, милый мой комиссар. — Я подробно рассказал о случае с Олей.

— Скверная история, — выслушав меня, задумчиво проговорил он, подняв на меня внимательные карие глаза, с усмешкой добавил: — А ты, наверное, приказал Калибеку седлать коня и собираешься мчаться на расправу?

— Приказа такого не отдавал, но ехать хотел.

— Ну и что же?

— Тебя ждал...

— Правильно. Вдвоем веселее!.. Едем вместе, — решительно заявил он.

— Ты это серьезно? — Мне непонятно было, шутит он или на самом деле хочет ехать.

— А почему бы и нет? — Сергей подтянул широкий ремень, поправил кобуру и взялся за рукава полушубка.

— Морду будем бить или же идейно перевоспитывать? — насмешливо спросил я.

— Будем действовать по обстановке.

— Ладно. Согласен. Но предварительно наметим план: я поработаю дрючком, а ты словами. Идет?

— Нет. Тут я несогласен. Ты полагаешь, что раз я комиссар, как ты меня изволишь называть... Между прочим, я не обижаюсь, и мне даже очень по душе это слово, рожденное революцией. Раз так называешь, значит, доверяешь и даешь мне особые, значительные полномочия. Но ты не думай, что твой комиссар никогда и никому не давал в ухо. Этому подлецу я бы с удовольствием вlepил, если бы был уверен, что из этого выйдет какой-нибудь толк. Я даже иногда думаю, если какому-нибудь прохиндею дать хорошего леща, он умоется и даже никому не скажет. Ты согласен?

— Пожалуй, — неопределенно ответил я.

— Наша Оленька Павлова действовала великолепно! Если бы все девушки поступали так, как она, я бы рыцарски влюблялся в каждую, а на той, которая смогла бы прострелить какому-нибудь негодяю ухо, я бы непременно женился! Оля — чудесная девушка, и совсем напрасно она в тебя втюрилась... Прошу прощения за такое вульгарное слово.

— Что это за чепуха, Сергей! — воскликнул я. — Мне даже и в голову это не приходило.

— А ей вот пришло, понимаешь? Когда такие вещи являются в душу, они не спрашивают адреса... А ты герой и красавец мужчина... По твоему приказу старшина Хугандуков создал ей такие расчудесные условия, что у нее все командиры взводов и сержанты по струночке ходят. Она отлично поняла, что это сделано твоей командирской волей, твоим непререкаемым авторитетом.

— Разве это плохо?

— Наоборот, это очень хорошо! Я бы сам так сделал. Не подумай, что я тебя упрекаю именно в этом... Я осуждаю тебя за другое...

— За что?

— За то, что ты изображаешь холодную недоступ-

ность, а по вечерам лирику разводишь, чувствительные песенки с ней поешь... Она приходит к тебе и сразу же: «Поиграйте на баянчике». Ты тотчас ремень на плечо и начинаешь изображать... Вот и доизображался, голубчик. Ведь гармонь наша русская такая штука, черт побери, что даже меня, политического сухаря, дрожь прошибает, когда ты разводишь на ладах какую-нибудь калину-малину. Она-то живой человек, женщина! Своей недоступностью ты еще больше придал ей смелости, заставил искать в твоей «бронне» щелочку, она нашла ее, заглянула, тут-то и пришел капут Оленьке Павловой!.. Пожар в сердце.

— А ты, я смотрю, мастер выдумывать! — насмешливо проговорил я.

— Тут и выдумывать нечего.

— Но я же женился два месяца тому назад, другую люблю, жену, которая ребенка ждет!

— Она знает об этом? — строго спросил Бодров.

— Не считал нужным докладывать...

— Напрасно.

— Да ты что, Сергей, на самом деле? — изумился я. — Почему я должен говорить о своих семейных делах каждому?..

— Разумеется, это верно... Семья — это святая святых. Но ты все-таки обязан был приглядеться к ней и вовремя предупредить, понимаешь?

— Ну, а теперь начнется политграмма!

— А хотя бы? — невозмутимо ответил он. — Случай с Антроповым и Олей Павловой — это длинная и сложная цепочка нашего отношения к жизни вообще и к женщине в частности.

Сергей помолчал, вскинул на меня зоркие, умные глаза.

— Ну, едем Мишке Антропову морду бить?

— Ну его к черту!

— Тогда, может быть, чаю попьем?

На этот раз не пришлось выпить ни чаю, ни чего другого. В углу надсадно и резко запел телефон. Дежурный без предупреждения широко распахнул дверь. В землянку хлынули тревожные звуки полковой трубы, выговаривая неизвестно кем и когда написанные слова боевого сигнала: «Казачи, казаки, седлайте коней».

...Спустя полчаса я вывел эскадрон на заранее обус-

ловленное место и доложил командиру полка о состоянии боевой готовности, а через три часа, построившись ромбом, полк уже двигался за грохотающими танками к темнеющему впереди лесу, освещаемому красными ракетами. Через наши головы со зловещим шепотом летели снаряды и гулко рвались где-то впереди танковой колонны. Яркий фейерверк ракет разных расцветок парно вспыхивал то справа, то слева. Это наша матушка-пехота, гордая царица военных полей, расхлестывая из пулеметов невидимого противника, указывала нам «ворота» и приглашала следовать дальше, через ее боевые порядки.

Разведотряд, которым я теперь командовал, широкой, с переходом на галоп рысью продвигался вслед за танками в «ворота» № 3, обусловленные двумя желтыми ракетами. Уступом справа, в снежном вихре, на дистанции двести-триста метров, маячили всадники Сергея Орлова, слева примерно на таком же расстоянии шел эскадрон Антропова. В центре ромба двигался штаб во главе с командиром полка. Колонну замыкал и прикрывал с тыла эскадрон Архипова. Пятый эскадрон, пеший, сформированный, согласно новому штатному расписанию, под командованием боевого испытанного капитана Максимова, донецкого шахтера, разместился на танках, густо облепив серыми фигурками стальные башни. Полковая батарея, противотанковая и минометная были приданы эскадронам.

В боевом отношении полк был хорошо подготовлен. Особое внимание было уделено подготовке сержантского состава.

Сейчас шло наше последнее перед сражением учебное занятие.

Настоящее сражение началось через несколько дней и совсем не так, как это предусматривалось на учебных занятиях. Оно не было похожим даже приблизительно. Прежде всего начало его сопровождалось ужасающей по своей силе артиллерийской подготовкой, от которой стонала и качалась земля. Деревья дрожали, как в лихорадке, ежесекундно сбрасывая с веток серебристые хлопья снега. Прижав уши, кони ложились на землю.

В воздухе стоял громоподобный гул. И все же от неслышанной доселе огневой мощи у нас радостно замирало сердце.

На участке прорыва фронта передний край обороны противника обрабатывался артиллерией в количестве тысячи двухсот стволов, в числе которых действовали установки гвардейских минометов — «катюш». Казалось, что передний край противника, расположенный по западному берегу Вазузы, горит и плавится в огненном вихре.

В наступление были двинуты части Западного и Калининского фронтов. Цель наступления — сковать на первом этапе группу фашистских армий «Центр» и лишить противника возможности переброски своих дивизий на юг — на Волгу и на Кавказ, где гитлеровские армии попали в тяжелое положение. На втором этапе части Советской Армии имели задачу ликвидировать Ржевский плацдарм, который колючей занозой торчал в стыке двух наших фронтов — Калининского и Западного.

...Первые залпы гвардейских минометов застали нас на марше. По заснеженным опушкам леса плыл серенький утренний рассвет. Наш полк, следовавший на марше передовым отрядом, по порядку номеров эскадронов, остановился, чтобы пропустить выходящую из леса танковую бригаду. Серые громады боевых машин, грузно подпрыгивая по мерзлой земле, покачивая хоботами орудий, шли краем леса и сворачивали на выложенный деревянный настил. Двигаться коннице по этой наспех сработанной трассе было мучением.

— Ну, теперь танкисты укатают нам дороженьку, — пошутил Бодров.

— Разворочают до основания, — заметил я. Мы уже знали, какая будет дорога после прохода танков.

Голоса наши заглушил очередной артиллерийский залп. За лесом серые ломкие тучи порозовели от сплошных разрывов. Казалось, что раскачавшаяся от грохота земля остановила свое движение и пылающее солнце взойдет сейчас не на востоке, а где-то на юго-западе. Над лесом все время вспыхивало зарево, местами похожее на зубчатые огненные башни. Оно то мгновенно гасло, выбрасывая черные клубы дыма, то, сверкая брызгами искр, вздымалось ввысь. Удивительно странным и грозным было это полыхающее зрелище!

Начавшийся день тускло осветил широкое снежное поле, где беспрерывным муравьиным потоком текли блесые маленькие фигурки людей с блестящими за спинами жалами штыков; колесики станковых пулеметов, уютно пристроенных на маленькие санки, казались детскими игрушками. Какой-то военный санитар волочил по снегу маленькую белую лодочку для вывозки раненых.

Напряжение и возбужденное состояние сделали мое зрение чувствительно обостренным и зорким. Грохот притупил мой слух, зато я все отчетливо видел и запоминал.

Наконец наша колонна двинулась и втянулась в лес. Как мы и предполагали, танковые гусеницы разворотили настил и смешали его с топкой болотной жижей. Выбирая твердое, надежное место, кони боязливо ступали ногами и часто проваливались меж торчащих бревен. Я отдал команду спешиться и вести лошадей в поводу. Дважды в голову колонны пробирался капитан Гриша Молостов, требовал усилить движение, но, видя разбитую трассу, только качал головой и разводил руками. Во второй раз на какой-то большой рыжей лошади с ним притащился корреспондент фронтовой газеты Юрий Чупров. Мне было совсем не до него, и я, видимо, очень сухо с ним поздоровался. Его рыжий одр все время спотыкался, падал, заваливаясь набок, в самую грязь. Приходилось отвлекать людей и вытаскивать эту ленивую, обалдевшую от грохота скотину.

— Зачем ты его привел? — отозвав Гришу в сторону, спросил я сердито.

— Ты думаешь, что его можно удержать?

— Ехал бы со штабом.

— Не хочет.

— Раз приехал к нам в полк, то обязан подчиняться командиру полка, — возразил я.

— У него особые полномочия, подписанные чуть ли не командующим. Попробуй-ка удержи его! Ты давай, капитан, форсируй движение. Подполковник Кушнарев сердится, а Шевчук рвет и мечет...

— Как же я буду «форсировать», когда вы мне еще одну обузу прислали?

— Ничего. Он потом о тебе геройские стихи напишет, — пошутил дядя Гриша.

— Мне сейчас не до стихов, Григорий Илларионович.

Я посылал разведчиков, дорога впереди еще хуже. Скоро уже кончится артподготовка, по приказу должна выдвигаться батарея ПВО, чтобы прикрыть переправу с воздуха, а она где-то застряла. Помоги, дядя Гриша, а то, если налетит авиация, из нас там на голом месте бифштекс сделают.

— Постараюсь. Ты только будь поспокойней и не мешкай, жми, жми!

— Буду жать, — пообещал я и подал команду садиться на коней. Сел на своего рыжего одра и Чупров. Я обратил внимание на его посадку. Он сидел в седле плотно и крепко и умело держал поводья. Покорно следуя за моей Флейтой, рыжий ступал уже смелей и почти не спотыкался. Флейта с поразительной чуткостью обходила опасные места.

— Где вы научились верхом ездить? — крикнул я поэту.

— Сначала в деревне, а потом служил кадровую в артдивизионе.

Оказалось, что он был не только наводчиком, но и командиром орудия. Это мне понравилось.

— Коняку такую откуда раздобыли? — спросил я.

— Ваш комдив, генерал Вишняков, подарил. Замечательный конь, зря вы его ругали. По хорошей дороге он очень резво ходит.

Теперь, внимательно присмотревшись, я и сам понял, что напрасно бранил этого рыжего великана. Возможно, он действительно ошалел от грохота. Да и поэт начинал мне нравиться все больше и больше. Сейчас он был серьезен и задумчив, а самое главное, как-то быстро приспособился и не надоедал расспросами. Только один раз спросил, далеко ли до переправы.

Я посмотрел по карте, ответил, что осталось километров пять очень отвратительной дороги. Миновав поле, колонна снова втянулась в лес. Однако здесь дорога оказалась немного лучше. Вскоре на обочине появились бойцы взвода связи под командованием лейтенанта Соболевского, молодого чернявого парня. Я остановил его и спросил, куда он спешит.

— Приказано от переправы на ту сторону протянуть связь, — ответил Соболевский.

— Как там батарея ПВО, подтягивается или нет?

— Стоят и лягушек в болоте ловят, — ответил лейте-

нант. — Застряли, — добавил он и послал своего серого тонконового конька вперед.

Выйдя на сносную дорогу, я прибавил аллюр и через час узнал от дозорных, что в районе переправы лес редкий и спуск к реке очень крутой и скользкий. Не доезжая до переправы метров двухсот, я приказал бойцам спешиться и дать коням передышку. Сам же взял с собой сержанта Баловнева и двух автоматчиков, чтобы на месте решить, как вести эскадрон дальше.

Артподготовка закончилась примерно час назад. Чувствовалось, что противник начинал приходить в себя и местами уже оказывал пехоте упорное сопротивление. В районе переправы разорвалась серия снарядов. Лавируя между кустами пахучего можжевельника, мы спустились к овражку, в котором лежал перевернутый набок Т-34, новенький, закамуфлированный серой краской. Тут же стояло несколько автомашин с прицепленными к ним дивизионными пушками. Моторы были заглушены, и люди, наверное, сидели где-то в укрытии. Вскрабкавшись на бруствер старого окопа, я увидел несколько убитых коней, забрызганных грязным снегом, среди них была серая тонконогая лошадь лейтенанта. Тут же лежали три трупа связистов, полузакиданных желтой суглинистой землей.

Соболевского я нашел в блиндаже, где он торопливо и неумело перевязывал раненого.

— Уже окрестили? — присаживаясь на корточки, спросил я Соболевского. — Как же вы, друзья, зевнули?

— Только подъехали, сразу же артналет, — взволнованно проговорил лейтенант.

— Зачем, дурак, на конях маячил? Почему не спешил?

— Да я думал, что после наших пушек тут не осталось ничего живого, — оправдывался Соболевский.

В это время немудрящий блиндажик качнуло оглушительным взрывом, с бревенчатого наката струйками посыпался сухой песок. Противник методично, с пятиминутными интервалами, начал обстреливать переправу. Лейтенант сообщил, что фашистская батарея бьет с той стороны, от полуразрушенной каменной церкви. Когда я поднимался на бруствер, эту церквушку заметил. Она возвышалась в трех километрах от переправы, на юго-западе.

— А чьи здесь пушки стоят? — спросил я Соболевского.

— Танковой бригады. Тут полон лес танков.

— Почему же молчат ихние пушки?

— Это надо у подполковника спросить, — окончив перевязку, ответил лейтенант Соболевский и глубоко вздохнул.

Подполковника Храмцова я нашел в яру, в глубокой, просторной пещере. Это был заместитель командира танковой бригады, основные силы которой были еще на подходе.

— Я сам проскочил сюда с артдивизионом на двух танках, чтобы обеспечить прикрытие, — рассказывал он мне. — Одна машина скатилась в овраг, другую подбили, и артиллеристов, сволочи, вывели из строя. Автомашина с пушкой в болоте застряла. Ребята вытаскивать пошли. Сейчас пытаюсь связаться по радию с комбригом. Если у тебя есть артиллеристы, можешь развернуть наши пушки и бить, я помогу. Снарядов достаточно. У церкви стоит одна или две батареи противника: я думаю, не более четырех пушек. Накрыть их надо, а то они всю вашу кавалерию раскидают...

Вдруг я вспомнил о поэте-артиллеристе и улыбнулся. А что, почему не использовать? Правда, сейчас здесь было очень опасно. Но впереди опасностей еще больше. Чувствовалось по обстановке, что ромбическим построением колонны здесь не проскочишь... Противник повел интенсивный огонь из глубины обороны, которую, как после выяснилось, разведка проверила недостаточно, а командование нашей армии не совсем правильно рассчитало бой в глубину и на дальних подступах. Усиливался обстрел и с флангов. Посоветовавшись с Храмцовым, я послал одного автоматчика с приказом рассредоточить коней по лесу мелкими группами, прислать мне Мулдасанова, тоже бывшего артиллериста, а с ним вместе десять крепких кавалеристов-пограничников, частично из отделения управления и первого взвода. Всю команду я просил возглавить старшего лейтенанта Чупрова, для которого обещал найти здесь хорошее дело... Мы вместе с Храмцовым, его адъютантом, сержантом Баловневым и бойцами взвода связи отцепили от машины дивизионную пушку и выкатили на позицию. Первые десять снарядов выпустил подполковник и, надо сказать, очень точно уго-

дил в церковные развалины. С прибытием Чупрова и Калибека установили еще две пушки.

— Командуйте, раз вы бывший артиллерист, — сказал я смутившемуся корреспонденту без всяких предисловий.

— Ясно, товарищ капитан, сейчас попробую... — Он сразу отлично понял, что рассуждать здесь некогда. В воздухе со зловещим шипением проносились снаряды противника и с треском взламывали на реке взбуренный лед, куски которого долетали до нас и сыпались на наши полушубки. Подполковник Храмцов объяснил артиллеристам, какой нужно вести огонь, и помог установить прицел. У второго орудия встал Калибек, у третьего — Чупров, у первого стояли Баловнев и высокий, хмурый, в ребристом танковом шлеме адъютант подполковника, оказавшийся старшиной, по фамилии Мазепа. Сержант Баловнев легонько брал снаряды из рук подносчика и с опаской вкладывал в магазинную часть.

— А ты не бойся! Смелее, кавалерия... — добродушно проговорил Мазепа и, взяв из рук сержанта снаряд, ловко вкатил его в ствол и лихо защелкнул замок. Стрелял он с поразительной точностью.

Неплохо получалось и у Чупрова. Я у него был заряжающим. В белом длинном полушубке, с трофейным пистолетом на боку, он с предельной точностью выполнял команду подполковника и после каждого выстрела произносил одну и ту же фразу:

— Есть! Вот что такое электричество!

— Почему вы все время упоминали электричество? — спросил я его позже.

— Со временем вся артиллерия перейдет на электричество. Примером тому — «катюши», — ответил он и довольно умно и толково объяснил мне недалекое будущее нашей артиллерии.

Как действовал Калибек, я не видел, только слышал за кустами его своеобразную команду, которую он произносил властным и зычным голосом:

— По первому основной! Бусол нумир! Укломер нумир!

В последствии я эту «команду» под веселую руку повторял при каждом удобном случае, в точности копируя голос и произношение Калибека. Солдаты и офицеры валились от смеха с ног. Мулдасанов, ощеривая белые

зубы, самодовольно улыбался. Оставаясь со мной наедине, с сожалением говорил:

— Если бы я с начала войны знал русский язык, как теперь, давно был бы старший лейтенант али, как вы, капитан. Кто вывел из окружения сорок бойцов? Я, Калибек Мулдасанов... А два языка кто поймал и при-тащил?

Сейчас он командовал орудием с особой страстностью и метко посылал снаряд за снарядом. Наша наспех сколоченная батарея очень быстро уничтожила пушки противника.

Вскоре сюда прибыли командир полка и начальник штаба. Бодров вывел эскадрон на исходное положение. Первым прискакал майор Шевчук и яростно набросился на меня за медленное продвижение.

— Как ты вел эскадрон? Двигался, как мокрый таракан, как будто забыл, что мы уже три часа тому назад должны быть на той стороне? Ты что, не знаешь, что такое приказ? Испугался каких-то говенных фрицевских пушек!.. Почему молчишь? Как ты мог допустить, чтобы побили наших связистов?

Это было уже слишком. Но я молча посасывал трубку, давая Шевчуку перебеситься. Уж кто-кто, а я его характер знал великолепно. Я всегда спокойно давал ему возможность высказаться до конца... После того как постепенно у него истекал запас крепких слов, не пытаясь оправдаться, я тут же сам переходил в наступление на свой штаб, наперед зная все его скрытые и явные слабости.

— Разрешите, товарищ майор? — невозмутимо спрашивал я.

— Короче можешь?

— Так точно! У вас в штабе большие потери? — вещал я самым невинным голосом.

— Какие потери? Нема ни яких потерь, откуда ты взял?

— А мне донесли, что у вас погибли все помощники...

— Какой дурень таку панику распускает? Да я его, подлеца, расстреляю! Пока ни у кого ни одной царапины! Вот же собачий сын! Кто набрехал?

— Да я уже забыл... Но, признаюсь, поверил. Потому что на марше, кроме партийного секретаря в головной колонне, ни один ваш помощник не был. Я уж греш-

ным делом подумал, что весь штаб тью-тью, вместе с батареей ПВО, которая должна была по приказу выдвинуться сюда и прикрыть с воздуха и с земли... Сдается мне, что комендантом на переправе должен быть комбат Данилин, но я его что-то тут не заметил...

— Да, мои помощники как раз эту проклятую батарею из болота тягают! Ясно тебе?

Кондрат, чуя подвох, начинал остывать и спросил у меня трубочку табачку. Я совал ему щелотку, но ехидничать не прекращал.

— А почему ваш начальник связи послал сюда своих мальчиков, которые сгоряча схватили пачку снарядов, почему он, опытный командир, товарищ Коровкин, сам не прибыл? Может быть, у него катушки перепутались? Зачем он позволил своим хлопчикам на конях гарцевать, вместо того чтобы пешим тянуть линию? С какой стати, дорогой товарищ майор, за товарища Коровкина должен нести ответственность командир первого эскадрона?

— Правильно, товарищ капитан! — крикнул старший лейтенант Чупров. Оказывается, он стоял рядом и слышал нашу словесную перепалку и, мало того, быстро что-то записывал в блокнот.

— Извините... — обернулся к нему Шевчук. — Вы что-то записываете.

— Такая уж моя обязанность, товарищ майор...

— А разговор наш тоже записали? — Кондрат бурно засопел носом и придавил папаху до самых всклокоченных бровей.

— Записал слово в слово.

— Так и напечатаете в газете?

— Так и напечатая.

— Я думаю, що такого не пропустят, — раздельно проговорил Шевчук и с сомнением покачал своей круглой папахой.

— Это уж моя забота, товарищ майор. Я постараюсь быть объективным, подперчу свой материалчик забавными фактиками вперемежку с героикой, и получится чувствительный залп. Вы бы посмотрели, какая здесь была артиллерийская дуэль! Наверное, не стали бы напрасно бранить капитана.

— А разве вам положено вступать в действия старшего командира? — стараясь быть вежливым, спросил Шевчук.

— Нет, нам положено высказывать свое собственное мнение, — закусывая нижнюю губу, ответил Чупров. Меня поразило его спокойное, словно окаменевшее лицо, только серые, широко открытые, выразительные глаза в упор смотрели на майора и посылали откровенный вызов.

— Я также постараюсь отметить, что сегодняшней бой совсем не похож на учебный, свидетелем которого я недавно был, — добавил он.

— Там мы действуем, как холодные ковали, а зараз работенка идет на настоящем горячем угольке... Не в тот вы станочек попали, товарищ старший лейтенант! Сказал бы я вам, що такое интервью, да не хочу...

Мне стало ясно, что мой новый друг человек тоже с твердым характером и намерен ответить майору не менее крепким словцом. Я быстро вклинился в их разговор и доложил Шевчуку, что у нас здесь произошло и какое в этом принимал участие наш корреспондент.

— И он тоже палил из пушки? — удивленно спросил Шевчук, нацеливаясь в грудь старшего лейтенанта чубуком трубки.

— Отлично стрелял, — заметил подошедший подполковник Храмцов, бесцеремонно здороваясь и представляясь Шевчуку.

— Тогда извиняюсь и молчу, — проговорил Кондрат. — Вам, товарищ подполковник, тоже спасибо за помощь!

— Сочтемся в другом месте, — ответил Храмцов.

На тропке в белом, коротком от высокой фигуры полушубке показался командир полка. Рядом с ним шли комбат Ченцов и Гриша Молостов, позади них — несколько человек автоматчиков.

Мы с Шевчуком пошли им навстречу.

— Ты готов к движению? — выслушав доклад начальника штаба, спросил меня Кушнарев.

Я ответил, что эскадрон с легкими вьюками сможет немедленно переправиться, но ждет пулеметных тачанок и приданных полковых пушек.

— Батарея сейчас подтянется, — вставил Ченцов и весело мне подмигнул: не беспокойся, мол, все будет в порядке...

— Потом хотелось бы знать, какая впереди обстановка? — спросил я нерешительно. Мне показалось, что

командир полка сильно чем-то озабочен. Соваться в неизвестность я не хотел. На той стороне все сильнее разрастался бой и, казалось, не удалялся, как обычно после сильной артподготовки, а, наоборот, приближался к реке... Может быть, мне это только чудилось?

— Я сейчас был у командира дивизии, — ответил командир полка. — Обстановка пока неважная. Ясно одно, что противник неожиданно оправился и упорно сопротивляется. Бой ведут наши стрелковые части и танки. Пехота продвинулась километра на четыре, понесла потери и залегла. Все вышло не так, как предполагалось, — в раздумье говорил подполковник.

Далее выяснилась неутешительная картина. Кавалерийский корпус вынужден был начать атаку при поддержке танков, всеми своими средствами. Две кавдивизии уже спешили и начали наступать на Подберезовку, Большое и Малое Кротово. Оборона противника оказалась очень глубокой и сильно укрепленной.

— Капитан Бражников, давай команду «По коням» и начинай переправу мелкими группами и как можно быстрее. Сосредоточиться в долине, в районе отметки 145. С тобой вместе пойдет саперный взвод и подготовит штабу командный пункт. Все, товарищи. Желаю удачи.

...Я решил еще раз осмотреть спуск к реке, а затем уже вести людей. За мной неотступно следовал с автоматчиками сержант Баловнев, не отставал и старший лейтенант Чупров. Я попробовал уговорить его остаться со штабом, но он только махнул рукой и раздраженно сказал:

— Бросьте, капитан, монету, и если будет решка, я вернусь.

Разумеется, никакой монеты я кидать не стал и уговаривать тоже. Теперь мне с ним было даже как-то спокойнее. Под крутым спуском виднелся голубоватый ледок, чисто протертый шинелями пехотинцев. Видно, стрелки здесь скатывались, как ребятишки с горки.

— Если моя рыжая коняка шмякнется, вот будет дров! — пошутил Чупров.

— Придется вести в поводу, — сказал я и послал Баловнева с приказанием подтянуть отделение управления и первый взвод. Сам же, чтобы не маячить на пригорке, отвел Чупрова с оставшимися автоматчиками в кусты и

начал наблюдать за противоположным берегом. Орудийный гул стал редким, но более методичным, зато во всю мощь работали многочисленные пулеметы. Временами, будоража мерзлую землю, погрохатывали «катюши». На лед с той стороны начали мешкотно спускаться первые ходячие раненые. Они брели как-то боком, прикрывая рукавицами стывшие на морозном ветру, почерневшие щеки. Взяв под уздцы приведенную Калибеком Флейту, я осторожно свел ее по откосу на порушенный снарядами лед. Спуск был относительно нетрудным. Все кони недавно были посажены на новые, с острыми шипами подковы. Благополучно свел своего рыжего великана и Юрий Чупров. Я вскочил в седло. Моему примеру последовали и остальные. Лед оказался достаточно крепким. Я подавал команду усилить аллюр, перевел Флейту на рысь и уже галопом легко выскочил на противоположный берег. Впереди было чистое поле без единого деревца, тянувшееся километров восемь до самой линии железной дороги. Сразу же от берега начиналась знаменитая Хлепенская лощина и упиралась на северо-западе в Большое Кротово. Продвинувшись до высоты 145, просигналил клинком команду «Слезай» и вызвал через связных командиров взводов.

Впереди нас вся долина была забита обозами каких-то частей. В немыслимом беспорядке сгрудились автомашины, пароконные брички и сани, санитарные повозки, тут же стояли зачехленные тяжелые пушки и машины гвардейских минометов, затянутые серым камуфлированным брезентом. Подразделения нашего полка быстро переходили реку и тоже накапливались в этой злосчастной лощине.

— Поганое, однако, тут место, — окидывая опытным взглядом все это разношерстное войско, проговорил Хугандуков и с опаской посмотрел на небо.

— Надо что-то предпринять, капитан, — потуже затягивая на полушубке широкий ремень, сказал Бодров. — Налетит авиация и так причешет!

Без слов было понятно, что для нас складывалась очень невыгодная во всех отношениях обстановка. Долго оставаться здесь было нельзя. По склонам долины то

справа, то слева рвались снаряды и тяжелые мины противника, шмелями подзинькивали шальные пули. Я готов был вступить в какой угодно бой, только бы не стоять на этом опасном месте. В эскадроне появились первые убитые и раненые. Приказав командирам взводов развести коней на малые группы и начать рыть щели, я решил основательно выяснить у кого-нибудь, что делается впереди нас и далеко ли противник. Раненые, пробиравшиеся с переднего края, ничего путного сказать не могли, отмахивались и яростно материли какое-то бестолковое начальство.

...Самолеты появились неожиданно и начали пикировать в пятистах метрах южнее нашей долины. Услышав характерный вой пикирующих бомбардировщиков, я невольно присел в какую-то водомоину, то же сделали сопровождавшие меня бойцы. Вдруг невиданным ураганным огнем ожесточенно польхнули зенитки. Серое облачное небо заполнилось багровыми хлопками разрывов. Самолеты, распуская черные хвосты дыма, один за другим врезались в землю. Уцелевшие начинали круто разворачиваться, но, вспоротые нашими зенитными снарядами, кренились и летели с отвалившимися крыльями вниз.

— Вот это да! — восхищенно проговорил пограничник ефрейтор Муравьев, тихий, спокойный детина в добрую сажень ростом. Такого удачного и плотного заградительного огня я и сам никогда не видел. Противник буквально на наших глазах потерял четырнадцать самолетов. Бомбовой груз был беспорядочно сброшен в стороне от скопления наших войск. Самым отрядным оказалось то, что зенитчики двигались не в боевых порядках стрелковых частей, а в механизированных вместе с танками. В этот день смелые и удачные действия зенитчиков довершили наши истребители и штурмовики, оснащенные новым вооружением.

Переждав бомбежку, мы поднялись из нашего укрытия и, обойдя убитую, с разинутой пастью, с неснятым артиллерийским хомутом черную лошадь, прошли дальше. Из щелей то тут, то там начали выглядывать бойцы в касках, в измазанных глиной полушубках и шинелях. На мой вопрос, где старший командир, они отвечали не очень охотно, с сомнением поглядывая на мои серебряные шпоры:

— Может, здесь где-то, а может, впереди...

Пройдя метров пятьдесят, я неожиданно столкнулся с офицером связи штаба дивизии капитаном Борисенко.

— Слушай, друг, где ваш командир полка? — поравнявшись со мной, спросил он. — Я его целый час ищу. Переправился полк? Почему задерживается движение? Не знаешь, где расположился артдивизион?

Едва успевая отвечать на его быстрые вопросы, я объяснил положение и сообщил, что полк подтянулся и начал переправу.

— Вот обстановочка, матери вашей черт! — выругался Борисенко.

— А ты, собственно, кого лаешь? — спросил я.

— Дураков! Я думаю, что ты к этой категории не относишься и не примешь на свой счет. Слушай, друг! Иди сейчас же на командный пункт командира дивизии. Это недалеко. Я скажу, как пройти.

— Зачем я пойду к командиру дивизии?

— Обстановку узнаешь, чудак! Ваш полк сейчас будут вводить в прорыв, а ты командир первого эскадрона, понял?

— Я приказы получаю непосредственно от командира полка или начальника штаба, — возразил я.

— Повторяю тебе: не теряй зря времени. Генерал тут рядом. Там и начальник штаба. Я пойду разыскивать Кушнарёва.

Борисенко объяснил мне, как разыскать генерала Вишнякова, и побежал к реке.

Немного поразмыслив, я послал одного из сопровождающих меня бойцов к Бодрову с приказом готовиться к дальнейшему продвижению.

Командный пункт штаба дивизии находился в ста метрах, в громадной воронке от разрыва авиационной бомбы. Глубина ямы оказалась метров пять, ширина — десять-пятнадцать. Воронка была старая, очевидно, прошлогодняя. Бомба упала на верхнем, южном склоне небольшой высоты. Вешняя вода отвесно пробилась себе путь к маленькому овражку, размыв щель высотой в человеческий рост. По этому овражку легко и безопасно было добираться до командного пункта и не демаскировать его.

Комдив, возвышаясь на земляном, прорытом саперами выступе и высунувшись по грудь, наблюдал за полем

боя. Рядом с ним стоял начальник штаба полковник Жмоллов, человек большого военного опыта и особого, удивительного на войне, такта, с каким он умел обращаться с подчиненными ему людьми. Я никогда не слышал, чтобы он говорил с командирами и рядовыми раздраженным, повышенным тоном. Это был высокообразованный и культурный человек. В отличие от других, одет он был в темно-серую кавалерийскую, довоенного образца бекешу с такой же темно-серой опушкой. Между генералом и начальником штаба стоял в синей венгерке командир одного из наших полков, подполковник Кривошапка, боевой тридцатидвухлетний кадровик, строгий, требовательный и предельно собранный. Видимо, у него только что был очень неприятный разговор с командиром дивизии. Пряча подбородок в обмотанный на шее серый башлык, Кривошапка все время сутулился, теряя присущую ему гордую осанку.

Скатившись на дно воронки, я тихонько представился начальнику оперативного отдела штаба дивизии подполковнику Нестерову. Он сидел на корточках у неяркого костра и поджаривал на проволоке кусочек консервированной колбасы. Жирок кипел, пузырился на солидном ломте и, капая, с треском вспыхивал на углях. Пахло очень аппетитно, и мне тоже захотелось есть, но никаких запасов со мной не было. Словно угадав мое желание, Нестеров спросил:

— Ты завтракал?

— Да, — неизвестно почему солгал я.

— Оно и видно, потому и запоздали с Кушнаревым на марше, — отрезав кусок колбасы, он один вкусно отправил в рот, а другой протянул мне: — Ешь и не оправдывайся.

Я поблагодарил. Пережевывая горячее мясо, прислушиваясь к разговору генерала Вишнякова и подполковника Кривошапки.

— Если ты через час не возьмешь Подберезовку, — жестко говорил генерал, — я тебя отстраню от должности.

— Не возражаю, товарищ генерал, — пожимая широкими плечами, отвечал подполковник. — Я бы ее давно уже взял, если бы было чем брать...

— Я тебе дал полтора полка конников, два батальона пехоты, — продолжал генерал Вишняков.

— От этих батальонов остались рожки да ножки...

Если я еще раз сунусь, потеряю все, а Подберезовки не займу, — упрямо твердил Кривошапка.

— Должны вести дивизию в тыл противника, — сказал Жмоллов и веско добавил: — Вы это тоже хорошо знаете. Приказ есть приказ.

— В тыл проскочить можно, и даже всей дивизией, — уверенным и решительным голосом сказал подполковник.

— Каким образом? — прервал его генерал.

— Между Подберезовкой и Малым Кротовом есть небольшая щель, примерно метров пятьсот, совершенно голое место.

— Ты уверен? — спросил генерал.

— Да. Прошла же наша вторая дивизия со всей материальной частью.

— Но это было утром! — возразил комдив.

— Ничего, товарищ генерал, не изменилось. Я сейчас оттуда. Будет, конечно фланговый обстрел, но без этого теперь не обойдешься.

— Чего же ты молчал? — упрекнул Кривошапку Вишняков.

— Я думал, что вы знаете.

— Знал, разумеется, но обстановка-то меняется... Начальник штаба, — обращаясь к полковнику Жмоллову, продолжал Вишняков, — свяжитесь быстренько с Кушнаревым и вызывайте его сюда.

— Офицер связи послан, — ответил Жмоллов.

— Полк подтягивается, и Кушнарев сейчас должен прибыть, — вытирая о полушубок сальные руки, сказал подполковник Нестеров. — Здесь, товарищ генерал, есть командир первого эскадрона.

Комдив обернулся и поймал меня глазами. Я вскочил с куском жареной колбасы в левой руке, правой козырнул и сбивчиво начал докладывать.

— Собственно, вы-то каким образом тут очутились? — спросил генерал.

Я объяснил, пытаюсь упрятать в рукав несчастную колбасину.

— Ладно. Всегда приходите на мой командный пункт завтракать, — прервал меня Вишняков и отвернулся.

— Благодарю вас, — нелепо ответил я, заставив улыбнуться не только всех присутствующих командиров, но и самого генерала.

В это время в овражке послышались голоса. Я повер-

нул голову. В яму прыгнул капитан Борисенко, и следом за ним спустились Кушнарев и еще какая-то грузная фигура в желтом полушубке и темно-серой шапке-ушанке. Желтый полушубок сопровождали двое здоровенных танкистов в ребристых шлемах, с почерневшими от мазута пистолетными кобурами.

— А вы тут гоже устроились, — пробасила фигура, в которой я тотчас же узнал генерала Рубцова. — Гоже! И тепло, и светло, и мух нет... Мы пока до вас добирались, раз десять низенько земельке кланялись, — здороваясь подряд со всеми командирами, говорил Рубцов. Дойдя до меня, остановился: — Да тут, оказывается, все главные начальники! Ну как, капитан, здорово тебе швабы высыпали?

— А мы еще пока, товарищ генерал, не воевали, — ответил я.

— Сколько хвостов потерял? — спросил Рубцов.

— Пустяки... Покамест три человека и два хвоста.

— Поэтому он сюда и прискакал поминки справлять, — спрыгнув со своей возвышенности, здороваясь с Рубцовым, проговорил Вишняков.

— Ты почему здесь? — вскидывая на меня красные, отяжелевшие от бессонницы глаза, спросил Кушнарев. Генералы не обращали на нас внимания и тихо разговаривали между собой.

Я рассказал о своей встрече с Борисенко.

— Хорошо, что проявил инициативу, но в следующий раз эскадрон не бросай, — уже более мягко произнес Кушнарев.

За рваными краями воронки, то утихая, то яростно разгораясь, шел бой. С самого утра, от начала небывалой артподготовки, наши уши настолько привыкли к несмолкаемому грохоту, что врывающаяся в шум боя минутная тишина начинала казаться верхом блаженства. Вот и сейчас резко оборвалась пулеметная трескотня, и расплывчато где-то замер вдали пушечный гул. Но передышки были слишком краткими. Вдруг на западе, совсем близко, протяжно что-то зловеще заскрипело, раздались страшные, режущие звуки, переходящие в жуткий металлический скрежет.

— «Скрипача» заводят, — глухо проговорил Кушнарев. Так среди солдат назывались немецкие шестиствольные минометы.

— Куда ударит? — Подполковник поднял глаза к небу, словно хотел увидеть полет снарядов. Мы оба понимали, какой страшный урон могли нанести стаи пудовых мин в гуще войск, накопившихся в этой долине. Он подозвал Кушнарёва и поставил задачу: немедленно выводить полк на исходное положение и входить в прорыв.

— Ты готов? — спросил Вишняков.

— Так точно, товарищ генерал, — подтвердил Кушнарёв. — Я готов следовать хоть к черту на рога, только бы не стоять на месте. — Посмотрев в упор на комдива, спросил: — Щель-то, товарищ генерал, узенькая! Как будет с фланговым прикрытием? Или мне атаковать «скрипачей» в конном строю?

— Слева тебя прикроет вот он, — показывая на Кривошапку, сказал генерал. — Обеспечишь, подполковник?

— Постараюсь, товарищ генерал, — ответил Кривошапка.

— Имей в виду, за первым эскадроном полка Кушнарёва я пойду сам со штабом дивизии, — продолжал Вишняков. — Справа будет прикрывать артдивизион, и, разумеется, помогут...

Вишняков не договорил и вопрошающе взглянул на Рубцова.

— Пятнадцать танков пойдут впереди вас, — решительно кивнул генерал.

— Мало, Зиновий Владимирович, — сказал Вишняков.

— Двадцать хватит? — резко спросил Рубцов.

— Мало! — упрямо твердил комдив. — Это же вопреки приказу штабарма, Зиновий Владимирович.

— А сейчас все уже пошло «вопреки», — иронически сказал Рубцов. — Иначе бы ты меня здесь не увидел. Больше не могу, Алексей Дмитриевич, ей-ей, не могу...

— Мало, мало! Прибавьте еще, ну хоть десять машин. Уж рвануть так, чтобы шерсть полетела! — настаивал Вишняков. — Нам ведь вместе приказано штурмовать станцию Осуга, а мы пока, ох, как далеко от нее! Там сейчас ждет нас мой брат, комдив два, генерал Кусков. Ждет, Зиновий Владимирович, ждет!

— Ты настоящий цыган от кавалерии. Даю двадцать пять машин и больше не торгуйся, — решительно заявил Рубцов.

— Спасибо. Молчу. Николай Викторович, — обращаясь к полковнику Жмолову, продолжал Вишняков, — проследите за выполнением и сейчас же передвигайте штаб к исходному положению.

— Слушаюсь, — ответил полковник.

Спустившись в лощину, Кушнарев остановился, приказал трубачу сыграть сигнал посадки на коней и одновременно срочно вызвал к себе командиров эскадронов.

Первым прибыл Антропов. Его эскадрон почему-то очутился впереди моего. Неразбериха в лощине немного прекратилась, поредели и рассосались обозы. Прибавилось разбитых бричек и распластанных на розовом снегу лошадей... Скоро прискакали и остальные командиры эскадронов и комбаты. Командир полка отдал боевой приказ, разъяснил суть предстоящей задачи и установил порядок движения в колонне.

— Раз Антропов приехал раньше всех и выдвинулся вперед Бражникова, перемещать эскадроны некогда. Впереди пойдет четвертый эскадрон, за ним штаб дивизии во главе с комдивом. Старший лейтенант Антропов, слушайте приказ: ориентир — разбитая на бугре автомашина. — Кушнарев показал плеткой на видневшийся по склону бугра остов грузовой машины. — На рысях подходишь к этому месту, затем круто поворачиваешь на запад, командуешь атаку и галопом врассыпную вперед, прямо на совхоз «Никитино». В совхозе встретишься с маяками второй дивизии, она утром прорвалась полностью. Ясно?

— Ясно, товарищ гвардии подполковник, — четко ответил Антропов.

— Повтори! — приказал командир полка.

Мы все слышали, как Антропов толково и точно повторил приказ. Да и сам по себе маршрут движения, казалось, был совсем несложным, ориентир был у всех на виду, до совхоза, по карте, оставалось не больше четырех-пяти километров.

— Почему ты вывел свой эскадрон, занял не положенное тебе место? — когда нас отпустил Кушнарев, спросил я у Антропова. Я был страшно зол на него за

самоуправство, а может быть, завидовал, что он пойдет вперед, а мне придется тащиться за хвостом штаба дивизии и собирать подковы штабных писарей, как ядовито выразился Хугандуков.

— Нашел свободное место, потому и занял... Обидно, что я тебя обошел? — с издевкой заметил Антропов.

— Ты много себе позволяешь, гвардии старший лейтенант! — Я чувствовал, как у меня дрожит от злости челюсть. Подмывало напомнить ему поступок с санинструктором Олей, но не хотелось портить ему настроение перед боем, да и не то время было и не то место.

— Я позволяю себе меньше, чем это делаешь ты, гвардии капитан, — ответил он вызывающе и, сверкнув нагловатыми глазами, насмешливо добавил: — Привет!

Антропов свернул с тропы к своему эскадрону. Мы с Хугандуковым пошли дальше.

— Однако, я сто раз заявляю, что он хвастунишка и выскочка, — сказал Семен. — Проехал рысью мимо нашего эскадрона и переполошил всех стабуненных лошадей. Я ему говорю: «Что ты делаешь, старший лейтенант?..» Он меня матом пустил и поехал дальше. Наша Оля слышала и даже отвернулась...

— А где был замполит?

— Он отдыхать лег тогда немножко...

Когда мы подошли к эскадрону, всадники уже были на конях. Бодров доложил, что взводы готовы к движению, подтянулась на хвост и батарея Ченцова. Комбат стоял рядом и лихо подмигнул мне веселыми, сузившимися от выпитой чарки глазами.

— Что-то скоро будет, Максимыч, а? — Он любовно огладил вспотевшую шею светло-гнедого дончака и потрепал его по коротко остриженной гриве.

— Сейчас тронемся, Александр Матвеевич.

Я быстро созвал командиров взводов и поставил задачу, предупредив еще раз, чтобы не скакать по бугру кучно, а рассредоточиться на отдельные группы, соблюдая определенную дистанцию. В эскадроне снова случилось несчастье. Мины шестиствольных минометов противника раскидали шесть лошадей. Потери: двое убитых, трое раненых.

— У меня накрыли два выноса, — сообщил мне Ченцов. — Не знаю, что делать, как тащить пушки...

— Может, я запрягусь и повезу твои пушки? — набросился я на комбата. — Может быть, тебя поучить, как

нужно спешить расчет, а ихних коней запрягать в орудия?

— Да не шуми ты, Максимыч! Все будет в порядке,— заверил Ченцов.

— А то я натравлю на тебя майора Шевчука, он подскажет, как это делается,— пригрозил я комбату.

— Сохрани бог и помилуй,— взмолился Ченцов. Перед грозным начальником штаба этот храбрый паренек трепетал.

Пока мы стояли, противник все время методически продолжал обстрел из своих «скрипачей». Наконец справа от нас, взвихривая снег, на бугре появились наши танки: они быстро, на большом ходу, проскочили в шахматном порядке мимо разбитой машины и тут же скрылись, оставляя за собой высокие черные взбросы земли.

— Это бьют по нашим танкам средние фрицевские пушки,— пояснил Ченцов.— Нам бы не угодить под эти шапки... Лихо, сволочи, бьют. Ты слышишь, капитан?

— Слышу и вижу,— ответил я и подал команду «Вперед». Было видно, как Антропов вывел эскадрон на тропу и рысью подъехал к группе офицеров штаба дивизии. Постояв с минуту, он дождался первого взвода, круто повернул расчлененную группу всадников на северо-запад и скорой рысью втянулся в сужающуюся горловину лощины. За последним взводом прыгали на кочках колеса маленьких противотанковых пушек, эскадронных бричек с боеприпасами, продовольствием и фуражом. Штаб дивизии был уже на конях. Пропустив последнюю пушку и две пулеметные тачанки, комдив первым тронул своего красавца — игреневого англо-араба и зарысил вслед за удалявшейся пушкой. Вместе со штабом дивизии тронулся и штаб нашего полка. От места, где только что стоял штаб дивизии, долина резко поворачивала вправо и упиралась своим северо-западным концом в деревню Малое Кротово. Всадники штаба скоро скрылись за изволок, но у автомашины почему-то мучительно долго не появлялись. Я вел эскадрон пока шагом. Должен был соблюдать необходимую дистанцию и ни в коем случае не нажимать на хвост идущего впереди меня взвода полковой разведки, а если понадобится, обязан был прикрыть штаб дивизии всеми имеющимися в моем распоряжении средствами. Прошло томительных десять минут, но эскадрон Антропова ушел куда-то правее под-

битой машины и на бугре не появлялся. Может быть, в последнюю минуту Антропов получил другой приказ и изменил направление? Мысли мои были прерваны ожесточенной пулеметной стрельбой, перебиваемой сильными взрывами. Над нашими головами густо засвистели трассирующие пули. Но мы находились в мертвом пространстве, и пули нас пока не задевали.

— Это бьют немецкие танки, Максимыч. Там что-то случилось, — уверенно проговорил Ченцов. — Разрешите мне проскочить и узнать, в чем дело?

— Не разрешаю, — твердо ответил я.

Саша всегда искал бурных и щекотливых для себя положений, поэтому терять замечательного в бою комбата мне совсем не хотелось. Бодров тоже вопросительно смотрел на меня. Хугандуков тронул меня за рукав полушубка и без слов хотел проскакать вперед, горяча своего сильного, резвого дончака. Необходимо было принять быстрое решение: или выполнять приказ, заворачивать эскадрон и галопом выскакивать на бугор к обусловленному ориентиру, или же следовать за первым эскадром и штабами. Я решил совсем по-другому. Прежде чем бросаться очертя голову и нести ненужные потери, приостановив движение, я оставил эскадрон на своего заместителя, взял с собой Муравьева и Калибека и галопом промчался по свежим следам. Мне хотелось проверить обстановку лично самому, а потом уже действовать. Выскочив на изволок, я увидел страшную, на первый взгляд, картину. По всей долине гужевались кони без всадников, беспорядочно волоча брошенные поводыя. Некоторые из них гуртом стояли на месте, отмахиваясь головами от шипящих вокруг пуль, другие, пофыркивая, взвизгивали тоненькими тоскливыми голосами. Остаться в седле было нельзя. Я спрыгнул с коня и, передав поводыя Калибеку, приказал увести Флейту глубже в ложину. Здесь кони падали как подкошенные. Невольно пригнув головы, мы с Муравьевым пробежали несколько шагов и плюхнулись в густо залегшую и отчаянно стрелявшую цепь бойцов. Тут только я разглядел: через пять человек от меня лежал и командовал противотанковой батареей начальник штаба дивизии полковник Жмоллов, чуть подалее желтел генеральский башлык комдива Вишнякова. Кушнарера и Шевчука близко не было. Где их искать в такой обстановочке? Всмотревшись вперед,

я увидел два тупорылых немецких танка, подбитых нашими сорокопятками. Танки противника вели стрельбу из укрытий. Но я понимал, что если и отбита первая атака, то второй уже дожидаться не следовало... Если бы противник действовал смелее и решительнее, он мог смять всю передовую колонну. Но фашисты растерялись и вели бой вяло. Воспользовавшись этим, полковник Жмоллов вскочил и подал громкую команду:

— По коням! За мной! — Поймав первую попавшуюся ему под руку лошадь, он вскочил в седло. Кавалеристы тоже быстро расхватали коней, кто какого успел, и помчались вслед за начальником штаба дивизии и комдивом. Вишнякову адъютант подвел пойманного тут же серого коня и поскакал рядом с ним. Мимо меня мелькнул на своем чалом коне Шевчук. Кушнарёва я не видел и бросился было искать Калибека. Не найдя своего коновода, я беспомощно выбирал глазами нужного мне коня и вдруг заметил игреневого генеральского англо-араба. Вскочив в седло, я увлек за собой растерянно табунившихся кавалеристов. Ведя разрозненную группу, мы поскакали к ожидавшему меня эскадрону. Не доехав метров сто, я увидел, что рядом с Бодровым гарцевал на гнедом коне Гриша Молостов. Выхватив клинок, я на ходу подал безгласную команду «За мной» и повернул коня вправо, к разбитой машине. Оглядываясь назад, я видел, как рванулась, ломко дрогнула, темнея на снегу, колонна всадников, мгновенно рассыпалась и, обгоняя друг друга, устремилась вперед. Конь командира дивизии по кличке Драгун оказался великолепной, сильной лошадью. Он был хорошо натренирован и покорно слушался повода. Сравнив его с Флейтой, я старался больше не думать о ней. Дробный, рваный звук пулеметных очередей, казалось, захлестывал все снежное поле. Слева от меня взлетела кверху взрытая снарядами земля, привычным инстинктом я перегнул корпус своего тела вправо, придавил шенкель, и конь далеко стороной обошел дымящуюся воронку. Но странное дело, я почему-то не слышал свиста пуль и только чувствовал, как обжигает мне лицо жесткий, холодный ветер. Я снова оглянулся. По взлохмаченному снегу скакали всадники и что-то орали, несколько человек упали вместе с конями. Я отвернулся и еще сильнее прищепил коня. Преодолев бугор, мы теперь скатывались в низину. В километре от меня вид-

нелись остовы разбитых вагонов, железнодорожная будка, чуть правее прижимались к земле низкие пристройки длинных пакгаузов с заснеженными крышами. Около них мирно стояли оседланные кони, парные брички, запряженные куцехвостыми битюгами, как муравьи сновали люди, вытаскивая из складов желтые ящики. Едва сдерживая рвущегося вперед коня, я только сейчас понял, что опасность миновала. Мельтешившие у построек люди «осваивали» трофеи, доставшиеся нам очень дорогой ценой... Остановившись, я снова поднял клинок над головой, просигналил команду «Внимание, шагом, разбирайся рядами». Мы терпеливо отработывали безголосое управление много дней, и теперь оно очень хорошо пригодилось. Да и бойцы, преимущественно пограничники, кубанские и донские казаки, были дисциплинированными, быстро отыскивали уцелевших товарищей, и каждый становился на свое место. Я сдерживал передних и поторапливал, чтобы скоренько разбирались и строились в колонну. Наконец появляется дядя Гриша. Поблескивая из-под жгуче-черных усов белыми непрокуренными зубами, приветливо машет мне зеленой рукавицей, улыбается и поправляет сбившуюся ушанку. Мелькает в перепутанных еще взводах Бодров на своем длинношеем вороном дончаке, снует ловкая, словно приросшая к седлу, фигурка моего незаменимого старшины, выше всех маячит в сгорбленном полушубке сержант Баловнев. Он ищет беспокойными глазами своего дружка Муравьева, который весь трудный сегодняшний день был мне верным связным. Он и сейчас стоит и с хрустом грызет твердый, как железо, мерзлый сухарь. Выплыл и рыжий, теперь уже не «одр», как я его называл утром, а настоящий боевой конь, вынесший усталого, посуровевшего поэта. Я подал знак к движению и подозвал Хугандукова, уже успевшего навести в эскадроне относительный порядок.

— Слушаю вас, товарищ гвардии старший лейтенант! — подъезжая ко мне шагом на ходу проговорил Семен, по старой привычке понизив меня в звании.

— Подсчитали потери? — колотя черенком плетки по передней серебряной луке генеральского седла, спросил я.

— Уточняем, товарищ... капитан! Извините, — спохватился Хугандуков.

— Хотя бы приблизительно?

— В первом взводе шесть человек и четыре коня, во втором семь, в общей сложности, однако, около двух десятков. Но это пока не точно, наверное, будут отставшие... Где вы достали такого коня? Что-то очень знакомый конь! А где, товарищ капитан, Флейта, Мулдасанов где? — спросил он с тревогой в голосе.

— Тебя хотел спросить.

— Он же с вами поскакал!

— Не нашел я его, — ответил я глухо. Все было ясно. Там столько лежало коней, забрызганных грязным снегом, вместе с всадниками и без них. Узнать в такой горячке кого-либо невозможно было и даже думать об этом не хотелось...

— А где санинструктор? — задал я последний вопрос.

— Оля? Она еще за бугром свернула в сторонку, слезла с коня и осталась перевязывать раненых... Сразу же нас сбивать начали гады...

— Вы что же, бросили и раненых и Олю? — спросил я тихо.

Мы ехали с ним впереди только вдвоем. Усталые кони шли спокойным, размеренным шагом.

— Как же бросили! Там же идет санчасть. Подбирать раненых — это их святое дело. Вон уже тянутся остатки батареи Ченцова, второй эскадрон и другие идут, — ответил Семен. — Не может же, однако, старшина всех раненых на себе таскать... В тыл противника с ранеными не пойдешь, — резонно заключил он.

Позади нас вдруг снова буйно заклокотали пулеметы, беглым огнем ударили пушки. Оставшиеся эскадроны, попав под сильный вражеский огонь, не прошли. Время было упущено. Красногоров, заместитель командира полка по политической части, видя, что противник подтянул резервы и атаковал с флангов свежими силами, решил спасти остатки полка — завернул конников и отвел на исходные позиции, в Хлепенскую долину. Довольно узкий коридор был закрыт. Полк наш прорвался в тыл только в половинном составе, так же как и небольшая часть энского полка, без его командира майора Огурцова. Остатки влились потом в наш полк и пополнили поредевшие эскадроны. Попытка прорыва других частей дивизий была тоже безуспешной.

...Спустя несколько часов комдив продиктовал начальнику штаба донесение:

«Остальные части дивизии, находясь в расчлененных порядках под бомбежкой, артиллерийским и минометным огнем противника на открытой местности, несли напрасные потери в живой силе, материальной части и конском составе. Таким образом части дивизии, вместо того чтобы войти в подготовленный коридор, были вынуждены сами себе готовить «ворота» для вхождения в прорыв и имели к этому времени значительные потери. Раннее появление конной массы на чистом поле нарушило основной принцип внезапности...

36

— Нашли Антропова или нет? — закончив диктовать донесение, спросил Вишняков у Кушнарева.

— Никак нет, товарищ генерал, исчез, — хмуро ответил Кушнарев. Он был подавлен случившимся и не находил себе места.

Выяснилось, что; поравнявшись с разбитой машиной, Антропов, почуяв свист пуль, самостоятельно решил не выскакать в лоб на высотку, а проскочить ложиной, забыв, что она упирается в Малое Кротово, сильный укрепленный пункт с зарытыми в землю танками, и буквально через триста метров напоролся на шквальный огонь противника. Вместо того чтобы исправить ошибку и круто повернуть на юго-запад, как это потом на моих глазах сделал полковник Жмоллов, Антропов растерялся и подал команду к спешиванию. Этим он окончательно предрешил гибельные для полков дивизии последствия. Свыше десятка немецких танков выползло из укрытий и пошло в атаку. Положение спас комбат Ченцов. Он виртуозно быстро развернул пушки и встретил противника метким огнем. Четыре машины были подбиты, остальные завернули назад и ушли в укрытие. Воспользовавшись этим, Жмоллов очень удачно и своевременно дал команду и вывел людей из ловушки. Из допроса пленных мы узнали, что танки противника стояли с заведенными моторами, страшась прорыва наших танкистов. Они намерены были оставить Кротово, чтобы сгладить весьма опасный для них выступ.

Тактическая ошибка Антропова навлекла на дивизию большие беды.

— Почему ты этого болвана послал вперед, а не капитана Бражникова, — спрашивал Вишняков. — Кстати, — обращаясь ко мне, продолжал генерал: — Спасибо за коня. Я своего коновода чуть в землю не вогнал за Драгуна... Так вот, Кушнарев, почему вперед пошел не первый эскадрон, как мы с тобой наметили, а четвертый?

Кушнарев объяснил, что из-за скученности войск в Хлепенской долине четвертый эскадрон выдвинулся дальше первого и оказался на исходной позиции, перемещать их в обратном порядке не было смысла.

— Это не оправдание. Могли принять в любую сторону. Всадник на коне — это подвижный человек, и десятиминутная задержка тогда не играла никакой роли, мы бы избавились от таких последствий и не пришлось бы судить Антропова.

— Признаю свою ошибку, товарищ генерал, и готов ответить, — решительно проговорил Кушнарев.

— Закончим разговор и не будем повторять прежних ошибок, — сказал Вишняков. — Подумаем о другом. Ты крепко держишь совхоз «Никитино»?

— Стараюсь.

— Держи крепче. Это ключевой пунктик...

— Понимаю.

...Мы возвращались в полк вместе с Кушнаревым. Он гарцевал впереди на своем Мальчике, а я тащился на каком-то низкорослом коне, задевая стремянем кусты пожухшего папоротника.

— Как же ты, милый, потерял свою кобылу? — спросил Кушнарев.

— Товарищ гвардии подполковник, мне уже высказано столько упреков... — проговорил я.

— Это на самом деле жестоко. Если мне все время будут напоминать Антропова, я начну кусаться, — сказал Кушнарев.

Я признался командиру полка в моем давнем чувстве недоверия к Антропову, не утаил и случая с Олей.

— Почему ты молчал? — резко спросил подполковник.

Я только пожал плечами.

Днем мы вывезли из совхоза много трофеев, главным

образом продовольствия. С вечера я крепко уснул. Два эскадрона держали оборону в Никитино, один — в Гриднево. Первый эскадрон Кушнарев оставил себе в резерве. Усталость всех валила с ног. Штаб расположился в густом молодом ельнике. Выставив охрану, Шевчук решил мне отдохнуть и сам улегся рядом со мной. Пробормотав несколько слов, Кондрат захрапел. Дежурить вызвался Гриша Молостов. Первая ночь в тылу врага, да еще в такой сложной и неясной обстановке налагала на дежурного большую ответственность.

Мне снились кувыркавшиеся кони с парившими в воздухе всадниками. В клочковатом вихре разрывов я видел бежавшую по снежному полю Глашу. Вдруг она упала и, простирая руки, просила поднять ее. Но всадники скакали мимо и прыгали через ее голову. Я был почти рядом с ней, но у меня не было сил двинуться с места. Я застонал во сне и проснулся. Кругом стояла успокоительная лесная тишина. Неподалеку пофыркивали кони, сытно накормленные трофейным овсом. С автоматом в руках Гриша сидел на круглом старом пне и покуривал душистую французскую сигарету. В ногах Гриши под темной густолапчатой елью горел маленький костер, неярко освещая его профиль. Мне было хорошо видно, как он смешно и неумело затягивался, стряхивая с мерцавшего светлячка сигареты пепел. Он так уютно пристроился на пеньке, вглядываясь в тлеющие угольки, что возникшее было желание потревожить новоявленного курильщика и рассказать свой нелепый сон, у меня быстро пропало. Я снова уронил голову на мягкую фланелевую попону, укутался буркой, которую вечером мне одолжил Гриша. Моя осталась у Калибека. Мне вспомнилось лицо моего коновода, когда я ему последний раз в гуще табунившихся коней передавал поводья Флейты. Оно было искажено, словно от боли, под мигающими ресницами метались испуганные глаза. Он тут же отвернулся и с места бегом повел коней в низину. Флейта, чуть повернув голову набок, покачивая седлом, покорно затрусила по взрыхленному снегу. Я снова вообразил ее распластанной на земле, с залепленной грязью шерстью, а рядом, может быть, кусок оборванного повода в посиневшей руке Калибека... Такие картины мне приходилось видеть не раз. Сон пропал. Чувство беспокойства снова овладело мною, в голову лезли дурные мысли. Вдруг по-

слышался дробный цокот копыт, звон стремян и грозный негромкий оклик часового:

— Стой! Кто идет! Пароли!

— Своя, — отчетливо раздался знакомый мне голос, который я мог узнать из тысячи.

— Какая-токая своя? Пароли! Стрелять буду!

— Зачем, чудак, стрелять? Я — Мулдасанов, коновод капитана Бражников...

Гриша швырнул сигарету в костер и, сорвавшись с пенька, скрылся в кустах. Отбросив бурку, я вскочил и долго не мог застегнуть пряжку ремня. Через минуту Калибек стоял около меня. Флейта, вытянув тонкую шею, шарила влажными губами по воротнику полушубка и по ворсу шапки. Почувствовав теплое конское дыхание, Калибек откинул голову, повернулся к ней, с беззлойной, свойственной всем коноводам ворчливостью заговорил:

— Никакой ты сахар больше от меня не получишь, шорт такой... Убирай своя подхалимская морда!

— Не шуми, Калибек. Люди отдыхают. Расскажи, что случилось?

— Убежала — вот что! И мою лошадь за собой утащила, пешком оставила. Суволошь, шестиствольный миномет крепко ударил, мы все упали, когда он, как собака, еще скрипеть начинал... Поднимаю башку — коней-то нету! Посмотрел немножко, вижу: дым кругом, такой таррам — глядеть тошно, тут, там лошади валяются, моих нету. Один казак говорит, твой красивый лошадь хвост дудком поднимал, как метелка, и домой побежал. Ну я пошел искать...

Дальше Калибек рассказал нам о своих злоключениях, когда мы уселись вокруг костра:

— Иду по всей этой кутерьме, как бедный сирота... Вижу, наш эскадрон айда поехал на бугор, а я пешком назад пошел. Встречает какой-то командир и ругает самыми нехорошими словами.

— Ты, — кричит на меня, — куда, трус, с передней позиции бежишь, а? Назад, падлес, в свой часть!

— Я говорю: товарищ командир, коней ищу. Убежали кони...

— Я тебе покажу таких коней, расстреляю, мерзавес!!!

Я туда, сюда... ничего слушать не хочет, начинает пистолетную кобурю пальцем ковырять... Хорошо, что по-

пался тут наш комиссар полка товарищ Красногоров, второй эскадрон с ним. Я бегом к комиссару, рассказываю, так и так... Он говорит:

— Ладно, ступай скорей. Там твоих коней минометчики поймали.

— Побежал что есть дух! Садился на этот шорт верхом, еду. Гляжу, опять кутерьма. Трах, брах! Кавалеристы назад скачут. Ничего не понимаю. Нашел маленький овражек, спрятал коней, сижу, сухарь кушаю. Потом вижу, Вася Громов пешком идет. Заметил меня и подошел. Спрашиваю:

— Где твой конь?

— Убили.

— Куда идешь?

— Наших ищу.

— Каких «наших»?

— Первый эскадрон. Где твой командир, не знаешь?

— Знаю, — говорю. — В тыл к немцам прорвался, а у меня кони убежали.

— Как же ты их упустил и командира своего пешком оставил?

— Не учи, без тебя знаем.

Тут пришла ночь. Я коней овсом накормил, Васе Громову колбасы и сухарей дал. Потом говорю:

— Садись на мой конь, сейчас поедем.

— Куда?

— Туда, куда наш эскадрон пошел.

— А не побьют нас?

— Все может быть... Но ехать надо. Сам же говоришь, что командира без коня оставил.

— Тогда давай сейчас же поедем, пока месяц не показался. Светло будет, могут пристрелить...

— Моих коней ни одна пуля не догонит... Садись.

Сели и поехали тихо, шагом. Все устали, стреляют мало, только ракету пускают. Едем спокойно, уже на бугор выехали, разбитую машину проехали, слышу впереди: «тур, тур, тур», — мотор гудит. Видим, совсем недалеко немецкий бронетранспортер тихо туда-сюда ходит, а больше всего на месте стоит. Повернули чуть влево, канавкой поехали, смотрим, еще один ползет, как лягушка, и ракеты швыряет. Мало-мало мы подождали, едем дальше, а куда? Вася говорит надо направо, я тяну налево,

пока спорили, в какой-то овраг заехали и чуть-чуть живо-го человека не задавили...

— Ослеп, — говорит, — что ли?..

— Ты кто такой? Раненый?

— А то нет? Разуй глаза, там еще человек десять, не стопчи, дурак!

Глядим, еще кто-то подходит к нам и шепчет:

— Тише, ребята, тут немцы близко.

По голосу слышу — девка... И кто бы вы думали? Наш санинструктор Оля Павлова...

— Оля Павлова? — переспросил я.

— Конечно, товарищ капитан. Перетаскала всех раненых, которые ходить не могут, и сидит с ними в овраге... Помогать надо!

— Сколько их там? — спросил Молостов.

— Одиннадцать человек, — ответил за Калибека Громов. — Двоих мы привезли кое-как, в санчасть второй дивизии сдали, остальные там: умоляют, просят, ругаются...

— Надо будить командира полка. — Гриша поднялся и пошел в ельник, где спал Кушнарев. Я разбудил начальника штаба и доложил о случившемся.

— Выручать нужно, немедля, — сказал Шевчук.

Подошел Кушнарев, выслушав мой краткий доклад, сказал:

— Слушай, капитан, поднимай людей. Сколько тебе нужно?

— Думаю взять одно отделение управления.

— Двое саней и пять конных будет достаточно, — приказал Кушнарев.

Я распорядился через помощника дежурного разбудить сержанта Баловнева.

— Вот еще надо о чем смекнуть, Бражников, — в раздумье продолжал Кушнарев. — Подберешь раненых, отправишь сюда, а сам проскочишь с парой лихих пограничников, вроде Муравьева и Баловнева, за линию фронта, найдешь Красногорова и вместе с ним приведешь остатки полка, а может быть, и всей дивизии. Я сейчас свяжусь с генералом и решим, что делать... Как ты на это смотришь, начальник штаба? — спросил Кушнарев.

— Я смотрю так, товарищ гвардии подполковник, что мне треба было подумать о тех эскадронах еще с ве-

чера, — хмуро ответил Кондрат, протягивая к костру большие длинные руки.

— Я думал об этом и говорил с комдивом. Но народ так измотался, что мы решили дать маленькую передышку.

— Разрешите мне самому поехать вместо Бражникова? — спросил Шевчук.

— Не разрешаю. Ты мне здесь нужен. С тобой прибыл только один помощник и тот контуженный. Все.

Кушнарев подбросил в костер сухих веток и, повернувшись, пошел на узел связи. Минут десять спустя он вернулся и сообщил, что разрешение от комдива получено. Наша задача — удержать совхоз «Никитино» и не дать противнику восстановить линию железной дороги. С востока ведет наступление наша армия. В состав этой армии входят два танковых корпуса, один стрелковый гвардейский, две кавалерийские дивизии и части усиления. Навстречу нам ведут наступление армии Калининского фронта. В тылу противника активно действуют партизаны.

Прослушав подробную и довольно оптимистическую информацию командира полка, мы облегченно вздохнули. Всем хотелось верить в наилучший исход. Мне же лично предстояло совершить ночной поход по контролируемой противником местности. Товарищи горячо желали успеха. Люди собрались очень быстро. Коней мы с вечера не расседывали, а только отпустили подпруги и просушили потные спины. Сани тоже были наготове и стояли с запряженными лошадьми. Калибек подвел мне лошадь и, как обычно, придержал стремя. С каким-то особым наслаждением я сел в седло и взял в руки холодные поводья. Озябшая Флейта мускулисто содрогнулась всем телом и сразу же попросила повода; уступая ее желанию, я с места тронул рысью.

Ночь была пасмурной, твердая дорога звучной. По обочинам стояли низкорослые кучные ели, посеребренные белым инеем. Жгучий на ветру мороз чувствительно леденил щеки и пробирался за башлык... Я поднял воротник полушубка и еще резвее пустил Флейту. Калибек еда за мной попевал.

Когда мы выехали на поляну, перед совхозом «Никитино» нас догнал сержант Баловнев. Поравнявшись со мной, сказал:

— Очень уж быстро едем, товарищ капитан.

— Надо спешить. Там люди ждут, раненые, — ответил я.

— Я понимаю. Спешить, конечно, надо, но сани отстают.

— Больше чем на сто метров отставать нельзя. Я же вам объяснял.

— Так точно, но за вашей Флейтой нам не угнаться.

— Хорошо, поедем немного тише. Ты же знаешь, что мы должны вернуться до рассвета?

— Конечно, знаю, товарищ капитан. А Оля-то наша, — помолчав немного продолжал Баловнев. — Вот ведь какая, а? — сержант покачал головой и отвернулся.

— Какая?

— Геройская. Ведь надо же, в такой каше перетаскать раненых, перевязать и спрятать их под носом у фрицев!

— Вот именно геройская. А помнишь, что ты о ней говорил?

— Я?

— А кто же?

— Ничего плохого я о ней, товарищ капитан, сказать не мог.

— Отказываешься?

— Так точно.

— Не может быть, товарищ капитан, чтобы наш сержант плохо о ней сказал, — вмешался Муравьев.

— Почему не может быть? — удивился я.

— Очень просто... Он два месяца по ней вздыхает...

— Не трепись, Муравьев, — угрюмо сказал Баловнев.

— Ну, а она? — тихо спросил я Муравьева.

— Она на него ноль внимания.

Баловнев, чтобы избавиться от неприятного для него разговора, решил немного отстать, но я придержал свою лошадь и поехал с ним рядом.

— Как же ты, друг, не помнишь, что говорил мне об Оле? — пытал я смутившегося сержанта. — А кто говорил: «Желтоголовенькая, трухлявенькая, ей бы теленок в колхозе пасти...» Чьи это слова, сержант?

— Может, и мои, но я не помню, забыл...

— Короткая же у тебя память.

— Мало ли что. Мне ее просто жалко было и, наверное, ей все же лучше было бы телят пасти, чем...

Баловнев замолчал. Я понимал, о чем он сейчас думает, и прекратил разговор.

...Мы уже миновали сторожевое охранение нашего полка. Переехали развороченную взрывом насыпь с торчащими в стороны рельсами и спустились в низину. Теперь Калибек ехал метров на десять впереди нас, Баловнев и Муравьев — рядом со мной, двое верховых прикрывали наш маленький обоз. По всему переднему краю взвивались разноцветные ракеты и, казалось, освещали половину неба. Спустившись в какую-то неглубокую, заросшую редким кустарником балку, Калибек подал условный знак остановиться, а сам тихим шагом проехал вперед. Действовал он смело и расчетливо. Мне понравилась его осторожность. Так мы двигались не меньше часа. Несколько раз темная фигура Калибека останавливалась, и он прислушивался к близкой пулеметной стрельбе. Я тогда тоже задерживал движение и всматривался вперед, ничего не видя в морозной дымке. Кони не стояли на месте, грызли трензеля и беспокойно взмахивали головами. Калибек вернулся, подъехав ко мне, шепотом проговорил:

— Теперь, наверное, близко. Я разговор слышал, но вроде немецкий язык, шорт... Пойду пешком, проверю.

— А ты не заблудился? — спросил я.

— Не-ет. Что вы! Я это место хорошо помню. Сейчас ползком пойду и все узнаю.

— Одному нельзя. — Я приказал Муравьеву спешиться и ползти вместе с Калибеком.

Вскинув на руки автоматы, они скоро скрылись в темноте. Ждать пришлось очень долго. Где-то совсем близко лопались ракеты, освещали наших заиндеветших коней и серые сани с торчащими по бокам клочьями сена. Чувствуя запах корма, продрогшие голодные кони тянулись к саням, нарушали тишину.

...Раненых пришлось вытаскивать волоком на плащ-палатках, и это отняло много времени. Они настолько продрогли и так были слабы, что почти не подавали признаков жизни. Уложив на сани, мы укрыли их теплыми попонами и дали каждому по глотку водки.

С опущенными на шапке ушами Оля, едва передвигая ноги, опустила на край саней и попыталась снять валенок, но это ей никак не удавалось.

— Помоги, сержант, — сказал я Баловневу.

— Ничего, я сама... — Оля взглянула на сержанта и беспомощно опустила голову. Баловнев нерешительно начал стаскивать рукавицы.

— Быстрее. Не задерживайтесь, — приказал я и отвернулся.

— Может, обморозилась, снегом ежели натереть? — слышал я голос сержанта.

— Не надо снегом, — тихо сказал Оля. — Помассируй ее немножко. Ой, какая у тебя теплая рукавичка...

— Пусть будет вместо чулка, — сказал Баловнев.

— А сам-то как? Руки замерзнут...

— Ничего, я привычный.

Я еще раз поторопил их тихим требовательным голосом.

— Мы сейчас, товарищ капитан, не сердитесь, — печально проговорила Оля.

Мне неприятно было, что я постеснялся снять с Оли валенок, и сейчас бранил себя за это. Я почему-то был уверен, что сделал бы это куда быстрее сержанта... Наконец он натянул на ее ногу валенок и поднялся, отряхивая со стеганых брюк снег.

Подойдя к Оле, я положил ей на колени две плитки шоколада и желтый, согретый у меня в кармане апельсин.

— Спасибо, — сказала она и, точно засыпая, склонила голову.

Проверив, все ли в порядке, я приказал трогаться. Застоявшиеся кони бежали ходко. Проводив сани до безопасного места, мы с Калибеком и Муравьевым отстали и повернули назад. Перегруженные сани, звонко скрепя полозьями, спустились в овражек и скрылись из виду. Туман еще больше усилился. Было четыре часа утра. С неба посыпалась мелкая липкая изморозь, кружевами оседая на конских гривах и взъерошенной шерсти. Такая мутная погодка хорошо маскировала нас, но в то же время не мудрено было напороться на засаду противника или на фланирующий вездеход.

— Что будем делать, ребята? — остановив Флейту, спросил я.

— Поедем налево, товарищ капитан, — предложил Калибек.

— Почему налево?

— Эта шортова машина останется вправо...

— Но ты говорил, что там есть где-то вторая?

— Ходит, конечно, туда-сюда, — ответил Мулдасанов. — Там налево, — продолжал он, — есть небольшие кусты, туда и поедем. Сейчас-то мы спокойно пройдем, а вот назад, когда народу будет много, опять кутерьма начнется...

— К утру фрицы спать будут. Им тоже несладко на морозе, — заметил Муравьев.

Решили ехать налево и на всякий случай приготовили по паре гранат. Я заранее распределил роли и объяснил, как мы должны действовать.

Ехали очень тихо и часто останавливались, стараясь уловить звуки работающего мотора, и тем не менее наехали на вездеходы почти что вплотную... Один из них замаскировался около отдельного куста ивняка, раскорякой стоявшего у самой проезжей дороги, словно специально поджидая нас, ротозеев... Первым его увидел Муравьев, он ухватил мою лошадь за повод и остановил, показывая на серую громадину рукой. Такого нахально-го визита, да еще в такой поздний час, гитлеровцы, конечно, не ожидали. Мы почти одновременно швырнули в кузов три гранаты и, повернув коней, прыснули в разные стороны. Три оглушительных взрыва раздались один за другим, но мы уже были недосыгаемы для осколков и трассирующих пуль, посланных нам вслед с другого вездехода. До Хлепенской долины мы скакали, не снижая аллюра. Добрые кони вынесли нас в безопасное место. В крутой балке, что находилась напротив бывшего командного пункта дивизии, мы разыскали в окопах человек семьдесят наших бойцов из разных подразделений и минометную батарею лейтенанта Бабкина. С ними был майор Федотов из разведотдела штаба дивизии. Он, оказывается, чуть ли не с вечера выехал сюда за остатками огурцовского полка и успел собрать людей в одну группу. Посовещавшись, мы решили взять с собой только конных, пеших же бойцов во главе с офицером направили к своим, послав соответствующее донесение в штаб корпуса. Обратный путь мы проделали без особых приключений. Второго вездехода мы уже не видели. Встре-

тив на пути небольшую поисковую группу противника, уничтожили ее с ходу, захватив двух пленных. На рассвете мы уже были в расположении своих частей.

После тяжелого ночного похода за линию фронта мне разрешено было отдохнуть, и я проспал несколько часов. Разбудил меня связной. Он передал приказание немедленно прибыть в штаб полка.

Майора Шевчука я разыскал около полукруглого охотничьего шалаша. Он сидел у неярко горящего костра. Расстелив на крышке снарядного ящика лист бумаги, майор вычерчивал какую-то схему. Здесь же у телефонного аппарата дремал Вася Громов. Плотнo прижав телефонную трубку к раскрасневшейся от огня щеке, Вася опускал нос все ниже и ниже... Неожиданно он резко вскинул голову: неподалеку громыхнул разорвавшийся снаряд и одновременно запищал полевой телефон.

— Штаб дивизии, товарищ майор, — протягивая Шевчуку трубку, проговорил Громов.

Зажав в кулаке цветной карандаш, Кондрат простуженно откашлялся.

— Второй слушает, — негромко сказал он и, взглянув на меня, указал глазами на место рядом с собой.

— Положение? Положение губернаторское! У меня всех помощников поранило. Даже писарей разогнал по хозяйствам. Остался с одним телефонистом, вот и весь мой штаб. Схему зараз намалюю и вышлю, будь она неладна!..

Шевчук положил трубку и, взламывая на затылок кубанку, обращаясь ко мне, продолжал:

— Наверное, сам черт породил ту штабную работу и схемы... Получается так, что сходил взвод до ровика, зараз сочиняй донесение, малюй схему, нарисуй стрелки маршрута движения и шли всю эту бюрократию первому оперу майору Лерину, а он уж сочинит стратегию!.. Вместо того чтоб подкинуть нам парочку танков, он тебя схемами кормит... Ох же и доберусь я до них!

Кондрат зло сплюнул и полез в карман за трубкой. С должностью начальника штаба он освоился быстро, но

штабной писанины и многочисленных схем, которые приходилось посылать ежедневно, не выносил.

— Слухай, Бражник, — пододвигая к себе пачку донесений, продолжал Шевчук. — Ты старый разведчик, давай-ка подумаем над одним делом... Смотри сюда.

Кондрат развернул карту.

— Ты знаешь, що мы той ночью взорвали железнодорожный мост на линии Сычовка — Ржев, захватили автомагистраль. Все движение транспорта противника замерло. Крупная армейская группировка противника очутилась в самом затруднительном положении. Уже третий день прекратился подвоз боеприпасов и техники, не говоря уже о живой силе. Фашистам остается одно из двух: или ликвидировать прорыв, или же оставлять Ржев и скорее уносить ноги? Что, по-твоему, они могут предпринять?

— Попытаются закрыть брешь, — подтвердил я. — Это ясно!

— Я тоже так думаю, — согласился начальник штаба. — Мы сейчас совместно с танкистами заняли полукруговую оборону и держим две магистрали. Наши основные силы отражают напор на рокаде. До подхода главного ядра нашей танковой армии мы продержимся. Однако имеются сведения, что из района Вязьмы противник снял две дивизии — вторую танковую и пятую механизированную. Двигаясь вдоль линии железной дороги, они, возможно, нанесут фланговый удар на совхоз «Никитино», а там, как ты знаешь, участок нашего полка. Понял?

— Все ясно, товарищ майор. Если это так...

— Вот я и хочу знать, так это или нет, — прервал меня Кондрат. — Поэтому и вызвал тебя, чтобы ты смотался с разведкой до станции Верхние Рамешки. Есть сведения, что там идет сосредоточение этих дивизий. Однако сведения непроверенные, надо уточнить. Это приказ Кушнарера. Он сейчас выехал в совхоз «Никитино», а мне поручил ознакомить тебя с обстановкой.

Кондрат замолчал и, нагнувшись к костру, потянулся за угольком, чтобы распалить свою вместительную трубку.

...Начинало смеркаться. Над лесом все мрачнее нависали темно-серые тучи. В разговоре мы и не заметили, как на наши бурки и еловый молодняк белой, давящей густотой повалил снег. Позади шалаша на тропинке

неожиданно цокнул подковами конь. Усатый казак в остроконечном белом от снега башлыке, похожем на сахарную голову, прыгнув с седла, бросил на луку повод и быстрыми шагами подошел к нам. Отряхивая с полушубка снег, хрипло проговорил:

— Я, товарищ майор, из совхоза, разрешите...

— Давай же короче! Будь ласка! — крикнул Шевчук.

— Полк, товарищ майор! — прохрипел казак.

— Що полк! Не тягай кобылу за хвост парень! — Шевчук поднялся во весь свой могучий рост.

— Полк отходит...

— Как отходит? — Кондрат шумно засипел трубкой.

— А вы послушайте...

Мы уже настолько за эти дни «прислушались» к стрельбе, что не обратили внимания, как в стороне совхоза вперемежку с артиллерийскими залпами яростно захлебывались многочисленные пулеметы. Только сию минуту мы оба почувствовали, что случилось нечто очень серьезное. Отдать совхоз и железнодорожную станцию — это значило посадить в мешок две наши кавалерийские дивизии и танковую бригаду, оставшуюся после многодневных боев и отрыва от тылов почти без горючего. Мало того, теперь рушился весь задуманный высшим командованием план. Но мы еще по существу не знали всех размеров беды.

— Откудова-то вывернулся фашистский бронепоезд и так вдарил, аж... — Связной не договорил и закашлялся.

— Ну? — с угрозой в голосе спрашивал Шевчук, как будто во всем был виноват усатый казак.

— Ну и накрыл снарядами нашу оборону. Горит все! Потери у нас большие...

— А где подполковник?

— Я его не видел. Мы батарейцы же. Меня комбат Ченцов прислал...

— Ну, а дальше что сказал твой Ченцов? — напирал Кондрат.

— Он сказал, что там вместе с бронепоездом в атаку пошли два батальона пехоты и автоматчики как обычно.

— Ну, а пушки ваши, пушки?

— Стреляли, конечно... Только у них больше пушек. Расчеты наших пушек побило... Ну и оставили все на-

ши пушки там... — глухо выдавил связной и отвернулся.

— Оставили все пушки? Да вы что! Да вы...

Ярость мешала ему говорить. Разорвав ремешки на груди, он швырнул бурку на ближайший куст можжевельника, остался в одной синей, с серой опушкой венгерке. Сунув в карман трубку, приказал мне отрывисто, грозно:

— Поднимай всех, кто есть! Живо!

Я подошел к Громову и позвонил в эскадрон. Мои люди всегда были наготове.

— Симаков! Коня! — крикнул Шевчук.

— Зараз, товарищ майор, — раздался из кустов спокойный голос Симакова. Он знал горячий характер своего командира, привык к нему и подтягивал подпруги без излишней торопливости. Надо было подготовить двух коней, снять торбы, взнуздать. Я решил помочь коноводу, но Шевчук опередил меня.

— Ну, що вин там копається! — Кондрат сам бросился к коню и так рванул подпругу, что конь качнулся, а пряжка отлетела и со звоном брякнулась на притоптанный копытами снег.

— Убей меня бог, что только с седлом делается! А коноводов, — свирепо косясь на моего ухмыляющегося Калибека, продолжал Кондрат, — сам черт народил и на коней посадил... Ты ж смотри, бабушки твоей шило в бок, как они за амуницией следят, все гниет, рвется! Ох и доберусь я до вас, подковы гнутые! Я вас выправлю! — пока Калибек и Симаков пришивали пряжку, возмущался Шевчук.

Когда все было готово, начальник штаба быстро вскочил на крупного, гривастого, чалой масти коня и приказал мне следовать за ним. Симакова оставили на месте, чтобы он подождал, когда подтянется мой эскадрон, сами же помчались в направлении совхоза «Никитино». Но там уже все завершилось. Оборонявшие совхоз эскадроны отошли и оставили противнику почти всю полковую артиллерию.

...Мы нашли командиров неподалеку, у деревни Карпешки, в двух километрах северо-западнее совхоза. Карпешки полностью сгорели, уцелел только стоявший на отщипе большой скотный сарай. Люди расположились в глубокой, проросшей густым ольшаником балке, где протекала грязная речушка Карпешка. Когда-то из поме-

щичьего пруда в полуую воду сюда заходили золотистые карпы. Тогда местные жители и дали название безымянной речушке.

На белый заснеженный лес уже опустилась ночь. Снегопад прекратился. Затих и бой. Небо очищалось от туч и мрачно подмигивало яркими звездами. Начинало сильно примораживать. Заметив в овраге отблески костра, мы быстро спешили и шумно скатились на дно балки.

— Здравствуй, гвардия! — крикнул Шевчук вскочившим офицерам, ища глазами командира полка. Но его здесь не оказалось. Выяснилось, что перед началом боя его срочно вызвал к себе командир дивизии.

— Вольно, уланы... — Начальник штаба, видимо, намеревался сказать еще что-то злое, едкое, но гнев был попусту расплескан на коновода Симакова по поводу злосчастной пряжки. Да и командиры с небритыми поседевшими лицами, в мокрых, с отвисающими полами полушубках были угрюмы, утомлены. Здесь были старший лейтенант Сережа Орлов, Алексей Архипов, политрук Каневский, командир батареи Ченцов, замполит Ковалев, командир минометной Георгий Бабкин, заместитель Ченцова лейтенант Алексеев и несколько человек командиров взводов. Здесь же находился и Гриша Молостов. После команды «Вольно» они как бы нехотя стали рассаживаться на толстый слой еловых лапок, покрытый плащпалатками.

— Значит, так, гвардия, — выслушав доклады командиров о ходе боя, озабоченно и незлобно заговорил Шевчук, подбрасывая в костер сухие веточки. — Давайте, хлопчики, до приезда командира полка и генерала Вишнякова подумаем, как нам быть и шо робить... О наших «доблестях» я доложил генералу, и он пообещал прибыть. Значит, с ним приедет и подполковник Кушнарев. Ховай меня боже, какая это будет встреча!

Нагнүвшись к костру, Кондрат умолк. Хмуро и подавленно молчали командиры.

— Вы понимаете, в какое положение мы себя поставили? — спрашивал начальник штаба. — Совхоз — это же ворота! Зараз они на крепком замке. Танковая бригада останется без горючего, а мы без боеприпасов, без продовольствия и фуража, а самое главное — без полковой артиллерии! В общем остались при легком выюке... Что

же нам осталось делать, хлопчики, а? — обводя всех сумрачным взглядом, спрашивал Шевчук.

— Трибунал! — крикнул комбат Ченцов. Концом палки он ворохнул середину костра. Пламя бурно вспыхнуло и затрещало сухими лопающимися искрами. — Трибунал! — повторил комбат это тяжелое, холодное слово. — Не зажмуривай, братцы, глаз, умирать ведь только раз. Без винтовки не пошлют, а может, пушечку дадут. Ведь в штрафной тоже пушки есть в конце концов? — Ченцов выпалил всю тираду залпом, с присущей ему беспечной веселостью и попросил закурить.

— Для тебя там две батареи приготовили, которые ты фрицам отдал, — жестко проговорил Шевчук и броском повернул голову к Ченцову. — Ты, комбат, не скоморошничай и не улещай байками. За то, что кинул пушки, с тобой и Ковалевым будет разговор особый.

— Что заслужили, то и получим, товарищ майор, — хмуρο проговорил Ковалев.

Гриша Молостов, сутуля широкие плечи, в разговор не вмешивался. Когда все выговорились, он придвинулся ближе к костру, негромко сказал:

— Отвечаем за дело все.

— Так точно! — подтвердил Орлов. — Надо сейчас не виновников искать, а о другом думать.

— О чем? — спросил я.

— О том, что совхоз и станцию нам же придется брать обратно, — сказал Сергей.

— Чем брать и как? — одновременно раздалось несколько голосов.

— В том-то и вопрос, — хмуρο проговорил Шевчук и еще ниже склонился к костру.

— Командование поможет, — твердо сказал Молостов. — Нечего головы вешать. Нужно будет, все пойдем в атаку, а сейчас людям надо отдых дать, хотя бы накормить.

— А где продукты? — подняв голову, спросил Шевчук.

Последние дни прорвавшиеся части кормились за счет трофеев, захваченных у противника. В совхозе для снабжения Ржевской группировки было накоплено большое количество продовольствия, вывезти которое мы не успели.

Молостов зябко поежился и ничего Шевчуку не ответил.

За кустами послышался хруст снега и торопливые шаги. Я повернул голову и пристально всмотрелся в приближающуюся фигурку. Это пришла Оля Павлова. В белом маскхалате, надетом на полушубок, в серой ушанке, она ничем не отличалась от разведчиков.

— Здравствуйте, товарищи! — возбужденно проговорила Оля. — Что это вы нахохлились, как воробушки на морозе?

Я вижу улыбки на лицах командиров. Они словно оттаяли. Появился свежий человек и нашел для них какие-то особенные слова. Кто-то быстро освободил место у костра, и она тут же присела на корточки. Оля представляет теперь всю нашу полковую медицину. Вся санитарная часть, за исключением нескольких инструкторов, осталась за линией фронта. Я вижу, как она, прищурив глаза, скользит золотистыми зрачками по лицам командиров. На секунду задержала взгляд на мне и остановила на Шевчуке. Прикушенная губа дрогнула и заскакала, то ли от напряженной улыбки, то ли еще отчего.

— Товарищ майор, разрешите обратиться?

— Будь ласка, Оленька! — охотно ответил Кондрат.

Только вчера всему личному составу полка был зачитан приказ командира дивизии о награждении сержанта Оли Павловой орденом Красной Звезды. В 1942 году это значило много. Все знали о ее подвиге и искренне уважали.

— Мне повозки нужны, товарищ майор, — продолжала Оля.

— Много раненых? — спросил Шевчук.

— Тридцать восемь бойцов и шесть командиров, — ответила Павлова.

— Есть тяжелые?

— Есть, конечно... даже очень... — Оля недоговорила и часто заморгала глазами.

Кондрат прикрыл глаза, на его лбу вырубилась четыре глубокие морщины, да такие, что детский пальчик уляжется.

— Будут повозки. Я уже распорядился, — кивнул начальник штаба.

— Спасибо. Еще мне нужны здоровые люди, с лопатками, — снова заговорила Оля. — Только сейчас трое скончались... — Оля перечислила фамилии, под конец добавила: — А остальных мы чайком попоили и по долочке

апельсина дали... А почему вы сидите без чая? Вон какой костер и народу сколько!

— Правильно! — поддержал Молостов.

Командиры зашевелились. Кто начал ломать сучья и подбрасывать в костер, кто уже гремел котелком, плотно набивая пушистым снегом. Повесили несколько котелков, но чайку попить так и не пришлось.

В темноте часовой кого-то резко окликнул, спросил пропуск и тут же умолк. По склону балки к нам быстро спускались несколько командиров в белых полушубках. Раньше других к костру подошел Кушнарев. Все вскочили и начали оправлять снаряжение. Шевчук приложил руку к кубанке:

— Товарищ гвардии подполковник!

— Отставить, майор. — Кушнарев махнул кожаной перчаткой, достал портсигар и взял дрожащими пальцами папиросу. Нагнувшись, прикурил от тлеющей хворостинки, обращаясь к начальнику штаба, спросил:

— Сколько потеряли людей?

Шевчук доложил. К счастью, потери в людском составе оказались незначительными, зато полковая и противотанковые батареи полностью достались противнику. В боевой истории полка это был первый случай. На войне процесс расследования весьма краток и анализ событий предельно беспощаден. Таков суровый закон войны. Выслушав доклад комбата Ченцова и его заместителя по политической части Валентина Ковалева, Кушнарев сказал им только одно слово:

— Труссы.

Это, пожалуй, было самое худшее наказание для всех, кто участвовал в этом бою.

— Товарищ гвардии подполковник, разрешите мне... — сильным, ломающимся баском заговорил Ченцов.

— По всем вопросам обращайтесь к капитану Бражникову. Ему поручено возглавить боевую группу, которая должна взять совхоз во что бы то ни стало к утру завтрашнего дня. Ты согласен, Бражников, возглавить эту операцию? — в упор посматривая на меня, спросил Кушнарев.

Вопрос не застал меня врасплох. Сейчас мой эскадрон был самый боеспособный, и командир полка на всякий случай держал его в резерве. Однако даже всех

средств, вместе взятых, которыми мы теперь располагали для овладения совхозом, было явно недостаточно. Прежде чем дать согласие на явно безнадежную операцию, я сказал об этом командиру полка.

— Мы об этом уже подумали вместе с командиром дивизии. Нам придадут танковый батальон и два эскадрона из полка Федотова. Общее руководство поручено мне. Так что вместе будем драться. А этих горе-пушкарей,— кивая на растерянного Ченцова,— можешь использовать по своему усмотрению. Назначай их командирами отделений, посылай в разведку. Пусть хоть издали взглянут на свои пушечки... В общем используй этот высокообразованный комсостав на все сто процентов. Впрочем, они сами в этом заинтересованы больше всех. А сейчас быстро скачи к Федотову, забирай людей и вместе со своим эскадром выдвигайся в район Карпешки. Вот пока и все, товарищи. По местам!

...Майора Федотова я разыскал около старого блиндажа, переоборудованного в командный пункт. На кромку молодого хвойного леса, где расположился штаб полка, изредка долетали далекие пули, вспугивая притаившихся на ветках красноперых дроздов. Один из них сидел с распущенными крыльями у ног Федотова, грустно поглядывая крохотными глазками на раскрошенную перед ним трофейную галету. Другие три птицы перескакивали с ветки на ветку, беспокойно поглядывая на попавшего в беду товарища.

Накинув на плечи синюю венгерку, Федотов сидел у входа в блиндаж и пришивал к гимнастерке чистый подворотничок.

— Ну что, гренадер, не ешь?— небрежно поздоровавшись со мной, проговорил Федотов. В эту минуту, очевидно, его больше всего интересовала птица с подбитым крылом, а не моя персона.

— Правда, похож на кутузовского гренадера, а?— не обращая внимания на мое нетерпение, продолжал майор.— Гляди! Красный нагрудник, белые панталончики! Красотища солдат!

— Послушай, майор. Ты приказ получил?— спросил я.

— Это насчет людей, что ли?— подняв на меня глаза, спросил Федотов.

— Да.

— Люди выделены. Сейчас подойдут. Садись, подожди маленько.

— Ждать некогда,— сказал я. Мне неприятен был чисто выбритый майор и его беспечный вид и эта жалкая птичка с кровавыми на белом пуху крапинками. Перед моими глазами еще стояли наши командиры с серыми, измятыми лицами.

— Не торопись к богу в рай. Я тебе выделил тридцать два человека и четыре станковых пулемета.

— В приказе комдива сказано, что вы должны выделить два эскадрона.

— У нас в эскадронах скоро останутся одни номера, понятно? Скажи спасибо, что это даю. Я сам сегодня отбил четыре атаки и сижу на фу-фу... Если противник взломает нашу оборону и на большаке, то нам всем крышка! У тебя какая задача?— спросил Федотов.

Я объяснил в общих чертах.

— Плохи твои дела...

— Почему? Мне дают танковый батальон.

— А бронепоезд? Сколько ты получишь танков, ну максимум четыре, и то сомнительно. У них, кажется, плохо с горючим. Тут надо что-то придумать,— сказал Федотов и, сбросив с плеч венгерку, стал надевать гимнастерку с гвардейским значком на груди и орденом Красной Звезды.

— Что, например?— спросил я.

— Прежде всего разведать хорошенько. Без этого и не суйся. Побьют зря.

— Совет дельный, но не новый,— ответил я.— Еще что посоветуешь?

— Нужно напасть внезапно и на самом рассвете, когда козявки спать любят...

— Все это, товарищ майор, хорошо известно из приказа...

— Приказ приказом, а ты все-таки сам поломай башку, если хочешь удержать ее на плечах... Я поблагодарил его за совет и решил встретить людей на подходе. Начальник штаба полка, старший лейтенант Головятенко позвонил, что группа уже вышла с переднего края обороны. Я встретил колонну на дороге и ужаснулся. В замерзших, коробящихся плащпалатках они медленно тянулись по просеке, волоча по снегу станковые пулеметы. Как выяснилось, они третьи сутки не вылезали из холод-

ных окопов и отбивали по несколько атак в день. Объяснив командирам маршрут движения, я приказал садиться на коней и двигаться к Карпешкам. Сам же направился с Калибеком в штаб танковой бригады. Там уже, оказывается, побывал Кушнарев. Вместо четырех танков, комбриг выделил только одну «тридцатьчетверку».

— Ну как же так, товарищ полковник?— растерянно говорил я.

— Очень просто, дорогой! Я бы не только четыре, но мог и десять дать,— с любезной на широком потемневшем лице улыбкой отвечал невысокий в черном комбинезоне комбриг Иртышов.

— Есть же приказ командующего группой, генерала Вишнякова!— настаивал я.

— А разве я отказываюсь выполнить приказ? Сейчас здесь был ваш командир полка, и я при нем открыл все свои козыри. Вон смотри, голуба моя, машины стоят.— Полковник широким жестом руки показал на замаскированные в кустах больше десятка танков.— Это мой резерв. Сейчас в твоём присутствии выкачаю горючее из четырех баков и залью в один. Вчера, когда цистерны с горючим шли сюда, зажег, подлец, фашистский стервятник. А сегодня, сам знаешь, полоса прорыва закрылась. Разве я сам не заинтересован в успехе операции? А тут напор со всех сторон. Стою на мертвых точках, и никакого маневра! Так-то!

С тяжелым, угнетенным чувством сумерками я возвратился к месту сосредоточения подразделений, которым предстояло участвовать в предстоящем до смешного неравном бою.

Меня встретили Сергей Бодров и Хугандуков. Они укрыли людей в большом скотном сарае, единственной постройке, уцелевшей от деревни Карпешки. Мы располагали, как доложил мне Сергей, примерно ста тридцатью бойцами и командирами при четырех станковых пулеметах, девяти ручных, двумя батальонными минометами и одним танком. Перед нами стоял бронепоезд из шести платформ, подкрепленный свежим, только что выгрузившимся батальоном пехоты, имевшей шесть орудий и свыше десятка минометов. Тут же на запасных путях дымил ремонтный поезд, прибывший для восстановления железнодорожной линии. На его платформе, как выяснилось позже, тоже стояли зенитные орудия и крупнока-

либерные пулеметы. Я сначала решил осмотреть оружие и приказал выстроить людей прямо в сарае. Первое, что меня немного ободрило, — это оружие. Оно оказалось в полной исправности и было готово к бою. Но все же чувство ответственности, которую я на себя принял, давило меня тяжким, непосильным грузом. При свете небольших разведенных посредине сарая костров на меня пристально, испытующе смотрели больше ста пар глаз, как будто заранее зная, что я начинаю затевать бессмысленное кровавое дело, обреченное на явный провал. Они ждали от меня не только высокопарных слов, но и конкретных практических решений. Я же на самом деле в эту минуту настолько был далек от решения задачи, что не мог сказать им ни одного путного слова о предстоящей задаче. В моей голове не было ни единой значительной мысли, которую я мог бы сообщить людям, ожидавшим моих решений. Перед глазами стоял фашистский бронепоезд с наведенными на нас дулами орудий, зловеще дымил и все застилал мрачным туманом.

Те минуты, когда я беспомощно топтался перед выстроенными бойцами и командирами, для меня тоже были грозовой тучей, которую я вместе с ними должен был пережить. Больше всего я опасался, чтобы люди не заметили моей неуверенности, мало того, отдавая предварительный боевой приказ, я должен, как их командир, вселить уверенность, что мы непременно победим, хотя шансов на это у меня не было даже тысячной доли... Что я должен был сказать своим боевым товарищам? Слова, не подкрепленные железной логикой фактов, это пустой звук. Пустить все по шаблону на обычный самотек и сделать вид, что я выполняю только приказ, не позволяла совесть. Отдавая боевой приказ, Шевчук мне прямо сказал, что я иду на безнадежное дело. Командир полка тоже намекнул, что я должен прежде всего сманеврировать... Я понял, что, как честный человек, всю ответственность за последствия он берет на себя.

От костерчиков и полтораста людских тел в сарае с каждой минутой становилось все теплее и теплее. После команды «Вольно» люди переминались с ноги на ногу и ждали моих слов. Обычные слова как-то уже надоели и застревали в горле. Подавив волнение я путано произнес короткие фразы боевого приказа:

— Утром будем брать совхоз и станцию. Известно,

что туда прибыл бронепоезд противника и выбил наши части. Линия прорыва теперь закрыта. Мы должны ее открыть. Нам придали танки... — У меня почему-то не повернулся язык сказать, что мы имеем только один танк. На секунду я умолк и неожиданно выпалил: — Бронепоезд беру на себя, а ваша задача ворваться в совхоз. Подробности всей боевой операции разъясним перед атакой...

Я снова замолчал, ибо никаких «подробностей» у меня не было и пока быть не могло.

— А сейчас, товарищи, пока варится ужин, необходимо еще раз проверить оружие, почистить его, крепко покушать и еще крепче поспать. Все, товарищи! Разойдись! — с облегчением закончил я и устало присел к маленькому костру.

После команды «Вольно» раздались голоса:

— Вот это правильно! Дельно!

— Вари коровятину, гвардия! Кашевары, живо!

В сарае поднялся шум, возня. Зашуршали сбрасываемые с плеч плащ-палатки. Звенели котелки, ложки, особенно звучно гремели набитые патронами пулеметные диски, трещали ломаемые от коровьих стойл доски, ярче разгорались костры. Продрогшие люди протягивали руки к костру и подбрасывали мне отдельные вопросы.

— Товарищ капитан, много в совхозе немцев-то? — сверкая лукавыми глазами, спросил Мишка Сидоренко.

— На твою долю хватит, и нам еще останется, однако, — ответил Хугандуков.

— Я усурьез, товарищ капитан... Может, под утречко сонненьких выманить да в конном строю посесть, а? Раз, раз! — взмахивал кулаком Мишка, любитель конной атаки.

— А бронепоезд? Он тебе покажет раз, — зашумели на него бойцы.

— Ну и хай бронепоезд, — огрызнулся Сидоренко. С ухмылкой посматривая на меня, добавил: — Бронепоезд товарищ капитан на себя взял.

— Из танка его, конечно, можно трахнуть, — неуверенно подтвердил Хугандуков.

— Можно, — снова заверил я, сам еще не зная, как сумею выполнить свое обещание. Однако на душе стало менее тревожно, чем вначале. Я видел, что от моих слов люди повеселели. Одни подкидывали в костер дрова, дру-

гие набивали в подсумки патроны, осматривали оружие, деловито готовясь к предстоящему бою, как к самому обычному будничному событию...

Посоветовавшись с командным составом, я распределил людей на четыре группы, примерно по два десятка в каждой. Пятую оставил в свой резерв, на всякий случай... Вообще остатки людей я пересортировал по своему усмотрению, мысленно превратив боевые подразделения в маленький, но довольно крепкий полчок. Назначил командирами групп Сергея Орлова, Алексея Архипова, Конявского и Лавриненко. Командирами отделений стали командиры взводов. Оставшихся без пушек батарейцев превратил в усиленную разведгруппу, которую возглавили комбат Ченцов и его замполит Валентин Ковалев.

— Стихия! — заслушав мой приказ, сказал Ченцов. — Что же нам прикажете делать? — спросил он.

— Тебе прикажу разведать деревню Белохвостово, а Ковалеву уточнить обстановку в совхозе. — Тут же во всех деталях я поставил перед ними задачу.

— Будет выполнено, товарищ командарм, — вскидывая автомат на плечо, ответил Ченцов шутливо.

— Надеюсь, товарищ бывший комбат, — ответил я ему в тон, давая этим понять, что шутить я вовсе ненамерен.

— Лежачих не бьют, товарищ капитан, — тихо проговорил Ченцов.

— Лежачих поднимают, если они в состоянии подняться. Желаю успеха, комбат, — ответил я кратко и жестко.

— Спасибо.

Разведчики покинули сарай. Погревшись у костра, мы с Сергеем Орловым вышли на воздух, присели на старые дровни и стали наблюдать за совхозом. Совхоз «Надеждино» расположен на невысоком бугре, в ста метрах от железнодорожной станции. Между совхозом и деревней Белохвостово протекает речушка Карпешка, густо заросшая ольхой, тальником и мелкими, но пышными елочками, уютно торчащими на белом снегу. От опушки леса, где стоит наш сарай, до Надеждина тянется широкое, километра на два поле, пересеченное овражком.

За этим овражком Карпешка круто заворачивает на

юго-восток и уходит в бетонную трубу под железнодорожную насыпь. Эстакада и насыпь нами взорваны. Сейчас к ней почти вплотную маленький паровозик подтянул ремонтный поезд. Слышатся гортанные крики немцев, гулкий звон сбрасываемых с платформы рельсов, стук тяжелых молотков. Противник восстанавливает разрушенный путь. В этом вся загвоздка. Противник попал в трудное положение. Вот уже три дня поезда ходить не могут. Питание Ржевской группировки захлебнулось. Для того чтобы восстановить движение, фашисты пододвинули на хвост ремонтного поезда резервный батальон, прикрытый бронепоездом. Серый смертоносный утюг паровоза, одетый в броню, расписанный желтыми крестами, густо дымит и выбрасывает искры. Вечернее небо бороздят зеленые змейки ракет. Изредка стучат пулеметы, вспарывая небо стежками трассирующих пуль.

За линией железной дороги, к востоку от Надеждина, почти непрерывно гремит артиллерийский бой. Играют «катюши» долго, грозно. Это наступают войска нашей армии, пытаясь расширить полосу прорыва.

Мы наблюдаем за совхозом и молчим. А бронепоезд дымит, кидает в небо зловещие огоньки. «Ты его, гвардии капитан Бражников, хвастливо взял на себя,—будоражит мои мысли внутренний издевательский голосок. — Какое же ты примешь решение? Ты знаешь, что собой представляет этот бронированный утюжок из шести платформ? Сколько у него мощных орудий и крупнокалиберных пулеметов? Можешь изображать из себя командующего сколько твоей душе угодно, произнести хоть еще десять самых прочувственных речей, но решения, как одолеть эту махину, у тебя никакого нет... Ну пойдешь ты в наступление с одним танком, ну пустит он несколько бронбойных снарядов, а дальше что? А дальше в ответ ты получишь целый артиллерийский залп, и вспыхнет твой танк, как спичечный коробок...» Серое чудище продолжает пыхтеть, отдувается зловещими искрами и приглушенно ворчит работающим дизелем.

— Вот гад, а! — неволью вырывается у меня.

— Ты о чем, Максим? — спрашивает Сергей. Может, и сам он в эту минуту думал о том же, о чем и я. А подумать ему следовало: ведь в этом бою я назначил его своим заместителем.

— Дымит подлый, — отвечаю я.

— Дымит, — со вздохом отвечает Орлов.

— Ты иди в сарай и проследи за порядком, а я к танкистам наведуясь, — говорю я Сергею.

Но Орлов не уходит, чего-то ждет. Не вытерпев, спрашивает, есть ли у меня предварительный план боя. Ведь нужно же что-то наметить, прикинуть, решить...

— Решение приму, когда вернется разведка, — твердо и резко отвечаю.

— Добро.

Орлов, тяжело давя сапогами хрустящий снег, медленно шагает к сараю и скрывается в дверях. Зябко кутаясь в бурку, я остаюсь наедине со своими тревожными мыслями. Отлично понимаю и отдаю себе отчет, что и после возвращения разведки мне очень будет трудно принять какое-либо решение. Слишком неравны наши силы. По сути дела все уже ясно, как дважды два. У меня будет единственный шанс: внезапность, но бронепоезд очень крепкий орешек, и одним танком его вряд ли расколешь... Была бы хоть парочка хороших пушек, но их нет. Полковник Жмоллов, между прочим, обещал поддержку штурмовой авиации, но это свежо предание... Пока свяжутся по радию со штабом армии, уточнят координаты, поднимут в воздух самолеты, нужно время. Откровенно говоря, в такую оперативность я не верил. Впервые за всю войну я почувствовал, что нахожусь в безвыходном положении. Однако, как ни странно, далеко, в глубине сознания оставалась крошечная долька уверенности, что мы все-таки расколем этот проклятый бронепоезд. Ведь стоит только подкрасться на верный выстрел и ударить беглым... Естественно, что жизнь всегда цепляется за всякий спасательный крючок... Сейчас таким крючком был у меня грозный Т-34. Поднявшись, я направился к танкистам. Не дойдя до кустов, где урчал на малых оборотах мотор, я остановился. Встретив меня, командир танка лейтенант Бурденко тоже скажет: «Ну, начальник, принял решение, как будем драться? Ставь задачу». Опять эта проклятая задача. Нелепо, конечно, было торчать на снегу и осмысливать свою стратегию, когда из открытого люка доносится разговор и приглушенный смехок. Аппетитно пахло варевом. Танкисты, как ни в чем не бывало, зубоскалили между собой и ели ароматную говядину. Мне тоже захотелось есть. Решил подойти поближе и принять участие

в трапезе, но в это время меня окликнули. Почему-то очень уж быстро из разведки вернулся комбат Ченцов и с ходу доложил, что в деревне Белохвостово противника нет. Я даже не верил своим ушам.

— Быть этого не может! — возбужденно воскликнул я.

— Ну, знаете, товарищ капитан, такими вещами не шутят. Я фальшивками не занимаюсь, — обиженно заявил Ченцов.

— Подожди, подожди. Ничего не понимаю. Ты так скоро сбегал, — бормотал я.

— Знаю, что это очень важно, потому и скоро. Всю деревню излазили. Нашли несколько семей колхозников, в землянках прячутся.

— Отлично, комбат! Тебе придется сейчас же вернуться обратно.

Решение пришло мгновенно. Оно было настолько ясным в своей простоте, что не пришлось долго раздумывать, да и времени для этого не было.

— Вы что, на самом деле не хотите мне верить? — официально сердитым голосом спросил Ченцов.

— Наоборот, друг мой Саша, очень верю. Ты спасешь положение и вернешь себе свои племенные пушки, — подогрел я комбата.

— Каким образом? — удивленно спросил он.

— Слушай: возьмешь один ручной пулемет и несколько человек автоматчиков и быстренько назад. Найди хорошее укрытие, занимай его и будь полновластным начальником гарнизона...

— С правами генерал-губернатора или как? — ехидно спросил Ченцов.

— С полной властью князя Белохвостинского выставишь наблюдателя. Как только увидишь сигнал — две наши красные ракеты — немедленно открывай пулеметный огонь по ремонтному поезду и совхозу. Это будет как раз перед рассветом, когда фрицев начнет одолевать сон.

— Ручным пулеметом, товарищ капитан, мне бронепоезда бить еще не приходилось...

— Это не твоя забота, комбат. Ты только вбулгачь их и не давай им ни минуты покоя. Это все, что нам от тебя нужно.

— Ага! — Ченцов задумался.

— Что, ага?

— Значит, ты решил подтащить танк на прямую наводку? — спросил он тихо.

— Ты догадливый.

— Соображаю трошки. Все ясно. Уж я их растревожу. Будьте уверены! Разрешите действовать?

— По-гвардейски чтобы, ясно?

— Само собой!

Мы обнялись, помолчали. Повернув его лицом к сараю, я толкнул Сашу на снежную тропку, а сам пошел к танку, вскарабкался к башне, заглянув в люк, негромко крикнул:

— Принимайте гостя, товарищи!

— Для гостей наберем костей. Зараз, товарищ капитан, потеснимся чуток, — отозвался лейтенант Бурденко.

Танкисты ужинали. Внутри хотя и было тесно, зато тепло. Маленькая электрическая лампочка от аккумулятора давала почти нормальный свет. Меня усадили рядом с водителем на место пулеметчика. Широколицый чумазый башенный стрелок заботливо протянул мне котелок с дымящейся говядиной.

— Задача-то, товарищ капитан, того... аховая, — с хрустом обгладывая кость, сказал Бурденко.

— Обыкновенная боевая задача, — спокойным и твердым голосом ответил я.

— Скажем прямо, не очень обыкновенная, — густоватым басом заметил старшина водитель танка и ложкой выловил из котелка здоровенный кусок мяса.

Это был чисто выбритый, с крупными чертами лица парень. Ребристый шлем он сдвинул на затылок. На высоком открытом лбу поверх правой брови виднелся широкий рубец со свежими точками розового шва.

«Этот уже меченый», — подумалось мне. Не спуская с водителя глаз спросил:

— Почему вы считаете нашу задачу какой-то особенной?

— Потому, что один танк против бронепоезда. Вы что, не знаете, что в таких случаях нужны для прикрытия хотя бы пушки, — ответил старшина.

— Он верно говорит, — подтвердил Бурденко.

— Плохо ли иметь пушки! Но у нас все же есть преимущество, — возразил я.

— Какое, например? — хмуро спросил старшина.

— Бронепоезд скован в движении. У него одна ленточка — линия железной дороги, а мы как угодно можем маневрировать и расстреливать его в упор.

— Тоже правильно, конечно, — согласился старшина.

В голосе водителя я все же почувствовал сомнение. Хорошо зная этот боевой и стреляный народ, я решил чуть-чуть ударить по их самолюбию.

— Говорите «правильно», а в душе червячок... Бойтесь, что ли?

— Это мы-то боимся! — крикнул Бурденко и, склонившись ко мне, горячо зашептал: — Не в таких переделках бывали, товарищ капитан гвардии. И горели — да не сгорели, по минным полям на полной скорости бегали, по болотам лазили, по оврагам кувыркались, по трескучему льду утюжили. Зря вы нас, капитан, обижаете. Мы сманеврируем, нам бы только скрытно поближе подойти. Так влепим подкалиберным, брызги полетят!

— Подойдем. Это я вам обещаю. — Я сунул котелок под ноги и, развернув на коленях карту, стал объяснять задачу. С приходом Ченцова она у меня созрела сразу.

Мой тактический замысел заключался в следующем. Не заняв Белохвостова, противник допустил грубейшую ошибку: он лишил себя удобнейшего участка наблюдения и по существу открыл свой левый фланг. Я решил этим воспользоваться. Хотя и малыми силами, но деревню занял и тем самым обеспечил прикрытие своего правого фланга, зная, что Ченцов сядет там прочно и наделает шумихи больше чем достаточно. Наше преимущество теперь уже явно вырисовывалось. Росший по берегам речушки густой кустарник служил хорошей маскировкой и давал возможность подойти танку к бронепоезду почти вплотную. По моему замыслу, Ченцов должен был отвлечь немцев и заставить их, как обычно, открыть безалаберную пальбу по Белохвостову. Я безошибочно определил, что в грохоте орудийной и пулеметной стрельбы не будет слышно шума танкового мотора, и это позволит могучей машине подойти на самое близкое расстояние и бить наверняка. Именно только внезапность и верный удар могли решить исход дела.

— Да вы мудрец, товарищ капитан! — заметил мало-разговорчивый водитель. — Так можно сманеврировать по первому классу.

— Подожди, старшина, хвалить. Вот выполним задачу, тогда и узнаем, чего мы стоим.

Мысленно я давно уже решил для себя, что наступать буду на танке и мне нужно договориться с экипажем о сигнализации, для этой цели я попросил у танкистов железяку.

— Зачем она вам? — удивленно спросил Бурденко. — Могу предложить комбинированный ключ, им можно любого фрица пристукнуть...

— Шутки в сторону хлопцы. Танк поведете на малой скорости. Я буду с группой автоматчиков сидеть за башней и наблюдать. Как только приблизимся к цели, мы спрыгнем. Ударю этой штукой по башне, наводи и бей. Ударю несколько раз подряд, кройте беглым! Кроме того, направление буду давать зелеными ракетами. Бронепоезд мы должны разбить с ходу. Только так! После этого поворачивайте на совхоз, врывайтесь на полном ходу и лупите по паровозу ремонтного поезда. Эта коробка без брони... К этому времени наши люди будут уже на окраине и одновременно пойдут в атаку.

Таким образом, поставив танкистам задачу, я вылез из танка и пошел в сарай. Накормленные люди спали вповалку. Только дневальные сидели у небольших костров и негромко разговаривали. Разыскав Мулдасанова, спавшего в коровьем станке, я присел рядом. Чутко спавший Калибек тотчас же поднялся и укоризненно покачал головой.

— Даже кушать не пришли. Сто раз котелок подогревал, теперь он опять холодный стоит. Никуда не годится, — ворчал Калибек.

— А чего же не позвал?

— Хо-хо! Два раза или три подходил к танку. А тот черный стрелок сидит на башне, как беркут в гнезде, и прочь гонит. «Зачем нужен капитан?» — спрашивает. «Кушать готово», — объясняю ему. «Ничего, — говорит, — потерпит твой начальник, с голоду не помирает... Ему сейчас не до говядины». А сам, шайтан, на два кило мосол грызет!

Я молча посмеиваюсь. Настроение такое уверенное и бодрое, даже и спать не хочется.

— Я ему говорю: сам, поди, сколько уж махану слопал?

— Сколько положено, столько и съел...

— Ему тоже положено кушать. Доложи, что ужин готов, простынет.

— Подогреешь, не очень великий птиц... Иди, — говорит, — и не болтайся тут возля машин, а то пушку наведу, да как трахну. Совсем озорник парень! Сейчас я котелок на огонь быстро поставлю. Быстро все сделаем. Погоди маленько.

— Не нужно, Калибек. Я сыт.

— Почему сыт? Кто кормил? — ревниво спрашивает он.

— Да тот же башенный стрелок, с которым ты бранился, — ответил я и засмеялся.

— Он самый? Вот шерт! Башку мне крутил, овечий потрох, смеялся, значит, верблюжий сын, — уже добродушно продолжал Калибек, безбожно коверкая набор русских слов.

— Значит, не будете кушать?

— Не хочу, Калибек.

— Тогда хоть поспите мало-мало.

— Это можно, — отвечаю я ему.

Постель мне уже заранее приготовлена. В коровий станок брошено несколько снопов ржаной соломы, а поверх расстелена фланелевая конская попона. Не снимая снаряжения, прилег и укрылся буркой. Но заснуть так и не мог. Лежал и обдумывал предстоящую операцию до самых мельчайших деталей. Решил, что в три ноль ноль разбуду командиров, еще раз проведу короткое совещание, выслушаю их мнение и отдам свой приказ. Потом выстроим всех бойцов, и я подробно объясню боевую задачу. Группа № 1 без всякого шума должна скрытно к определенному времени выйти на северную окраину Надеждино, группа № 2 будет наступать с северо-запада, группа № 3 — фронтально с запада, четвертая — с юго-запада. С ружьями ПТР она будет двигаться параллельно движению танка вдоль речки. Группа № 5 — разведчики, связные и мой резерв. С частью своего малочисленного резерва сяду на танк, а оставшаяся часть во главе с Семеном Хугандуковым должна двигаться позади танка в качестве прикрытия и вообще на всякий случай будет у меня под руками. В совхоз все группы врываются одновременно, стремительным броском, под прикрытием станковых пулеметов и минометов, которые будут находиться на правом фланге лобовой группы. Начало

атаки по сигналу красных ракет. Так предварительно я представлял себе план предстоящего боя.

...Вот оно и утро. Морозно. В небе, словно начищенные пуговицы, поблескивают звезды. Люди в белых маскировочных, доставленных с вечера халатах выстроены. Они стоят в темноте словно белые призраки. Неподалеку, в заиндевевшем кустарнике, от усиленной работы мотора вздрагивает могучий танк. Ровно и четко бьется его сердце, так же, как и сердца солдат, с уважением посматривающих на эту умную и грозную машину.

Совещание с командным составом проведено, задача объяснена во всех подробностях, кажется, предусмотрены все неожиданности, а там бог его знает. Я произнес краткую напутственную речь, в пределах долга и чести нашего гвардейского знамени и так далее.

Утапывая снег, колонны перестроились и двинулись каждая в своем направлении. Прикрываясь темнотой и морозным туманом, им надо преодолеть пространство как можно раньше, чем это может сделать танк. При приближении к окраинам совхоза придется ползти по снегу, чтобы потом сделать короткий и стремительный бросок. Люди из резервной группы сигнала окружили танк плотным кольцом. Каждому хочется стальную броню тронуть рукой. Сегодня эта «тридцатьчетверка» как-то особенно дорога, наверное, потому, что она дерзко пойдет на единоборство с мрачно пытящим бронепоездом, вооруженным сильной разнокалиберной артиллерией. Это будет нелегкое единоборство. Кавалеристы всем интересуются. Тот же чумазый башенный стрелок, высунувшись до пояса из башни, отвечает на вопросы.

— Сколько имеет в час ходу? — спрашивает молодой казачок Алеша Медведев, тот самый, что когда-то грыз сухарь и выслушивал «науку» Васи Громова о гребешках. Это было в день гибели Горностая.

— Триста и восемьдесят с гаком, — поясняет чумазый.

— Ну и загнул!

— Хошь верь, хошь нет, дело ваше.

— А сколько в час может выкинуть снарядов?

— На два с полтиной. По норме, — невозмутимо отвечает танкист и вызывает веселый смешок.

— Тихо! — раздается сердитый голос Хугандукова.

— Торчит, як чертяка в трубе, и врет. Ой же и брехун! — покачивает головой Алеша Медведев.

— Брешут казаки в зубах с удилом да попы с кадиллом. Сколько тебе, дите, годочков?— спрашивает танкист.

— Сколько есть, все мои, а тебе?

— Мне уже сто лет, со вчерашнего дня пошел сто первый... Еще какие будут вопросы по материально-технической части? — раздаётся из-под шлема воркующий голос чумазого.

— Гу-гу, хы, ха-ха! — приглушенно гогочут кавалеристы, любители острой шутки. — Ну и друг, где ты уродился такой чудодей?

— На планете Марс! — Чумазый тычет указательным пальцем в небо и неожиданно с паническим шепотом добавляет: — Эй, урядник, убери с гусеницы ручищу, верзила, изломаешь...

Здоровенный усач-казак торопливо отдергивает руку. Чумазый, откинув голову, хватается за живот. Приглушенный смех томительно стынет в холодном воздухе. Алеша все не унимается и продолжает расспрашивать.

— Скажи, когда бьешь из пушки, башка, поди, трещит в твоей коробке?

— А я лобик свой прижимаю вот так! — Парень натягивает ребристый шлем и точно воспроизводит момент выстрела. Но те, кто не искушен в этом деле, ему уже не верят.

Я стою поодаль, не вмешиваюсь и не прерываю солдатской беседы, а только еще раз дивлюсь неукротимой жизнеспособности русского человека, способного даже умереть с шуткой.

Утро начинает заметно светлеть. Мотор ритмично и добродушно стучит. Студено вздрагивают запорошенные снежком елки. В сарае всхрапывают изредка, повизгивают отдохнувшие кони. Чувствую по времени, что пора давать сигнал. Подзываю Хугандукова и отдаю приказание. Через минуту в воздухе подряд хлопнули два выстрела. В небе одна за другой взвиваются две ракеты. Все притихли. Только слышно, как хрупко потрескивает под ногами снег. Люди беспокойно перетаптываются с ноги на ногу. Усиленно запахло махоркой.

Я напряженно жду, когда откроет огонь Ченцов, но он пока молчит. В чем дело? Время тянется бесконечно долго, и я начинаю нервничать, а перед боем это самое последнее для командира дело. Наконец в Белохвостове хлестко начинает работать ручной пулемет. Все в поряд-

ке, и волнение мое было напрасным. Оказывается, после того как Хугандуков дал сигнал, прошло не более трех минут. Противник всполошился не сразу. Видимо, фашисты не разобрались спросонок, что и почему. Но вот со стороны Надеждина ответили шквальным пулеметным и автоматным огнем. В сторону Белохвостова потекли строчки трассирующих пуль. Туманное утро расколол яростный грохот. Я быстро отдаю приказ залезать на танк. Чумазый юркнул в люк и захлопнул его.

— Спрыгивать с танка только по моей команде, — говорю я бойцам. — Ложиться на снег задом к танку, чтобы не оглушило. Понятно?

— Понятно, товарищ капитан, — раздаются хриповатые, напряженные голоса.

Алеша Медведев жмется ко мне. Он теперь мой постоянный связной, выполняет свои обязанности с великим рвением и не отходит от меня ни на шаг. Покачиваясь в рытвинах и на кочках, гремя гусеницами, боевая машина, ломая кустарники, поползла вдоль речки. Зажав в руке тяжелый комбинированный ключ, я маячу в белом полушубке за башней, давя холодный металл грудью, не спускаю глаз с дымящегося бронепоезда. Все должно решиться за несколько минут, если противник не заметит вовремя нашей камуфлированной мишени. Мне начинает казаться, что я вижу наведенные на танк стволы вражеских пушек. Напряжение предельно нарастает, и я каждую секунду жду встречного снаряда. Не прибавляя скорости, танк, вздрагивая, ползет вперед, разбрасывая дымящиеся кучи хрупкого, перемолотого гусеницами снега. Вот уже скоро кончается кустарник. Машина вскарабкивается на бугорок, отчетливо виден корпус одетого в броню паровоза, желтый крест и серые утюги передних платформ. «Восемьсот метров», — мысленно прикидываю расстояние. Как раз то, что нам необходимо. Подаю команду:

— Слезай!

Бойцы, как белые мячики, на ходу прыгают один за другим в глубокий снег и зарываются в него головами, словно в мягкую подушку. Я остаюсь на танке один, взмахнув ключом, резко ударяю по башне. Танк останавливается. Длинный хобот орудия медленно поднимается вверх. Я тоже лечу в сугроб, падая, тут же вскакивая, делаю несколько шагов и снова плюхаюсь в снег. Уже

после грохочущего выстрела открываю рот и зажимаю глаза... Запоздалый рефлекс! После второго выстрела поворачиваю голову и вижу, как вокруг бронированного паровоза веером брызнули ослепительные искры. Кажется, пошел уже третий снаряд. Паровоз начинает усиленно дымить. Вскрываю, подбегаю к танку и беспорядочно колочу по броне несколько раз, требуя беглого огня. Мне хочется смести это вражеское чудовище с лица земли. Бурденко посылает один снаряд за другим, четко, методично. Платформы все гуще обволакиваются дымом. Не то горят, не то маскируются дымовыми шапками. От взрывов на одной из платформ вспыхивает голубое пламя. Сам черт не разберет, что это такое. Гул, треск. В стороне от нас за речкой поднимаются черные взбросы и далеко раскидывают мерзлые комья земли. Швырнув несколько снарядов на снежное поле и по деревне Белохвостово, бронепоезд зажег постройки и начал пятиться назад, усиливая ход все больше и больше, скрылся за поворотом в направлении Сычевки. Вслед ему с визгом летят из танковой пушки снаряды.

— Удирает, гад, бежит! — орет кто-то восторженно.

Как после выяснилось, подбитый нами бронепоезд, не дойдя до следующего полустанка, на крутом повороте сошел с рельсов.

Прекратив стрельбу, танк остановился. Из люка высунулась в черном ребристом шлеме голова лейтенанта Бурденко. Сверля мою фигуру воспаленными глазами, он задорно крикнул:

— Ну как!

— Порядок! — ору я ему в ответ. — Молодцы! Поворачивай на совхоз! На совхоз! Бей по ремонтному поезду, бей!

— Лады, капитан! — кричит в ответ лейтенант, которого я готов расцеловать в задубелые щеки, и быстро скрывается в башне танка. Снова взревел мотор. Давя гусеницами снежную целину, машина двинулась вперед. Вижу, как длинный, словно живой, ствол орудия поворачивается, шарит надульником по усиленно запыхтевшему беззащитному паровозу и бьет прямой наводкой. Тяжело ухаает взрыв, затем слепящая глаза вспышка. С паровоза снаряд срезает трубу. Товарные вагоны и платформы охватывает пламя. Обернувшись к Медведеву, кричу:

— Медведев! Ракеты!

Алексей, отойдя в сторонку, поднимает вверх ракетный пистолет. В небо со свистом летят красные ленты и с треском лопаются в расветной изморози. В спешке я забыл отдать танкистам ключ. Сую его в карман полушубка и выхватываю из кобуры пистолет. Командую: «Замной», проваливаясь в снег, бегу вслед за танком, не отстает и Алеша Медведев. Он связной, а это живая цепочка между командиром и подразделениями, которыми он управляет в бою. Оборвалась эта цепочка — нет управления. Но сейчас в разгар атаки можно управлять только сигнальными ракетами. Сбоку, на левом фланге окраины совхоза яростно заклокотала пулеметная стрельба. Редко, но увесисто, бьют минометы лейтенанта Георгия Бабкина. Гога знает свое дело. Слышны истошные крики «ура», они то обрываются, то вновь нарастают с еще большей силой. Соображаю, что это группы Архипова и Каняевского подползли к крайним хатам и, забросав пулеметные посты противника гранатами, дружно ворвались в Надеждино. Однако внезапно застигнутый врасплох противник кое-где начинает приходить в себя, сбивается в отдельные кучки и отчаянно сопротивляется. Прикрываясь огнем автоматов, стремятся спастись за домами и даже в самих домах. В одной из хат засели офицеры-эсэсовцы и простреливают улицу из автоматов. Одними из первых в совхоз ворвался Валентин Ковалев с артиллеристами и отбил свои пушки. Ковалев с обычным для него бесстрашием выкатывает орудие к углу каменного сарая и прямой наводкой бьет по засевшим в хате фашистам. От линии железной дороги, сотрясая мерзлую землю, разворачивается танк Бурденко. Орудийный ствол, покачиваясь, хлестко и гулко выплевывает снаряд прямо в зеленые ставни... Вдруг неожиданно все стихает... Мне даже не верится, что все так быстро завершилось.

...Бой окончен. Сержант Баловнев и Мишка Сидоренков выводят из разрушенных домов пленных. Их много. Зеленые, растерянные лица, с запавшими шальными глазами. Вот в узком прогоне стоит доверху наполненная ящиками машина. К ней подходят разгоряченные бойцы и командиры, наперебой рассказывают друг дру-

гу, кто и как давал духу... Я тоже иду к машине. Люди видели, как я садился в танк, они в знак уважения приветственно размахивают винтовками и автоматами.

— Вот как вас встречают, товарищ капитан, — радостно шепчет идущий позади меня Алеша Медведев.

Вдруг он хватает меня за рукав полушубка, сильным толчком отбрасывает в сторону и сбивает с ног. Падая, услышал, как где-то совсем рядом хлопнул выстрел. Все произошло так быстро, что я даже не успел сообразить, в чем дело. Поднявшись, увидел, как сникшего Алешу Медведева поднимали Хугандуков и Муравьев. Подбежавший санинструктор из полка Федотова расстегивал ему шинель. Оказалось, что в кабине грузовика сидел офицер и целился в меня из пистолета.

Медведев увидел это первым, меня успел оттолкнуть, а сам угодил под пулю. Она ударила ему в грудь и прошла навылет, попутно раздробила Хугандукову палец. Замотав его бинтом, Семен продолжал распоряжаться. Бросившегося бежать эсэсовца схватили. Он вырывался из рук людей, бился в истерике. Смотреть на него было отвратительно. Молодой, с русыми вьющимися волосами, с белыми ощеренными зубами, с гримасой ненависти на тупом полнокровном лице. Его оттащили за дом, и я не остановил расправы. Не мог, хотя и не желал быть жестоким.

В это время из прогона выбежал комбат Ченцов. На обветренном, шелушившемся лице млела наивно-радостная улыбка.

— Все пушечки в исправности! Все! — кричал он зычным голосом. — Слышишь, капитан! Еще трофейных прихватили!

— Дело, комбат, дело, — не глядя на него, проговорил я. Меня охватило гнетущее оцепенение, и я не мог оторвать глаз от умирающего Алеши, пластом лежавшего под высокой, оказавшейся на задворках, копной соломы. У него было совсем юное, мальчишечье лицо, круглая, гладко остриженная голова. Под расстегнутой гимнастеркой виднелся воротник косоворотки, настоящей деревенской рубахи, старательно вышитой, наверное, рукой матери, а может быть, и школьной подружкой... Увидев паренька, Ченцов умолк и притих.

Стало совсем светло. Искрился снежок, тихо падающий на закопченные крыши. Дымно горели железнодо-

рожные платформы. На востоке все еще гремел бой, оглашая пространство тяжелыми гулами.

Медведева унесли. Выслушав сообщения командиров, я устало присел на солому. Страшно хотелось спать, но я знал, что этого делать было нельзя. Задачу мы, конечно, успешно выполнили, совхоз взяли, но его еще надо удержать. Само собой разумелось, что противник будет предпринимать контрмеры. Отдав приказание на подготовку к обороне, я выслал в двух направлениях, по линии железной дороги, усиленную разведку. Прежде всего мне нужно было уточнить обстановку. Я уже примерно знал от Шевчука, что со стороны Вязьмы противник подтягивает крупные резервы и безусловно будет пытаться ликвидировать полосу прорыва. По существу наши дивизии сейчас занимали на большом пространстве полуциркулярную оборону, образуя глубокий клин с весьма слабо прикрытыми флангами. Линии обороны были довольно жидкими. Не имея горючего, танковая группа фактически лишена была подвижности и не могла маневрировать. Правда, меня подкрепили еще одной «тридцатьчетверкой», и танкисты сказали, что ждут бензовозов и еще одну бригаду. Это уже было хорошо. Обе машины я поставил на левом фланге и прикрыл совхоз с севера. На правом сосредоточили нашу многострадальную артиллерию, в центре расположили минометную батарею.

Отослав в штаб донесение, я привалился спиной к скирде. Не хотелось даже двинуться с места. Мягкая солома располагала к отдыху, уюту... Здесь же были со мной Ченцов, Орлов, Ковалев и командир минометной батареи Гога Бабкин. В этом бою, ввиду ограниченности боезапаса, он участвовал мало и выпустил только несколько мин. Сейчас на три ствола у нас было всего 29 мин. Я приказал беречь их на самый крайний случай. Сейчас Гога сидел на охалке соломы и свертывал сигарку. Закурив, беспокойно крутя головой, поглядывал за скирду.

— Ты чего, Бабкин, оглядываешься? — спросил я его.

— Ну и выбрали же местечко! — Гога отгрыз зубами кончик сигарки и презрительно сплюнул.

— Классное место! Тепло и мягко, — с довольной улыбкой на лице беспечно ответил Ченцов.

— Тут задремать можно... навечно... — вдавливая полшубком шуршавшую солому, ответил Бабкин. — Я в

такие классные места всегда посылаю хорошего гостинца. Ну еще подползти, скажем, прикрыться можно, но уж сидеть тут, пардон, все равно, как тот мужик под бороной...

Мы улыгнулись и не придали его страхам никакого значения. Все так вымотались, что подниматься с места просто не хотелось.

Запахавшись от быстрой ходьбы, вернулся Хугандуков. Полы его нового белого полушубка были простреляны и ёрошились клочьями шерсти, на поясе висел трофейный парабеллум. Бережно хороня раненую в рукавике руку, доложил, что нашел блиндаж, где можно организовать командный пункт.

— Укрытие, что надо, под домом, наверное, офицеры жили, полно там разного барахла и продукты есть. Блиндаж такой, что ни один снаряд не возьмет, однако,— добавил он.

— Далеко? — спросил я его.

— Пустяки, триста метров.

— Ладно, веди.

Я решительно поднялся из теплой насиженной ямки и приказал командирам следовать за мной.

Блиндаж, где мы разместили с Орловым свой командный пункт, на самом деле оказался удобным и прочным. Он был расположен в подвале каменного дома. Боковые стороны саперы противника завалили толстым слоем земли, крепко теперь схваченной декабрьским морозом. Очевидно, так называемый бункер служил для офицерского состава надежным убежищем. Внутри, в два яруса были устроены спальные места, застланные новенькими шерстяными одеялами с большим количеством перин, подушек, матрацев. Почти все верхние яруса были завалены чемоданами с офицерским имуществом. Внизу, под спальными местами лежали ящики с продовольствием, вином, свежими фруктами, вплоть до лимонов и апельсинов. Сейчас все это с треском взламывалось, вскрывалось. На длинный стол выкладывали груды консервных банок разных сортов, пачки галет, черный хлеб, завернутый в целлофановую бумагу, — с датой выпечки в 1938 году! Закусывая плиткой шоколада, Ченцов зажег горелку из сухого спирта и пристроил сверху банку с бельгийскими консервами. От кого-то уже ароматно пахло офицерскими духами, ромом и коньячком.

Ко мне подошел Хугандуков и сообщил, что в чемоданах кучи наших советских денег. Некоторые бойцы начинают рассовывать их по карманам.

— Как быть? — спрашивал он.

— Все знаки изъять, подсчитать, сложить в мешок, запечатать и отправить в штаб. Под твою ответственность, — закончил я.

Так и сделали. Позднее крупная сумма нашей советской валюты была отправлена самолетом в Москву.

Сортировка трофеев шла полным ходом, и только я один был равнодушен к этому изобилию. Мне было не до этого. Вернувшийся из штаба дивизии офицер связи Борисенко передал мне, что там не поверили моему донесению и сомневаются, что мы разбили бронепоезд и находимся уже снова в совхозе. Даже посмеялись над тем, что я прошу усилить мою группу десятком танков и пушками... Меня это взорвало. К этому времени я как раз получил донесение от разведчиков. Баловнев сообщил, что к западу от Сычевки, на станцию Скобелево, подошли эшелоны с войсками противника. Многочисленные танки своим ходом съезжают с платформ и сосредотачиваются у леса, вдоль линии железной дороги. Из допроса пленных мы с Орловым узнали, что это вторая и пятая танковые дивизии противника. Я послал связного к Баловневу, снабдил его трофеями и приказал продолжать наблюдение. Очистив край стола, быстро набросал схему своей обороны, указал место командного пункта. Немного поразмыслив, написал второе, очень дерзкое по тону донесение, в котором подчеркнул, что положение мое критическое. Если я не получу подкрепления, то с двумя танками совхоз не удержу. В этом же донесении сообщил, в ехидной форме, что штабу дивизии следовало бы послать ко мне своего наблюдателя, который мог точно, без фантазии информировать командование. Едва успел закончить свою писанину, как блиндаж сотрясло несколько взрывов, огромной по силе мощности. Бежавший Бабкин сообщил, что это наши опоздавшие штурмовики бомбят догорающие вагоны ремонтного поезда... Как потом выяснилось, одна бомба солидного веса угодила по нашим боевым порядкам и расшвыряла подразделение противотанковых ружей. Весь расчет вышел из строя. Уже совсем не стесняясь в выражениях, я дописал в донесение штабу дивизии немало горьких слов.

Отослав с Хугандуковым донесение и деньги, я немножко поел консервов и, отказавшись от выпивки, решил прекратить это трофейное раздолье. Объяснив командирам сложность обстановки, между прочим сказал:

— Тот, кто сегодня напьется пьяным, тот понесет свою голову под мышкой...

— Ясно, товарищ капитан! — ответил старший лейтенант Ченцов, держа в одной руке бутылку с ромом, в другой — пустой стакан.

— Я не шучу, комбат, — строго подтвердил я свое обещание и, наверное, не очень ласково посмотрел на его расплывшееся в улыбке лицо.

— Верю. По глазам твоим вижу... — Ченцов забил ладонью пробку в бутылке и добавил: — Баста. Больше ни грамма.

— Орлов! — обращаясь к Сергею, продолжал я. — Все спиртное сложить в один угол.

— И сжечь! — ввернул Гога Бабкин. Он уже тоже успел слегка подкрепиться.

— Жечь не станем, а часового поставим. А ты, Бабкин, гляди, чтобы у тебя, вместо головы, на плечах не оказалась бутылка... Этот предмет, как известно, очень хрупкий, учти, друг, — сказал Сергей Орлов.

— Учту, товарищ старший лейтенант. — Гога понимал, что Сережа зря слова не скажет. Если обещал, выполнит.

После этого неприятного разговора, к огорчению любителей выпивки, напитки были изъяты и укрыты брезентом. Я разрешил людям отдохнуть. Смертельно устал и сам. Сергей заметил мое состояние и предложил лечь и немного поспать.

— Я знаю, что ты не спал, — сказал он. — Валяй, а я подежурю. Будут важные донесения, разбуду. За левый фланг беспокоиться нечего, там два танка... На правый пошел Ченцов. Тоже, я думаю, не подведет на этот раз.

— Надеюсь, — ответил я.

Едва прилег на приготовленную мне Калибеком постель, возвратился Хугандуков, а с ним прибыли заместитель командира дивизии по политической части полковник Федор Алексеевич Михайлов и Гриша Молостов. Вскочил и подробно доложил обстановку.

— Все это уже подтвердилось, — сказал Михайлов. Уничтожая разогретые на спиртовке консервы, он сдер-

жанно улыбался красивым широкоскулым лицом. Это был умный кадровый политический работник, пользующийся в дивизии большим уважением. Воевал он с первых дней.

— Читал твое донесение. А ты, брат, сердитый,— продолжал он.

— Мне же не поверили! — горячился я.

— Этому трудно было поверить, — признался полковник.

— Слишком силы были неравными, потому и не верилось. Вы просто совершили чудо! — заметил Молостов.

Мне же сейчас ничто уже не казалось чудом. Я думал совсем о другом. Было бы настоящее чудо, если бы мы удержали совхоз до подхода главных сил. Я высказал свое мнение полковнику со всей прямоотой.

— Командование все отлично понимает. Сюда подходят два полка второй дивизии и сменят тебя. Ты свое дело сделал геройски.

Блиндаж снова дрогнул от разрыва. Орлов сходил на улицу, сообщил, что начинает бить тяжелая артиллерия противника. Хугандуков все время порывался что-то мне сказать, но я жестом останавливал его, предполагая, что он хочет доложить о увезенных им деньгах.

Приехавшие гости решили было расположиться на отдых, но я уговорил их отправиться в Карпешки. Я понимал, что обстановка каждую минуту может осложниться и гостям здесь было не место. Они сначала протестовали, но, видя мою настойчивость и не желая стеснять нас, уехали. Я велел Хугандукову проводить их до Карпешек и самому там остаться. Он категорически этому воспротивился. Улучив момент, прошептал:

— Когда я ехал сюда, на левом фланге что-то не видно наших танков, а по полю, по-моему, бродят немцы.

— Почему же молчал?

— Давал разные знаки, а вы рукой махали. Я послал туда двоих ребят. Проверят и доложат.

— Я сейчас сам проверю, — когда Хугандуков вышел из бункера, сказал Сергей Орлов. — Ты ложись наконец!

Не раздеваясь, я прилег на какую-то мягчайшую перину или на целую горку перин и матрацев и с наслаждением закрыл глаза. Мне казалось, что я сейчас засну, как младенец, окунусь в эту сладчайшую дремоту и не пошевелюсь... У меня буквально слипались глаза, но,

странное дело, где-то глубоко внутри сознание протестовало против сна. Несколько оружейных выстрелов последовало один за другим, но к этому я уже привык и мало обращал внимания, тем более, что надо мной была надежная крыша. Сквозь одуряюще приятную дремоту в голову лезли беспрерывные мысли: «А куда девались танки? Где те разведчики, которых послал Хугандуков? Ведь после того прошло очень много времени! Почему не возвращается Орлов?» Была еще у меня давняя привычка, выработанная на границе: если в чем сомневаешься, еще раз проверь. Этот навык оправдал себя множество раз. К нашему счастью, я вспомнил об этом правиле очень вовремя. Засни я, и все кончилось бы трагически... Усилием воли раскрыл глаза, отбросил бурку, вскочил с постели, схватив автомат, разбудил крепко спавшего Калибека. Он тоже имел привычку разыскивать меня, где бы я ни находился. Так и сегодня, оставив коней на попечение товарищей, он явился на передний край и принес даже котелок каши с говядиной. Ни о чем не спрашивая, Калибек взял свой карабин, и мы поднялись с ним по крутым, скользким ступенькам бункера. После душного подземелья в лицо нам хлынул снежный вихрь. Посредине пустынной улицы маячила долговязая фигура лейтенанта Гоги Бабкина. Он странно как-то пялился к входу в блиндаж, лапая рукой пистолетную кобуру, нелепо кричал:

— Вот они, фрицы, вот!

Я взглянул вдоль улицы и замер на месте. В сотне метров от меня, по левой стороне улицы, вяло и разболтанно двигалась цепочка немецких солдат, человек десять-двенадцать. Вторая группа, примерно в том же количестве, шла с противоположной стороны. Видно было, как, нахлобучив пилотки по самые уши, они отворачивали лица от ветра, по ногам вихлясто хлюстали полы темно-зеленых шинелей... Это все, что мне тогда запомнилось. Размышлять было некогда. Человеческий организм — очень сложная и чувствительная машина. Очевидно, все рефлексы были настороже, поэтому инстинкт самосохранения сработал, помимо моего сознания. В какие-то доли секунды я успел вскинуть автомат и дать длинную очередь сначала по одной, идущей гуськом цепочке, а затем тут же хлестнул свинцом по другой. Сбоку, над самым ухом грохнул карабин Калибека. Темно-зеленые фигур-

ки исчезли, словно в фокусе... Несколько комочков в стонущем крике замерли на снегу.

— Бабкин! В блиндаж! Людей! Пулемет! — крикнул я и кинулся к фундаменту сгоревшего дома, буквально засыпанный огнем трассирующих пуль. Я лег за каменную грядку фундамента и быстро дополз до растерявшегося, а может быть, и дремавшего станкового пулеметчика, в задачу которого входило прикрытие командного пункта.

— Что же ты спишь?! Огонь! — крикнул я ему.

Он начал возиться с лентой, как мне показалось, очень медленно и неуклюже. Я нетерпеливо отстранил его, прилег за щиток и уже более спокойно и уверенно теперь повел по ближайшему углу дома огонь, откуда шли автоматные трассы. От линии железной дороги ударил наш второй пулемет, где-то с тыла, где засел уцелевший противник, загрохотали ручные. Из бункера повыскакивали отдыхавшие бойцы и командиры. Суматошно строча из пулеметов, Бабкин повел их задами и с надсадным криком «ура, ура» атаковал дом, кинув в окна несколько гранат. Группа разведки противника, в количестве 22 человек, была полностью уничтожена. В плен попали четыре раненых. Как они очутились в совхозе, рассказал один из пленных, которого я тут же допросил во время перевязки.

— Мы прибыли со станции Осуга. Майор приказал выяснить обстановку в Надеждине. Когда подошли к опушке леса, увидели два ваших танка и стали наблюдать. Дальше идти было нельзя. Мы и так чуть не напоролась на ваших танкистов... Потом к ним подъехал бензовоз, мы видели, как они заправились, завели машины и ушли в направлении Кротова, за линию фронта. Мы подождали с полчаса и решили, что русские оставили совхоз, потому что справа от нас ваша пехота тоже покинула окопы и ушла в лес...

На левом фланге совхоз прикрывал полк второй дивизии, почему он снялся, я не мог понять. Уже позднее выяснилось, что он получил приказ двинуться нам на смену. Не желая пересекать большое открытое поле, в целях маскировки пошел лесом и вскоре прибыл к нам в совхоз вместе с другим полком второй дивизии, которым я и передал свой участок, с большим сомнением, зная, что удержать его они не смогут. Танковая группа, полу-

чив горючее, ушла за линию фронта выполнять другую задачу. Почему лейтенант Бурденко снялся без предупреждения, я так и не узнал. Уйти и не поставить меня в известность? Это было очень на него непохоже. В группе прикрытия с ним было два экипажа с подбитых наших танков, прибывших со второй машиной во главе с младшим лейтенантом. Мог же он послать связного. Мог. Но не послал.

Что случилось с Сергеем Орловым, он рассказал сам.

— Когда мы с автоматчиком прошли всю улицу, я как-то сразу почувствовал неладное. Танков на прежнем месте уже не было. Решив узнать, куда они девались, осторожно стал двигаться, но уже не по улице, а задрами. Уже почти в конце деревни наткнулись в огороде на землянку. Вижу, дымок из трубы струится. Подходим поближе — капонир, а в нем женщина с ведерком в руках, закопченная, как трубочист... Одни большущие серые глаза. Манит меня пальцем и со страхом шепчет:— Танки ваши уехали, а вслед за ним немцы вошли, полно! Вон в крайней хате только что приперлись из лесу... Едва успел оглянуться, а они уже бредут вдоль улицы. Я тогда пригнулся и через огородное будылье к пулеметной точке. Пока добежали, а у вас уже переполох начался. Ну я тоже дал огонька. А вообще-то могли влипнуть...

Мне даже трудно было ответить что-либо. За одно короткое утро столько событий! Я настолько устал, что думать ни о чем не хотелось. Передав оборону двум прибывшим полкам, мы оттянулись в резерв. Кушнарев встретил меня и молча поцеловал. Хорошо, что не было сказано лишних и ненужных слов. Мы еще не знали, какое нам предстоит тягчайшее испытание.

К вечеру немцы, отремонтировав бронепоезд и подтянув второй, силами двух дивизий оттеснили три наших полка и поставили всю группировку под угрозу окружения.

...Еще днем, когда после боя совхоз был в наших руках, небольшая полоса прорыва была открыта, танкистам подвезли горючее, и они получили приказ выйти за линию фронта на Большую землю. Танкисты, распрощавшись с нами, ушли в направлении Хлепенской долины. Подошедшие с двух направлений бронепоезда закрыли выход через линию железной дороги, танковые же части противника оседлали Ржевский большак и запе-

чатали выход в лес в западном направлении. В воздухе появились вражеские самолеты-разведчики и стали нащупывать сосредоточение конницы. Мы попали в очень тяжелое положение. Оно усугублялось еще тем, что нашу кавалерийскую группу связывало более двухсот повозок и саней, переполненных ранеными, эвакуировать которых теперь уже не было никакой возможности. Остаться на месте тоже было нельзя. Над мелколесьем, где мы оказались в ловушке, зловеще завывая моторами, пролетели бомбардировщики и штурмовики противника. Они сделали несколько кругов и высыпали свой груз на ближайший от линии железной дороги лес, занятый своей же моторизованной пехотой... Нам, конечно, очень приятно было это наблюдать... Но ведь в следующий заход они могли сбросить бомбы чуть-чуть северозападнее, где мы сгрудились на небольшой площади. Нам нужно было немедленно покинуть эту ловушку.

Собрали командный состав. Полковник Жмоллов зачитал нам приказ о перегруппировке. Мой эскадрон целиком изымался из полка Кушнарёва и, усиленный танковыми пулеметами, превращался в разведотряд, который должен был одним из первых форсировать Ржевский большак. Полки должны были выстроиться перед большаком в шесть отдельных колонн, в центре седьмая — со штабами двух дивизий. Все батареи и обозы передавались нашему полку. Кушнарёву приказывалось прикрыть и обеспечить прорыв с обеих флангов и в дальнейшем действовать по обстановке, используя все средства, чтобы прорваться на запад для соединения с основной группой.

Получив приказ, командиры разошлись по своим частям. Я пошел вслед за Кушнарёвым. Он на ходу отдал распоряжение Ченцову выдвинуть пушки к шоссе на прямую наводку, остальным подразделениям приказал занять круговую оборону.

— У меня теперь полк тяжелого вооружения, — присаживаясь на сваленное дерево, пошутил Кушнарёв. — Давай закурим на дорожку, — беря у меня сигарету, спокойно добавил он. Как трудна его задача, он не показывал и виду.

— Да. Вооружение подходящее, — ответил я.

— Конечно! Орудий больше десяти, тяжелых минометов шесть, батальонных три, несколько зенитных ору-

дий, до десятка автомашин, боеприпасов достаточно. В общем жить и драться есть чем. Жалко только, что Шевчук ранен. Ты знаешь, что он в безнадежном положении,— закончил Кушнарев и глубоко затанулся.

Я это знал.

— Ну что же, Максим...— Кушнарев поднялся и отбросил недокуренную сигарету.— Времени терять нельзя. Пойдешь передовым. Особенно не зарывайся, главное — хорошая разведка и бдительность. Вас, конечно, противник попытается уничтожить в первую очередь...

— Ну, а вы как, товарищ гвардии подполковник?

— Мы как? — Кушнарев нахмурил брови.— Мы будем драться, как дерутся пограничники. Понял?

— Да.

— Будь здоров, друг!

Кушнарев отвернулся и быстро пошел навстречу своему адъютанту.

Меня тоже ожидали настороженные всадники и взнузданные горячие кони, готовые к решительной скачке. Я шел по снегу, разрыхленному тяжелыми орудийными колесами, со следами больших круглых подков, вдавленных мохнатыми ногами тяжеловесных битюгов. Тропу пересек молодой, светлочубый казак, он вел в поводу поджарую, тонконогую, прихрамывающую лошадь и прикармливал ее на ходу пучком желтого папоротника. Кругом слышался шелест и треск надломленных веток, скрип санных полозьев, drobный стук колес...

...На мою тропку выметнулась маленькая фигурка в белом, испачканном сажей полушубке.

— Вы уходите, товарищ капитан?

— Да, Оля. Нам пора.

— Что же будет с ранеными? — Светлые глаза девушки слезились, голубая жилка билась около покрасневшего зрачка живой скользящей змейкой. Бледные, крепко сжатые губы застыли.

— Остаются с полком.

— Остаются... Как это остаются?

— Так нужно. Так решило командование. Дождетесь ночи и поедете вслед за нами.

— До ночи... А что будет до ночи? — Оля закрыла глаза и покачала головой. Мне тут же пришла страшная мысль: «А что было бы, если бы в эту минуту на тропе предо мной стояла не Оля, а Глаша?»

— Все будет в порядке, Оля,— проговорил я.

— Прощайте, товарищ Бражников.— Она медленно пошла вслед за казаком с хромоногой лошастью.

Мне хотелось в эту минуту что-то для нее сделать, но что именно, я не знал.

Семь колонн всадников выстроились и ждали сигнала. По большаку, который мы должны были пересечь, гроыхая гусеницами и беспорядочно стреляя из пулеметов, взад и вперед двигались фашистские танки. По ним-то перекрестным огнем и должны были ударить с флангов наши пушки. Вдоль шоссейной магистрали протекала крохотная речушка, обозначенная на карте синей, едва заметной нитью. До речушки нужно было пройти несколько сот метров через молодой лесок, поросший мелким, густосплетенным кустарником черемухи, можжевельника, осины, низменного болотного чернотала и суковатой прибрежной ольхи. За годы войны его и скот не топтал и топор колхозников не касался. За большаком расстилалось широкое поле, за ним — примерно в километре, а может, и двух — начинался настоящий смешанный лес. Все это мы с Бодровым, пока стояли в ожидании сигнала, «развели» лишь по топографической карте, а по существу о местности ничего еще не знали. Наши пушки ударили неожиданно, буйно разнося по лесу тяжелый гул. Обеспокоенные кони, вгрызаясь в трезели, тревожно завертелись на месте. Я тронул Флейту шенкелем и поехал вперед. На правом фланге у меня, в тридцати метрах, шел полк Огурцова. Майор Огурцов был ранен, и теперь этим полком командовал мой бывший соперник по скачке майор Федотов. Когда мы стояли на исходном положении, я заметил, что он в бурке. Мы все были в полушубках и шинелях, бурка же иногда служила для снайперов хорошей мишенью... Я сказал об этом Федотову.

— В меня не попадет, в шерсти запутается... — усмехнулся он и уверенно передернул плечами.

...Итак, мы уже движемся по заданному азимуту, а вернее, шагом продираемся сквозь кустарник строго на запад, в направлении грохочущих танков. Объезжаем

только редкие толстые деревья. Свернуть куда-либо невозможно. Справа ломают кусты кони федотовского полка, слева мелькают всадники штаба дивизии. Семь колонн идут на очень короткой по фронту дистанции. Это не предусмотрено никакими уставами, но у нас нет иного выхода. На флангах за артиллерийскими позициями тоже чистое поле, простреливаемое огнем противника. Несколько раз сержант Баловнев просит разрешения выдвинуться с отделением управления вперед, но я упорно не разрешаю. Мои нервы предельно напряжены, и я теперь абсолютно уверен, что любая пуля меня минует... Нет, в тот момент я не бравировал своей храбростью. Я знал, что за мной пристально наблюдают Чупров, Сергей Бодров, Калибек, Ваня Баловнев и умный, прозорливый Семен Хугандуков, который вчера буквально спас меня от смерти. Ворвавшись в совхоз, я устроил командный пункт за стогом соломы. Пришел Семен, раскритиковал наше укрытие и увел всех в крепкий блиндаж. Через пять минут стог соломы был поднят на воздух немецкими снарядами. Мы ощупью движемся вперед. Слышны первые, особенно неприятные звонкие пули. Они шарят по верхушкам деревьев и сбивают прилипший к веткам снежок. На флангах огнем дышат дивизионные и полковые пушки. На рокаде гулко рвутся снаряды. Лесок поредел. В пяти метрах от головы Флейты безыменная речушка, заросшая ольшаником и занесенная мягким слоем пушистого снега. А впереди? Впереди, черт побери, на той стороне обрыв в сорок пять градусов, предательски сглаженный белой снежной периной. Воздух густо насыщен свинцом. Позади кто-то коротко охнул и свалился с коня.

— Перевязать,— кратко говорю я и посылаю вперед Флейту, но она упрямится и пытается повернуть назад, чует опасность. Этого с ней никогда не бывало. А может, я вовсе не знаю характера лошади? Толкнув меня стремнем в бедро, вперед вырывается Мулдасанов и, разогнав коня, погружает его в мягкий снег по самые маклаки. Калибек выпрыгивает из седла и тащит лошадь за повод, она бьет ногами и выбрасывает на снег черную, грязную жижу. Видимо, речушка славится летом своими студеными родниками, а зимой не замерзает. Сбоку слышны ругань, стоны, крики: фырчат, ворочаются в грязи порезанные пулеметной очередью кони полка

Федотова. Я со злостью вонзаю шпоры в бока Флейты, и она, словно молния, переносит меня на ту сторону и только задними ногами чуть касается мягкого, запорошенного снегом берега. Потом, как кошка, лежа на брюхе, царапает передними подковами крутизну... «Ну, голубка моя, давай, давай же», — яростно шепчут губы Калибека. Рывками Флейта выползла на край обрыва, стремительно вскочила и бросилась вперед. Я выправляю ее бег и смотрю вправо. Там, на большой черной лошади, с блеснувшим над буркой клинком широким, размашистым галопом скачет Федотов, нелепо выкрикивая:

— О! Ланцелупы! — Откуда он выкопал такое слово? Я вижу впереди майора приземистые фигуры в лыжных желтого цвета комбинезонах, с поднятыми вверх руками, с торчащими на груди темными автоматами и только сейчас соображаю, что это враги. Их много... С опаской оглядываюсь назад. Калибек немного отстал и что-то кричит мне, но я не слышу. Слева по всему полю грозно, напористо мчится конная лава, а из речушки выскакивают все новые и новые всадники. У нас с Федотовым очень резвые кони, и мы далеко вырвались вперед. Я опережаю его черную лошадь и не могу сдерживать Флейту одной рукой. Она пронесит меня мимо какой-то желтой фигурки с приподнятым в руке автоматом, и я с остановившимся сердцем жду очереди в спину... Уже не пытаюсь сдерживать лошадь, поднимаю клинок и бью по чему-то мягкому, неприятно вязкому... Помню, что повторил это несколько раз... Помню еще черный столб земли и противный запах гари. Это слева от меня разорвался снаряд. Я толкнул коня вправо и направил к зеленеющему неподалеку лесу.

Первые минуты, наступившие после этой бешеной скачки, я припоминаю не очень ясно. Знаю, что меня охватила благодатная, успокаивающая тишина. Флейта качалась подо мной и несколько раз протяжно всхлинула. Я не дал ей остановиться и, выбрав две высокие, стоявшие рядом ели, стал ездить вокруг них тихим, медленным шагом. Нестерпимо захотелось курить, и я закурил. Покой продолжался совсем недолго. Первым подъ-

ехал ко мне майор Федотов. Огладив тяжело дышащего коня, он отвернулся и начал делать что-то со своим стремянем.

— Путалище не подогнал,— проговорил он каким-то охрипшим голосом.— Ты знаешь, капитан,— продолжал он,— ты знаешь, кто перед нами был?

Сейчас мне было абсолютно безразлично, кого мы порубили. Я думал уже о том, сколько мы недосчитаем своих людей. Вглядываясь в приближающихся всадников, я жадно курил. Калибека и Хугандукова я узнал по своеобразной, только им свойственной посадке степных людей, поэта Чупрова — по его рыжему коню, Баловнева — по крупной, саженной фигуре, Бодрова — по мешковатости, лейтенанта Лавриненко — по синей венгерке и казачьим лампасам, с которыми он не расставался. Чем больше прибывало знакомых лиц, тем легче становилось у меня на сердце. Не было только Муравьева, но и он вскоре подъехал.

— Ты слушай, капитан,— повторял майор Федотов.— Перед нами был батальон эсэсовцев из дивизии «Гросс Дейчланд»! «Великая Германия»! Это же головорезы, а сами вдруг руки поднимать начали... У тебя, капитан, не кобыла, а чудо! Зверь! Ведь надо же такую раздобыть! Мне казалось, что она за каждым гоняется и зубами хватает...

— Грызет,— машинально ответил я.— У тебя большие потери?

— Не знаю еще. Сейчас начальник штаба подсчитает и доложит,— спокойно ответил майор.

Я удивился его беспечной болтовне. Мне вовсе не хотелось говорить ни о коне, ни о фрицах... Я с нетерпением ждал, когда подъедет Хугандуков и сообщит о потерях. А еще я неотвязно теперь думал о тех, кто остался по ту сторону большака. Стрельба там затихла. Может быть, все уже кончено.

Наконец Хугандуков подсчитал и сказал, что не хватает одиннадцати человек и девяти коней. Два коня прибежали без всадников. Командиры взводов все оказались целыми и невредимыми. Они подтвердили потери и назвали людей по фамилиям. Вскоре же прискакал офицер связи из штаба дивизии и передал приказ генерала Вишнякова двигаться дальше, не задерживаясь ни минуты. Развернув карту, Борисенко показал нам предпо-

лагаемый пункт сосредоточения. Это был лес в двенадцати километрах от нашей теперешней стоянки. Полку Федотова было приказано следовать замыкающим и охранять тыл. В полку Федотова было примерно столько же людей, сколько и у меня.

— Генерал наш задумал что-то мудрственное,— сказал майор, взглядываясь в карту.

— Что именно? — спросил я.

— Опасается!

— Чего? По-моему, в лесу нам будет не страшно,— возразил я.

— Не скажи! Вот посмотришь, начнется преследование.

— Не догонят.

— Непременно пойдут по следу, да и авиацию пустят. Ты не очень мучай коней и далеко не отрывайся,— предупредил он меня тоном бывалого полковника.

— А как же будет с остальными, что за большаком остались?

— Не задавай детских вопросов!

Вскоре мы были у назначенного места. Коня и люди порядком устали. Я приказал старшине учесть все наши продовольственные ресурсы и установить жесткую норму. Корма для коней не было совсем, за исключением небольших запасов овса в кабурчатах. Кухонь тоже не было ни одной. Надо было переходить на котелки. Есть мне не хотелось, и я прилег отдохнуть. Но уснуть мне не дали: вызвали к комдиву.

Вишняков и Жмоллов сидели около рации и тихо беседовали. Кругом стояли подседланные кони и не горело ни одного костра.

— Товарищ Бражников,— начал полковник Жмоллов,— вам срочно придется вернуться обратно...

— Я готов,— обрадованно ответил я.

— Очень хорошо, что вы готовы. Спешите эскадрон и выдвинетесь к отметке сто тридцать девять. Нашли? — вода карандашом по карте, спрашивал Жмоллов.

— Так точно,— сверив координаты, ответил я.

— Там вы встретите майора Федотова и поступите в его распоряжение. Он уже ждет вас.

— А как быть с конями, товарищ генерал? — удивленно спросил я.

— Коня останутся с коноводами,— ответил Вишняков.

— Правильно,— подтвердил Жмоллов.— Кони ваши пока никуда не денутся... Вы ведь вначале очень обрадовались...

— Да. Мне, разумеется, хотелось бы выручить своего командира полка,— сказал я взволнованно.

— Это уж, извините, наша забота,— твердо сказал Жмоллов.— Сейчас обстановка такова, что нас преследуют два лыжных батальона противника. Их нужно встретить и разбить. Иначе они не дадут нам никакой передышки и будут все время наступать нам на хвост. Наши кони не только утомлены, но и не кормлены, и нам еще предстоит тяжелый переход до Медведовского леса, где есть партизанские базы. Ясна задача?

— Да.— Меня испугали не два батальона фашистов, а судьба оставшихся людей, и главное — раненых. Я набрался смелости и спросил об этом у Вишнякова.

— Вы полагаете, что один думаете об этом?

— Нет, товарищ генерал. Я надеюсь...

— Я тоже надеюсь,— резко прервал меня Вишняков.— Надеюсь на гвардии подполковника Кушнарёва, который найдет разумный выход из создавшегося положения! Впредь запрещаю задавать мне такие вопросы. Ясно, капитан Бражников?

— Ясно, товарищ генерал,— ответил я и попросил разрешения уехать. Я еще никогда не видел генерала таким.

41

Возвратившись к себе, я собрал командиров взводов и объяснил задачу. Выслушав меня, лейтенант Лавриненко смачно сплюнул в сторону, не поднимая глаз, спросил:

— На конях пойдём или пешки? — Он был явно навеселе от трофейного коньяка и не решался посмотреть мне в глаза. Да и командир второго взвода младший лейтенант Ломоносов тоже был немножко в тумане.

— Километров пять пройдем на конях, а там спешимся,— сдерживая гнев, ответил я. Мне не нравилась излишняя взъерошенность командиров, их усталые, матовые лица.

— А ежели нас фрицы побьют, пешки от лыжников не больно далеко уйдешь,— сказал Лавриненко. Сейчас

он склонен был к разглагольствованию. Я понял, что организатором выпивки был именно командир первого взвода, и это вывело меня из терпения.

— Если ты боишься, что тебя догонят фрицы, то оставайся стеречь коней... Ты, я вижу, немножко нездоров...

— В полном порядке, товарищ капитан,— задорно ответил он,— хоть зараз могу еще рубать сколько угодно, не промахнусь...

Еще утром старшина Хугандуков говорил, что Лавриненко и другие командиры вели себя в бою мастерски, но сейчас сникли и размагнитились. Видел это и Сергей Бодров. Я дал понять глазами, что ему следует сказать несколько слов.

— Знаете что, ребята,— неуверенно начал Сергей,— мы сейчас находимся в тылу у противника, и у нас очень трудное положение. Дальше будет еще труднее — это вы должны понимать... Мы все здесь коммунисты и комсомольцы, должны показывать образец дисциплины и выдержки.

— А кто ее нарушил? — спросил Лавриненко.

— Ты первый! — спокойно ответил Бодров. — Пришел на совещание командиров нетрезвым, да и другие тоже... Разве можно в такой обстановке туманить себе мозги? Помните, после прорыва мы все выпили, и я тоже пил с вами, и капитан. Тогда командир полка разрешил нам всем выпить по лишней чарке...

— Потому что он геройский человек, а мы его бросили на растерзание! — негромко проговорил Лавриненко.

— А ты что же, лейтенант, думаешь, что подполковник Кушнарев глупее тебя, что принял на себя обязанность прикрыть нас и этим дал возможность выскочить из ловушки почти двум дивизиям? Ты думаешь, что наш полк и два артдивизиона легко растерзать?

— Знаю, нелегко! — упорствовал Лавриненко. — Раз они, наверное, уже плавают в крови, и ты меня, политрук, не уговаривай. Приказывай, что мне нужно выполнять, я выполняю. Хочешь, со взводом, хочешь один пойду и зубами буду раненых вытаскивать, понял? Я донской казак, и деды мои учили меня не оставлять раненых, а брать с собой. Все! — как говорил наш гвардии подполковник... За то, что мы выпили, извините... Я всех угостил и вам оставил.. Еще раз, как говорится,

прошу прощения. Больше этого не будет, да и горилка кончается...

— Ладно хлопцы,— вмешался я.— Закончим на этом. Все запасы вина приказываю сдать старшине. Побережем для раненых, а когда нужно будет, и сами выпьем по чарке, но только не в одиночку. Меня заметите, тащите на партбюро. Я кого замечу, тоже не пеняйте...

Командиры единодушно согласились и разошлись по своим местам. Во взводах было все уже наготове. Проехав километров пять, мы встретились со связным майора Федотова и спешили. Лошадей укрыли в густом лесу. До командного пункта шли пешком. Федотов нас встретил у старого прошлогоднего завала.

— У тебя сколько пулеметов? — сразу спросил он.

— Три станковых; восемь ручных.

— Это уже богато!

— Ты расскажи обстановку.

— Ну что же, обстановка ничего. Обстановка подходящая... — Федотов поднял угловатые плечи и загадочно улыбнулся. Он уже был не в бурке, а в аккуратной, сшитой из зеленой шинели стеганой куртке, опоясанной широким ремнем и двойной портупеей. Сейчас он мне показался куда серьезнее и собраннее, чем утром после атаки.

— Из Туркина два часа тому назад двинулся один батальон и соединился вот здесь, на просеке, с другим, который вышел из Хламова. Командует им подполковник Герт Деринг.

— Откуда тебе известны такие подробности? — недоверчиво спросил я.

— От разведки, — ответил он просто. — Ему приказано не давать нам передышки, догнать, завязать бой, вызвать танки, авиацию и прикончить. Сейчас они находятся километрах в пяти отсюда. Идут медленно, лыжники из них фиговые, а главное, прут колонной. Нагло, почти без прикрытия. Мои разведчики наблюдают за ними, не спуская глаз. Я создал девять ударных групп, по четыре-пять человек в каждой. Командует ими начальник штаба старший лейтенант Головатенко. Он их пропустит сюда, а мы их тут встретим как полагается. Он же в это время ударит с тыла. Куда они денутся?

Задумано было очень смело и дерзко. Я стал рас-

спрашивать Федотова о численности противника, о его вооружении.

— Примерно восемьсот человек. Вооружение обычное в таких случаях: несут на себе легкие минометы и ленточные пулеметики, типа станковых, на рогульках. У Деринга, конечно, превосходство в численности, у нас преимущество — внезапность. Это решит все дело. Прикажи своим людям, чтобы хорошенько замаскировались. Встретить надо дружным залповым огнем, разбить вдребезги и быстро смыться. Пока мы тут с ними разделяемся, основная наша группа конников оторвется километров на двадцать. Это как раз и нужно нам. Дальше фрицы не пойдут, а там партизанский район и большой лесной массив, там-то нас взять будет труднее.

Вместе с ним мы выбрали позиции, разъяснили бойцам задачу. Майор ориентировался очень быстро.

— Вы, хлопцы, окопчики поглубже ройте и не высывайтесь без надобности, — говорил он.

— Что ты, майор, думаешь о подполковнике Кушнареве? — когда мы засели с ним в сооруженное укрытие, спросил я.

— Один из лучших в дивизии командиров полка, — ответил он, жуя сухую немецкую галету. Мне он тоже дал две штуки.

— Я не о том спрашиваю. Меня интересует, как они выйдут из положения.

— Кто-то, конечно, выскочит... А если уж говорить откровенно, то дело у них очень трудное...

— Безнадёжное, ты думаешь?

— Почти да, — задумчиво ответил майор и с хрустом разломил галету. Потом лег на живот и стал пристально вглядываться в расчищенную между сваленными деревьями щель, сквозь которую хорошо просматривалась вся просека.

— Знаешь, что я тебе скажу, друг... — заговорил он неожиданно суровым голосом. — Когда я иду в разведку или жду боя, я всегда думаю, например, о фаршированном рябчике, который я съем после окончания войны. Если я буду думать, что меня схватят и пропорют мне живот штыком, считай, дело пропало. За каким хреном я сейчас буду думать до треска в башке о твоём командире полка? Получил приказ, взял на себя труд-

ную задачу, выполняй — и точка! Мне Вишняков прислал записку, где написал: ты должен сделать то-то и то-то и так, а не иначе. Можешь сделать? Я ему отвечаю, могу, товарищ генерал. Взятся расхлестать этих фрицев, выполню или сам тут лягу. Понял, что такое фаршированный рябчик?

— Я знаю рябчиков, поджаренных на таежном костре, — ответил я. — Ты прав, потому что так легче думать...

— По-твоему, что, я легкий, самонадеянный человек? — спросил Федотов.

— Не считаю таким. Я видел тебя сегодня в бою. С тобой весело и легко воевать, ты сразу же после атаки не забываешь путалище подтянуть.

— Вспомнил? А почему вспомнил?

— Потому вспомнил, что понял, как ты любишь думать о фаршированных пташках.. А вот у меня не выходит из головы раненый майор Шевчук.

— Ты, оказывается, чувствительный... — не оборачиваясь, проговорил Федотов. — Если бы только один Шевчук! Знаешь что...

— Что?

— Ты немножко понаблюдай, а я чуток вздремну. — Не дожидаясь ответа, Федотов опустил голову на полевую сумку, укрыл ее рукавом куртки и затих.

Я поудобнее положил автомат на обледенелое сосновое бревно и стал смотреть сквозь снежную щель вперед. Лесная просека с изломанным, раскрошенным конскими копытами снегом метров на триста тянулась неровным сужающимся коридором, а дальше круто загибалась влево, на северо-восток. По обеим сторонам просеки стояли высокие мохнатые ели и чистые гладкие сосны. Над ними нависли низкие тучи, окрашенные в серый, грязноватый цвет. Слева от меня, между беспорядочно наваленными бревнами, залегли пятеро связанных под командой сержанта Баловнева. Тут же находились связисты. Остальных людей я распределил на одиннадцать отдельных групп, а взвод Темлякова целиком оставил в резерве. Недалеко от Федотова находился и лейтенант Лавриненко. Я сам указал ему место на краю просеки меж двух толстых берез. Он соорудил из снежных кирпичей что-то наподобие бруствера, сделал амбразуру и сам лег на хвойные лапки с ручным пуле-

метом. Сейчас со мной находились пять групп, с остальными ушел Сергей Бодров. Хугандуков оставался с коноводами. Вначале он тоже намеревался быть в засаде, но я категорически запретил ему уходить от коней.

— Разве ты не видишь, какая складывается обстановка?

— Вижу, конечно... Хочется быть вместе, однако...

— Хоть чем-нибудь подкормите лошадей, Семен. Нам еще ой как далеко ехать! — проговорил я.

— Знаю, товарищ капитан. Что-то найдем...

Хугандуков утвердительно кивнул круглой в серой ушанке головой и долго смотрел нам вслед. Я несколько раз оглянулся, а он все стоял на краю просеки.

...Мы уже лежим около часу, но противник все не показывается. Только один раз за это время от Головатенко приползал связной и доложил, что колонна движется. Я лежу на пахучих еловых лапках, поглядываю на суровый, однообразный лесной коридор и с усталой напряженностью жду. Все тело начинает сковывать какая-то деревянная вялость, неприятно стынет спина и зябнут ноги. Наверное, в сотый раз пытаюсь представить себе, как сложится предстоящий бой. Но реальной картины у меня не получается. Много и часто, еще в партизанском отряде, приходилось нападать на врага из засад, и всегда выходило по-разному. Все решали внезапность и плотность огня. Ошеломленный противник, неся большие потери, начинал метаться, залегал и переходил к обороне. Но партизаны боя не принимали, а быстро перемещались на другой участок. В таких случаях ответный огонь врага не достигал цели. Очухавшись от неожиданного налета, противник или осторожно продвигался вперед или же в панике отступал. В том и другом случае его ждал губительный огонь с тыла и с флангов.

Сейчас лыжники появились на повороте беспорядочной, разрозненной толпой и даже не выслали вперед дозоров. Это объяснялось тем, что дозоры часто становились добычей партизан... Фашисты шли по просеке и громко галдели. Видимо, они были сильно выпивши... Идти по разрыхленному снегу им было очень трудно. Спотыкаясь о пни и комья, многие несли лыжи рядом с висевшими винтовками и автоматами. Нас удивило это странное шествие. Поражала не только беспечность про-

тивника, но и откровенная наглость, с какой они галдели, словно у себя на Фридрихштрассе, возвращаясь из ночного кабака.

Услышав крики, Федотов немного приподнял голову и быстрым движением откинул за спину полевую сумку. Галдеж был слышен еще за поворотом.

— Идут, — проговорил он тихо. — Слышишь, капитан, идут, — повторил он.

— Слышу, — откликнулся я.

— Вот банда, а! — прохрипел майор, когда фашисты вышли из-за поворота. — Только поближе, только поближе, — шептал Федотов.

Согласно его приказу, первым огонь должна открыть группа Бодрова. Мы договорились, что он подпустит лыжников к отдельно стоявшей на просеке сосне и после этого даст команду бить прицельно, залпами.

Серое небо, казалось, совсем прижалось к верхушкам де-

ревьев, лениво посыпая лес мягким снежком. Короткие пулеметные очереди ударили неожиданно, хлестко и дробно. Пасмурную тишину разорвали дружные и яростные залпы. Колонна гибко качнулась, сначала замерла на долю секунды, потом начала беспорядочно валиться в распоротый подковами и пулями снег. Одновременно били шесть станковых пулеметов, восемнадцать ручных, не считая автоматов и карабинов. В отдельных случаях расстояние исчислялось тридцатью метрами. Боковые порядки ударных групп засады мы расположили на просеке буквой «г», проще говоря, «сапогом» с большим загнутым носом; с южной стороны просеки до поворота было растянуто наше «гөленище». Мы с Федоровым лежали в завале, на сгибе, и подпустили переднюю группу противника почти вплотную к самой головке. Успех был потрясающим. Противник потерял только убитыми до трехсот человек и примерно столько же ранеными, а наши потери были ничтожными.

Категорически запретив заниматься трофеями, мы дали ракетами сигнал

к сбору. Перевязав раненых и похоронив своих погибших товарищей, двинулись по заданному маршруту. Уже глубокой ночью, получив данные разведки о полицейском гарнизоне в селе Ракитникове, разгромили его. Накормив коней и людей, к утру догнали всю нашу группу и соединились с ней. Через сутки конница втянулась в обширный Медведовский лес.

За последние сутки мы совершили по глухим, бездорожным лесам тяжелый, утомительный марш и к утру остановились на длительный отдых. Обстановка была неясной. Прежде всего мы потеряли связь со штабом фронта. Две находившиеся во выюках радики вначале работали нормально, а потом вдруг неожиданно отказали. Во время ночлега на каком-то болоте отсырели аккумуляторы и сели. Но это была еще не самая главная беда.

Мы сосредоточились в огромном лесном массиве с густо растущим, нетронутым молодняком, занесенным теперь глубоким слоем плотного снега. Казалось, что здесь не только человек не проходил, но и зайцы не пробегали.

Тишину леса рвет звонкий треск ломающихся сучьев и морозный хруст порушенных копытами снежных глыб. До предела уставшие люди карежат сушняк, а кони рвут поводья, тревожно звеня застывшими трензелями, грызут молодую поросль.

Над костром, где мы сидим с поэтом Чупровым и Сергеем, вьется прозрачный дымок, перемешиваясь с густым утренним туманом, уплывает вверх к зеленым, широко раскинутым липам. Подошел Хугандуков и подбросил в костер охапку сухого хворосту. Пламя сначала поникло, а затем, постреливая сухими иглами, снова взвилось трескучими алыми языками.

— С кострами-то надо все-таки поосторожней, — предупредил Бодров.

— Везде жгут пока... — ответил старшина. Подняв на меня глаза, спросил: — Товарищ капитан, разрешите обратиться?

Молча кивнув, я взглянул на его усталое лицо.

— У нас есть пара подраненных лошадей: в первом взводе — одна, а другая во втором...

— Знаю.

— Я думаю, что их надо прирезать, а мясо людям раздать. Пусть, однако, немножко какой-нибудь похлебки сварят...

— А вылечить нельзя? — спросил поэт. — Ведь они сюда дошли?

— Ясно, дошли! Хромали, а все-таки добрались... Однако народ кормить чем-нибудь надо, как вы думаете?

— Я ничего... Я просто спросил, — смущенно ответил Юрий.

— Правильно спросили. Тут дело хозяйственное, — сказал Семен.

Я сидел на свежесрубленных еловых ветках, вытоптал и расчистив сапогами углубление для ног. Сергей Бодров и Юрий разместились на обрубке старого бревна. Они еще не представляли себе размеров того бедствия, в котором мы очутились. У меня же хотя и был кое-какой партизанский опыт, но я тоже не мог предвидеть всех тяжких перипетий похода... Последний раз я дал полную свободу нашим коням на Юзехватовской заставе, выпустив их по приказу начальника на волю. Тогда, 22 июня, угол конюшни начинал уже гореть. Теперь я должен был отдать приказ добить двух коней, прошедших с нами такой трудный путь.

— Коней, однако, товарищ капитан, этими сучьями тоже не накормишь, — спокойно продолжал старшина. — Надо что-то думать... — Хугандуков ждал решительного ответа.

— А ты что же, дорогой мой помощник, полагаешь, что я об этом не думаю?

— Нет, однако, я так не полагаю, товарищ капитан. Кони голодные, а у меня сердце кровью обливается...

— Побереги свое сердце и кровь тоже. Ступай и корми людей... Начнем есть махан... Для коней пусть рубят самые тонкие ветки и тоже кормят. Если поблизости найдется поляна, ночью табуновать пустим...

Я надавал еще кучу разных советов. Выслушав меня, старшина вынул из чехла финский нож, попробовал его сначала на пальце, потом рубанул им тоненькую веточку и, угрожающе помахав в воздухе, сказал:

— Пойдет! — Сунув нож в чехол, не спеша зашагал от костра.

— Значит, прирежет, да? — клонясь в мою сторону и глядя на меня своими пытливыми глазами, спросил Чупров.

— Вы когда, Юрий Николаевич, кушали в последний раз? — вдруг спросил Сергей.

— Кажется, вчера... — смущенно ответил Чупров. — Извините, я, наверное, задаю нелепые вопросы. Вы, может быть, к этому привыкли, но для меня это совершенно новое обстоятельство!

— К этому, Юрий Николаевич, привыкнуть нельзя. И не думайте, что мы уж такие опытные зверюги, — проговорил Бодров.

— А я вас такими не считаю. Что вы! Должен сказать вам, что есть люди, которые отпускают себе такую специальную бородку, любят ее и чувствительно поглаживают...

— Нельзя ли попроще...

— Постараюсь. Как вам объяснить? Борода, на моем эзоповском языке, это внешнее и внутреннее самолюбование. Если на даче жена собиралась резать курицу, я убежал из дому... Однако, как это часто говорит ваш замечательный старшина, к обеду я возвращался и с аппетитом глодал то самое крылышко, которым утром курочка хлопала на насесте... Понимаете?

— Даже очень! — вставил я.

— Это, разумеется, самое настоящее сентиментальное свинство! — продолжал Чупров. — Если я видел, например, что мой сынишка сломил ветку в лесу, то я замахивался на него палкой... А вот сейчас за полтора года на моих глазах столько повалено деревьев и людей, я не бегу от этого, а лезу в самую гущу... Да!..

Я заметил:

— Вам не стоило, Юрий Николаевич, увязываться за нами...

— Ну уж, вы меня извините, капитан, это вздор. Свою бородку я давно уже сбрил и сейчас вместо коня с удовольствием прирезал бы пеструю курочку...

Мы с Сергеем засмеялись. Он продолжал:

— Вот я думаю сейчас, что мы скоро будем кушать, как вы говорите, махан и я тоже обгложу кость... Нет пока боя, нет стрельбы, а где, например, подполковник

Кушнарев и все те люди, которые с ним? Вы имеете какие-нибудь сведения?

Мы долго молчали. От Кушнарева известий не было. Посланные офицеры связи, измучив коней, возвратились ни с чем. Ржевский большак настолько теперь охранялся противником, что перейти его не было никакой возможности. Само собой разумеется, что весь полк погибнуть не мог. Кто-то, наверное, остался в живых. Проскочить большак с таким хвостом, как у Кушнарева, было нельзя.

Мы еще некоторое время сидели у костра и рассуждали о судьбе нашего полка. Вскоре меня вызвали в штаб дивизии.

— Положение таково, товарищ Бражников, — сказал полковник Жмоллов. — Нам необходимо срочно связаться с партизанским отрядом. Отправлено уже несколько групп разведчиков, и ни одна из них пока не возвратилась. Комдив решил поручить это вам. Мы надеемся на ваш опыт...

Жмоллов дал мне примерную схему маршрута и пожелал успеха. Я взял с собой Калибека, Баловнева и Муравьева.

Не выезжая из леса, мы остановились на опушке. За небольшим овражком, на бугре, виднелись заснеженные крыши домов. По моему предположению, это и было Самохино. Из трубы большой крайней хаты чуть заметно курился голубой дымок. Мы долго наблюдали за пустынной с лохматыми ветлами улицей, решая, как проверить эту совсем не подозрительную деревушку: Перед нами лежало чистое поле с торчащими в снегу конопляными будылями. По полю бежала узкая дорожка со свежими следами детских санок, тонкими узорами проволоченных по снегу веток. Мне стало ясно, что по этой тропинке жители возят из леса хворост.

— По-моему, там никакого противника нет, — сдерживая продрогшего, заиндеветшего коня, сказал Баловнев.

— Разрешите, я проскочу и узнаю, — предложил Калибек. Напрашивался и Муравьев.

Не желая рисковать, я колебался, не спуская с улицы сильного восьмикратного бинокля. Наконец из крайней хаты вышли две девочки с ведрами в руках и пошли к колодезному журавлю. Даже был слышен скрип жерди и

звон ведра. Набрав воды, они встали у колодца и повели беседу... Из этого я заключил, что при немцах, очевидно, девчонки не стали бы шушукаться посреди улицы, а быстро ушли бы домой. Я решительно тронул поводья и смело послал Флейту вперед. Заметив всадников в белых полушубках, девочки сначала замерли на месте, а потом, оставив ведра, быстро убежали в хату. Спустя минуту из сеней вышла женщина и остановилась на крыльце. К ней жался босоногий мальчишка лет пяти и те две девчонки, с удивлением и затаенным страхом рассматривая неожиданно появившуюся кавалерию...

— Здравствуйте, мамаша! — крикнул я и остановил лошадь.

— Здравствуй, — тихо ответила она, пристально оглядывая сопровождавших меня ребят.

— Немцы есть? — спросил я.

— В Кабанове есть, у нас нету, — ответила женщина. — А вы кто такие будете?

— Ан, звездочка на шапке! — выкрикнул мальчик и радостно улыбнулся.

— Замерзнешь, пацан! — крикнул Калибек. — Убегай скорей в избу, а то звездочку не получишь.

— Мишка, ходи в хату! — толкнула его мать и, взглянув на меня неверящими глазами, добавила: — Заходите и вы, милости просим.

Я слез с коня. Предварительно посмотрев на карту, отметил село Кабаново черным крестиком. Оно находилось в шести километрах. Спешились и Баловнев с Калибеком, Муравьеву я приказал выехать на окраину, замаскироваться и наблюдать за дорогой. Оставив коней во дворе, мы вошли в тепло натопленную избу, где пахло свежееиспеченным хлебом и русскими щами. Не раздеваясь, Калибек подарил мальчику обещанную звездочку, девчонок потрепал за спутанные русые косенки, а хозяйку сразу же начал пытаться насчет сена.

— Во всем селе у нас нету ни одной коровенки, — отвечала хозяйка. — Сено все же косили, но его немцы вывезли, вязаночку, можа, какую найду... Приберегла на всякий случай... Думала, наши придут, телушку аль козу заведем... Манька, иди покажь ему, где взять-то, — обращаясь к старшей, конопатенькой девочке, продолжала хозяйка.

— Это все ваши? — спросил я, кивая на детишек.

— Двое моих, а одна сестрина. Откудова вы взяли-то? Аж прямо не верится, что наши! Да чем же вас угостить-то! Живем-то мы уж больно худо...

— Как вас зовут? — спросил я.

— Аграфеной.

— А по батюшке?

— Петровна.

— Так вот, Аграфена Петровна. Никаких угощений не надо. Нам задерживаться некогда. Хозяин-то твой где?

— Какой хозяин? — быстро и пытливо спросила она, с явным недоверием оглядывая мой новый автомат.

— Муж, конечно!

— Где же ему быть? А бог его знает где... Взяли с первых ден, ни слуху ни духу...

— Значит, в Красной Армии?

— А кто его знает... Может, и в живых нету, — насто-роженно и лаконично отвечала она.

— Партизаны у вас бывают? — совершенно неожиданно спросил возвратившийся Калибек.

— Какие партизаны? Что ты, господь с тобой! Мы ничего про это не знаем, — пугливо косилась она на его немецкие офицерские ремни и трофейный парабеллум, явно дивясь его ломаной, нерусской речи.

— Да мы свои, тетка! Ты нас не бойся, — почувствовав недоверие, убеждал ее Калибек.

— погоди, Мулдасанов. — Я понял, что так мы ничего не добьемся, ничего не узнаем. Хотя в то же время был уверен, что она кое-что знает о партизанах, но пока ничего не скажет...

— Степка! — обращаясь к белокурой, синеглазой девчущке, крикнула Аграфена. — Пошла бы ты домой, к матери. Нечего тебе тут торчать...

Степка шмыгнула вздернутым носишком, лукаво стрельнув в меня синими глазенками, повернулась к порогу и убежала.

Аграфена замкнулась и притихла. Я еще более убедился, что не только она, но и эта лукавенькая Степка посвящена в партизанские тайны и никому о них не расскажут. Я знал и чувствовал, что она побежала к матери и посвятит ее во все дела. А та, возможно, юркнет задми в нужную хату и еще кого-нибудь поставит в известность, может быть, и самого связного. В том, что он тут есть, я уже был абсолютно уверен. Мой партизанский

опыт прошлого года теперь очень пригодился. Я незаметно моргнул Баловневу и дал понять, что за девочкой нужно проследить. Вслух приказал безоговорочно:

— Сержант, ты забыл отпустить подруги. Иди быстро и проверь. — Баловнев козырнул и вышел. Аграфена суетилась, расставляла на столе тарелки и раскладывала деревянные ложки. Принесла в глиняном блюде соленой капусты и огурцов. Мы еще не сели за стол, а Баловнев уже вернулся. Вместе с ним явилась миловидная, чернобровая особа в длинной желтой сборенной шубе. Она поздоровалась с нами, села на скамью и с наигранной беспечностью начала лузгать семечки.

— Кто же вы такие? Откудова взялись? — изображая на своем розовощеком лице плутоватую улыбку, вопрошала она.

— Если ты думаешь, что мы соловьи-разбойнички, то ошибаешься, — нарочно переходя на грубый простецкий тон, проговорил я. — Мы регулярная Красная Армия...

— Хм! И много вас регулярных?

— Столько, сколько нужно.

— Вы что же, наступаете?

— Да, наступаем.

— Но что-то мы большой стрельбы не слышали...

— Мы разведка...

— То-то, я гляжу, кавалерия... А это кто? — кивая на Калибека, насмешливо спрашивала молодайка. — Болгарин или турок какой?

— Настоящий советски красноармеец! — гордо ответил Калибек и постучал по груди плеткой.

— Послушайте, как вас зовут? — спросил я.

— Зовуткой.

— Брось ты, Полина, — вступилась хозяйка и пригласила нас к столу, нарезав какого-то подозрительно черного хлеба. Каравай был сплюснен и похож на что-то невообразимое...

Я снял с плеч командирскую сбрую и положил возле себя на скамью. Расстегнул полушубок, высвободил левую руку. Подскочивший Калибек помог снять полушубок и повесил его на гвоздь. Я сознательно стал перед Полиной и не спеша расчесывал волосы. Увидев мои ордена, она застыла с повисшей на открытых губах шелухой и широко раскрыла удивленные карие глаза. Смах-

нув с губ семечки, Полина неожиданно вскочила, поцеловала в небритую щеку и, схватив меня за руку, потащила на кухню. Там, поднявшись на носки валенок, тянулась ко мне лицом, торопливо спрашивая:

— Вы правда армия? Вы пришли, да?

— Сама видишь!

— Ой, не верю! — хватаясь за сердце, выкрикнула она. И тут я рывком поднял гостью на воздух. Нашупав на правом ее бедре нечто твердое, поставил растерявшуюся партизанку на пол. Насмешливо, как победитель, сказал:

— Эх, конспирация! Пистолет-то под шубой бугром торчит...

— Неужели заметил?

— Сразу, как вошла!

— Вот черт, а? Слушай, капитан. Документы у тебя есть?

— Есть. Вот гляди.— Я вынул из кармана маленький пистолет.

— Не шути!

— И не думаю. Твой под шубой, а мой в руках...

— Да не в этом дело! Чудак! Мы недоверчивые. У нас начальник строгий. К нам всякого барахла знаешь сколько липнет! Вы-то нет! Я уж вижу. Даже своим глазам не верю. В другой-то раз я бы так поцеловала, что взлетел бы вместе с горницей...

— Ладно. — Я достал партбилет и показал фотографию. Мне очень по душе была партизанская бдительность.

— А ты тут совсем молоденький... — рассматривая карточку, проговорила Полина. — Ладно иди, поешь маленько.

— Нет. Ты сначала расскажи, где отряд? Нам торопиться надо.

— Дорогу видел, где хворост таскают?

— Да.

— Мостик переедешь, налево тропинка будет. Увидишь след, езжай и никуда не сворачивай. Там тебя встретят.

— Это далеко?

— Не очень. Спросишь капитана Денисова.

— Ясно. Спасибо, Полина.

— Это тебе спасибо. Живую радость привезли!

Вернувшись в комнату, я сел за стол. Взяли липкий, вязкий кусок хлеба.

— Плохой у нас хлебушек-то... Мякина да конопля и еще старых отрубей немножко подмешала, — опечаленно проговорила Аграфена Петровна.

— Погоди минуточку, я сейчас сбегаяю, — сказала Полина и ушла. Возвратившись, она принесла краюху настоящего ржаного хлеба.

— Партизанской выпечки. Кушайте на здоровье. Это мне вчера ребята подбросили, — разрезая мягкий хлеб на ровные дольки, проговорила она.

Мы с аппетитом выхлебали по миске пустых кислых щей, поблагодарили хозяйку, оделись и вышли во двор.

— Лошадки-то какие у вас славные, — когда мы уже сидели на конях, сказала Полина. — Заезжайте в гости... — Она подошла к Калибеку и сунула ему небольшой сверток, обмотанный цветной тряпкой и аккуратно перевязанный веревочкой.

У крыльца толпилось до десятка женщин и стайка настроженных в своем неиссякаемом любопытстве ребятшек. Мы простились и тронули коней.

Было двенадцать часов дня. До мостика мы гуськом поехали скорой рысью. Накормленные, отдохнувшие кони шли бодро. За мостом свежие следы разбежались в разные стороны леса и исчезли в ближайших от дороги кустарниках. Дальше нас повела едва заметная тропа со старыми, запорошенными снежком следами. Снег был глубокий, с крепкой и ломкой коркой. Нам пришлось долго ехать шагом.

— Ты уже успел какой-то подарок получить? — спросил я Калибека.

— Соль дала. Очень славный баб, — ответил Мулданов и заставил всех рассмеяться.

— Это ты хорошо сообразил, — заметил Баловнев.

Часа через полтора мы въехали в темный коридор елового леса, густо растущего вперемежку с рыжими соснами. Не громкий, но требовательный окрик «Стой» прозвучал неожиданно и заставил вздрогнуть. Мы выполнили требование часового и остановились.

— Что за войско? — Голос близкий и не очень ласковый долетал до нас с правой стороны.

— Разведчики регулярной Красной Армии, — ответил я. — Выходи! Чего прячешься! Не съедем...

— Зубов не хватит... Ты мне лазаря не пой... Сколько вас?

— Четверо.

— А на следу сколько?

— Почти две кавалерийские дивизии, — ответил я.

— А не врешь?

— Хватит тебе дурака валять, выходи.

— Ты меня не учи, понял? Слезай с коня, клади на дорогу оружие и иди один сюда. Если вздумаешь баловаться, мы успокоим. У нас тут пулеметы стоят...

Мне хорошо были известны партизанские порядки и, чтобы не терять времени, я слез с коня и передал повод Калибеку. Пройдя шагов десять, я снова услышал тот же голос:

— Автомат положи! Ты что, оглох?

— Оружия из рук никогда не выпускал и тебе не советую, — ответил я и, не останавливаясь, шел дальше. — Портянку тоже спрячь, глаза завязывать не дам...

— Ты, оказывается, настырный! — хрипнул голос, совсем уже незаносчивый и беззлобный.

Зорко вглядываясь вперед, я увидел ровно подрезанные концы бревен, в три четыре наката, темную дырку, из которой торчал наведенный на меня ствол ручного пулемета. Мысленно одоббив партизанское сооружение и нисколько не обижаясь на такой суровый прием, я стал обходить дзот слева. Навстречу мне вынырнул коренастый в серой телогрейке парень с рыжими лохматыми бровями, опоясанный потемневшим солдатским ремнем, увешанным разнообразными гранатами. Правую руку он держал за пазухой и, видимо, грел ладонью рукоятку пистолета.

— Здорово, браток! — Я козырнул и протянул ему руку. Не спуская с меня больших серых глаз, он неуверенно подал мне левую, осыпанную веснушками пятерню, слегка пожал пальцы, сказал отчужденно:

— Дай документ.

Я протянул ему заранее приготовленное служебное удостоверение. Он внимательно прочитал, возвращая, спросил:

— Пограничник?

— Как видишь.

— Ну, теперь еще раз здравствуй! — Мы обнялись.

— Я, понимаешь, давно вас заметил... Что, думаю, за войско? Напарника в штаб послал с донесением. Вижу, вроде свои люди, форма смущает! Новенькие полушубки, а там у одного фрицевские ремни... Сначала подумал, что ряженые провокаторы, едут больно уж смело, как домой... Я опять соображаю, что полицаи так не полезут. Ты хоть объясни мне все по порядку?

Я коротко рассказал о нашей группе. Тут же написал полковнику Жмолову донесение, а сам с Калибеком в сопровождении двух прибывших связных поехал в штаб отряда. Ехать пришлось не больше километра. Подъезжая к лагерю, я заметил две длинные землянки с невысокими жестяными трубами. Под широким навесом, прямо на воздухе были подвешены три огромные коровьи туши и две конские с желтым восковым жиром. После пустых деревенских щей при виде этой картины у нас с Калибеком пробудился волчий аппетит.

Командир отряда капитан Денисов, в темной артиллерийской куртке, с пистолетом на боку, был гладко выбрит, с чистым, беленьким на смуглой шее, аккуратно подшитым подворотничком, строгий, подтянутый. Он встретил меня вместе с комиссаром Васильевым, молодым длиннолицым парнем, в такой же артиллерийской куртке с бархатными петлицами, с тремя кубарями. Встретили приветливо и радушно, посадили в землянке за длинный стол. Повар принес полный котелок густого, наваристого супа и две говяжьи, крепко приправленные чесноком котлеты, каждая величиной с добрый лапоть. Таких вкусных котлет я никогда в жизни не ел. Нашлось и по чарке спирта. Лесные хозяева жили небедно. Калибека повар увел на кухню. Мы сидели втроем. Попивая настоящий чай с медом, я рассказывал, а они слушали и задавали мне много вопросов.

— Плохи ваши дела, товарищи кавалеристы, — выслушав меня, сказал Денисов. — Сена в деревнях нет. Фашисты вывезли его почти подчистую, да и заготовлять его было некому. Коров в деревнях мало. Мы запаслись продуктами с осени. Скот изъяли у полицейских и у старост, а конские туши — это немецкие битюги. Мы недавно один гарнизон потревожили... Это, во-первых...

— Когда могут подойти основные наши части? — спросил Васильев. Мне трудно было ответить на этот вопрос. Я мог высказать только свое личное предположение.

— А что, во-вторых? — спросил я Денисова.

— Во-вторых, как у вас обстоят дела с продовольствием и боеприпасами?

— Неважно. Мы провели сильные бои, — ответил я.

— Это уже совсем худо. От противника, конечно, не укроется, что в тылу появилась конница. В ближайшие дни начнут блокировать Медведовский лес. Здесь у нас три партизанских отряда, и нам тоже придется драться вместе с вами, а следовательно, и передислоцировать наши базы. Это уже беда. Заготовленное продовольствие нам вывезти не на чем. У нас нет никакого транспорта. Организовывать новые базы и производить новые заготовки — дело сложное... Гитлеровцы и полиция располагают крупными гарнизонами, лихими налетами их не возьмешь. Даже на большаках промышлять стало очень трудно.

— Почему?

— Да мы им все время перекрывали движение... Каждый день жгли по десятку машин. Теперь они по обеим сторонам рокады начисто вырубили лес и через каждые двести метров, как на переднем крае, создали четырехамбразурные дзоты с круговым обстрелом.

— Как у вас работает рация? — спросил я.

— Работает. Связаться хотите? — поглядывая на меня чистыми серыми глазами, спросил Денисов.

— Да.

— Я уже дал команду радисту. Он настраивается. Как нащупает, придет и скажет. Может быть, в бане хотите помыться? — предложил Васильев. Он мне почему-то больше нравился. Денисов показался педантичным и суховатым. Да и нетрудно было понять, что наш визит в партизанские уголья вызывал большие заботы, нарушал размеренное жите-бытье.

Пока я мылся в бане, устроенной в землянке, приехал полковник Жмоллов с небольшой свитой, для которой тоже был приготовлен обед. Перед вечером Жмоллов, наконец, связался со штабом фронта, информировал командование о нашем положении и получил ответную шифровку. Нам было приказано оставаться пока на месте и

ждать транспортных самолетов с грузом продовольствия, боеприпасов и медикаментов.

Поблагодарив партизан за радушный прием, мы отбыли в расположение своих штабов.

...Вот уже несколько дней мы стоим на одном месте и каждый день ждем транспортных самолетов, но они не появляются. Мешает погода — все время идет снегопад. Обживаемся: валим лес, строим землянки, накрываем их в четыре наката. Освоили обширный район и заняли круговую оборону, соединяем ее с секторами, занимаемыми тремя партизанскими отрядами. Гитлеровцы нас уже обнаружили, их полевые части и карательные отряды дважды пытались наступать на Медведовский лес, но, получив отпор, откатились. Мы знаем, что это временная передышка.

Наша разведка выяснила, что значительных резервов у противника поблизости нет. Снять части с Калининского фронта, в зоне которого теперь находится наша группа, гитлеровцы не могут. Там все время не прекращаются упорные, сковывающие противника бои. Партизанское радио перехватило, что фашисты окончательно завязли у Волги, явно провалился их кавказский поход за бакинской нефтью.

За последние дни нашей разведке удалось выяснить, что уничтожить нашу группу поручено все той же эсэсовской дивизии «Гросс Дейчланд». Но где сейчас она находится, мы пока не знаем. Начать какие-либо активные действия сейчас не можем. У нас мало патронов, совсем почти нет сена. Питаемся мы конским мясом. Оно жесткое, жилистое и употребляется в пищу без соли. В первую очередь забиваем самых истощенных лошадей.

В деревнях усиливается голод. Вначале наш приход обрадовал жителей. Но мы пока ничем помочь им не можем. Они терпеливо и страстно ждут полного освобождения, делятся с нами последней щепоткой соли. Соль здесь на вес золота.

Раза два Калибек ездил в Самохино и отвозил для ребятишек Аграфены Петровны лошадиные головы. В лес он каждый раз привозил вязанку сена. Он наби-

вает им сшитый из плащ-палатки мешок, который прячет в землянке, пользуясь тем, что у входа всегда стоит часовая... Мулдасанов дорожит каждым клочком сена...

Узнав, что Аграфена Пояркова варит для своих малышей студень, в нашем лагере стали появляться сельские мальчишки с салазками.

Однажды они столкнулись с генералом Вишняковым, когда он молча наблюдал, как свежую очередную конскую тушу... Ребятишкам это тоже было любопытно, да и к тому же у них была своя цель...

— Вы как здесь, хлопчики, очутились? — спросил генерал, ища глазами дежурного.

Дежурил в этот день я. Стоял за сосной и слушал.

— Мы-то? — переспросил сероглазый мальчишка в заячьей шапке.

— Да-да... вы-то! — передразнил генерал. Двое других, в залатанных зипунишках, с посиневшими носами, держали веревочки от санок.

— А мы за этим, как его... — замылся мальчишка в заячьей шапке и после замешательства нашел, наконец, нужное слово, — за требухой...

— За какой требухой?

— А вот за той, что валяется и зря пропадает... — деловито ответил мальчик. — Мамка как выпарит в чугунке, да как выскоблит, да как наделает рубца! Еще как вкусно-то. Ого!

— Вкусно, говоришь... — Генерал, комкая в руках перчатки, беспомощно озирался вокруг с искаженным не то от гнева, не то от страдания лицом, словно ища у кого-то сочувствия.

Я шагнул к нему и отдал честь.

— Послушайте, капитан...

— Я вас слушаю, товарищ генерал.

— Что это такое? Кто дежурный?

— Я, товарищ генерал.

— Почему здесь эти детишки?

— Они же вам объяснили...

— Но это черт знает что! — Вишняков, махнув рукой, повернулся и, пряча голову в генеральский башлык, широкими шагами пошел прочь. Вдруг остановившись, резко позвал меня снятой с руки перчаткой.

— Сделайте что-нибудь, распорядитесь, — когда я подошел к нему вплотную, сказал он. — Вывозите этот сбой

куда-нибудь дальше... туда, пусть там... Здесь же воинская часть. Нельзя же... А потом — как они пробираются через линию обороны!

— Дети же, товарищ генерал...

— Вижу, что дети! Но вы меня должны понимать...

— Слушаюсь. Будет исполнено.

Генерал Вишняков, сутулясь, пошел к своей землянке. Я вернулся к ребятишкам, позвал их и повел к старшине Хугандукову. Мы выдали ребятам по большому куску настоящего мяса и отправили домой.

— Ничего, однако, не поделаешь, война!.. — вздохнул Семен.

— Где они проходят?—спросил я у старшины.—Там же на дороге взвод Лавриненко! Надо вывозить сбой и сваливать подальше...

— Где они проходят, я не знаю... А сбой, всю эту требушину, кто будет на руках далеко таскать? Людей и так не хватает. Круглые сутки в обороне сидят, — сказал старшина.

Вечером я пошел на участок лейтенанта Лавриненко. Последнее время я плохо спал ночами, часто просыпался и шел проверять оборону. Полуголодные люди стыли в окопах, но службу несли исправно. Они всегда были на чеку. Как оценить беспримерное мужество русского солдата? Какими словами можно рассказать о тяжком страдании и величайшем подвиге советского народа? Хоть и богат, красочен русский язык, полнозвучен в сказаниях и песнях, но еще богаче, шире и краше душа народная!

Мы сидели с лейтенантом Лавриненко в окопчике под морозным, усеянным звездами небом и с наслаждением курили. Он раздобыл у партизан самосаду и угостил меня хорошей сигаркой.

Друзья всегда делятся табачком, как и куском хлеба. А на войне это заповедно. Но мы уже обшарили все ближайшие, не занятые противником деревни и даже вырыли из-под снега табачные корни. Правда, от них мало было толку, но все же чувствовался милый сердцу запах.

— Знаешь что, Лавриненко, — заговорил я после очередной благодатной затяжки, — через твою оборону каждый день просачиваются разведчики...

— Так уж каждый день? — спросил он ехидно.

— Именно.

— Кто так брешет?

— Я серьезно, лейтенант!

— Тью! Я тоже серьезно: у меня тут граница закрыта накрепко, товарищ капитан! Ведь у меня кадровые пограничники! Мышонка из-под снега сцапают! Кладу голову вон на тот пень, если прошляпил. Рубайте!

— Ну и пропала твоя голова... А деревенские ребята туда-сюда на санках гоняют? Это что?

— Ах, вон она яка штука! — пропел Лавриненко. — Это же заготовители требухи... Я им открываю границу... То ж свой народ! — Лавриненко облегченно вздохнул и затянулся крепким самосадом.

Я во всех подробностях рассказал ему о встрече мальчишек с генералом.

— Ты же сам знаешь, что они лебеду и всякую другую гадость кушают. Разве мог я их не пустить? Следующий раз научу, щоб начальству на глаза не попадались, а то и сюда притащим этот несчастный рубец...

— Так будет лучше, — согласился я.

Потом мы сидим и молчим. Каждый думает свою думу. Тихая декабрьская ночь стынет в морозной дымке. В небе перемигиваются голубые звездочки, напоминая домашнюю елку в преддверии нового, военного, сорок третьего года. Казалось, совсем недавно мы собирали с Глашей малину в Шемелинском лесу, рассыпали на бледно-зеленый мох, а потом собирали раздавленные ягодки и счастливо смеялись... А сейчас зима. В лес вползает, тихо крадется мороз и вешает на лапчатые ели белые бороды. Я слышу, как где-то совсем уже близко под конскими копытами скрипит затверделый снег.

— Едет кто-то, — говорит Лавриненко.

— Наверное, конная разведка, — вставляю я.

— Не может этого быть. Наши все вернулись, — возразил Лавриненко. — Я уже это точно знаю. — Он вскочил и ловко заверещал голосом неизвестной мне птицы. Ему ответил часовой. Щелкнув затвором, он кого-то окликнул, потребовал пароль и громко с кем-то заговорил.

— Вот баламут! — сердито сказал Лавриненко. — Шумит, как на ярмарке.

Я тоже встал и пошел вслед за лейтенантом. Всадники ехали нам навстречу. Ясно было, что свои.

— Вы чего тут галдите? — строго спросил Лавриненко и взял коня за повод.

— Чертей ищем, — ответил донельзя знакомый голос

Сережи Орлова, заставивший затрепетать наши истосковавшиеся сердца. Это было что-то невозможное, невысказанное. Я буквально стащил Орлова с коня и ткнулся лицом в его холодную щеку. С другой стороны его тискал Лавриненко.

— Погодите, братцы! Задавите, дьяволы! — взмолился Сергей.

— Как же это ты? Откуда?

— Как это «откуда»? Из полка, конечно! — удивленно ответил Орлов, совсем не ожидая такой бурной встречи. — На связь приехал.

— Из какого полка?

— Да вы что, ребяташки, очумели, что ли? Из своего полка, из гвардейского!

— Очумели, Сережа, это ты верно сказал, — признался я.

— Мы о вас уже тризну справили, понял? — проговорил Лавриненко.

— Какую такую тризну? С такими словами идите, знаете куда?

— Знаем! Ты расскажи, как сумели выскочить из того ада. Много потеряли? — Я страшно боялся ответа на этот вопрос.

— Ничего мы не потеряли. У нас полный порядок!

Мы были поражены его спокойствием и пренебрежением к нашим страхам и «ахам».

— Нет, ты все-таки расскажи толком!

— Толк весь вышел, одна бестолочь осталась, вроде вас... Говорю, что все в порядке. Сейчас стоим в деревне Зайцево, в двенадцати километрах отсюда.

— Ну? — удивляюсь я.

— Что «ну»? Бани топим, людей моем, щи варим...

— Из чего щи-то варите? Из конских копыт? — спросил Лавриненко.

— Из подков и ухналей... Вы-то как тут?

Мы рассказали про наше житье-бытье.

— Перетрусил, значит? С такой оравой даже еды не можете раздобыть? Позор! Мы вчера девять коров зарезали, несколько кабанчиков...

— Ты нам пули не отливай...

— Пули мы зря не тратили!.. За две недели шесть гарнизонов разгрохали. И коров у фрицев брали, и сено, и консервы, и шнапс. В Махоткино пудов сто ржи нашли.

Смололи ее на колхозной мельнице, хлеб печем и даже блины...

— Вот мастер байки накручивать. Давай жми дальше! — подстегнул Орлова Лавриненко.

— Вы что, черти, в самом деле не верите? — возмутился Сергей.

— Верим, друг, верим! — успокоил я его. На самом же деле трудно было поверить.

— Давай сядем, и ты объясни, как вы проскочили через Ржевский большак. Это же удивительно.

— Ничего удивительного,— спокойно продолжал Сергей. — До вечера гитлеровцы вывозили с поля своих побитых и раненых. Вы там устроили такое месиво, что им было не до нас. Да им и в голову не пришло, что тут еще остались наши войска... Мы заняли круговую оборону и притаились. Конечно, муторно было ждать. Ни костра зажечь, ни кашлянуть. Раненые пить просят, а кругом одни сугробы да лесишко конями обглоданный... Кое-как дотянули до сумерек, осторожно разведали большак. Опять на флангах пушки поставили. Решили прикрываться до последнего снаряда, покамест обозы не пройдут. Вначале думали пожертвовать пушками... конечно, если бы туго пришлось, а вышло так, что прошли шоссейку без единого выстрела...

За эти дни фашисты так измотались, что совсем ошалели, разбомбили свою же пехоту и самоходную артиллерию. Потери такие у них, что неделю надо похоронами заниматься... По вашему следу мы не пошли. У нас же обозы, автомашины. После того как втянулись в лес, сделали привал, накормили людей, обработали раненых и одновременно разведали дороги. Избрали совсем другой маршрут — неожиданный и лихой. Двинулись к черту на кулички, куда-то в сторону — на Самохвалово. Потому что туда вел хороший торный шлях. По бокам и впереди разведчики. Мне подполковник приказал обработать Самохвалово. Пододвинулся я туда к вечеру. Встретил в лесу мужика и бабу: по дрова ездили. Мужик признался сам, что держит связь с партизанами и помогает им. Рассказал, что в Самохвалове стоит гарнизон, около двухсот человек. Полиция и какая-то хозяйственная часть. Точно передал, сколько у них минометов. Артиллерии нет. Это нам на руку. Ночью Ченцов подтащил свои пушки, громыхнул десять снарядов прямо по школе.

Там фрицы казарму устроили. Те, что уцелели, попрыгали на сани и драпанули. Постояли мы там сутки, обогрелись, подкормились, собрали трофеи и снова шарахнулись куда-то на северо-запад. Наш подполковник просто умница! Выбирал такой путь, где нас ни один черт не ждал. Ведь без дороги-то никуда не попрешь. У нас не только повозки и сани, но еще семь грузовых автомашин, пушки и радиоустановки. Каждый день пытались связаться с вами, никакого толку! Почему молчали?

— У нас на второй же день рации вышли из строя,— ответил я. — Как же все-таки нас нашли?

— Мы знали, что вы остановитесь где-то примерно здесь. Вот добираться до вас было трудненько... Сказать честно, мы думали, что нам всем будет труба. Я только теперь стал по-настоящему понимать, что может сделать один смелый и разумный человек. Таким человеком оказался подполковник Кушнарев. У нас непрерывно действовало больше десяти разведывательных групп. Прежде чем двинуться в каком-либо направлении, мы уже точно знали, где и какие расположены гарнизоны врага. Выяснилась интереснейшая картина: резервов у противника в тылу почти нет. Мы нигде не встретили серьезного сопротивления. Дней через пять мы совсем оправились, осмелели. Наметив объект атаки, мы прощупаем силы, а ночью бесшумно окружим деревню, перекроем все дороги. Ченцов подкатит свои пушки, выпустит десяток снарядов. Иногда для острстки кидали тройку пудовых мин из тяжелых минометов и ловим на мушку автоматов фрицев, как куренков. Потом быстро грузим трофеи, в основном продовольствие и боеприпасы, и совершаем стремительный бросок в какое-нибудь глухое село... В деревнях рассказывали жителям о событиях на фронтах. Так вот и действовали!

— Замечательно действовали, должен тебе сказать. Как там поживает мой Гриша Молостов? — спросил я.

— Почему именно твой?

— Потому, что он мой политрук.

— Бывший. Это верно.

— Почему же бывший? Он секретарь партбюро полка, значит, опять же мой политический руководитель, ну и твой, конечно. Не возражаю...

— Сейчас по совместительству он начальник штаба.

Ты знаешь, майор Шевчук умер, по-моему, в санчасти танковой бригады...

— Да, Сережа. Это я еще и тогда знал... Жалко!

— Очень...

Сергей вел коня в поводу, я шел с ним рядом. Вокруг нас тихий, седобородый от инея лес и большое, молчаливое, загадочное звездное небо. При мысли о том, что Кушнарев все-таки спас и вывел всех людей, меня охватывает радостное чувство гордости. Я горжусь не только им одним, но и всеми другими, смелыми и мужественными товарищами, настоящими боевыми друзьями. Вырваться в такой тяжелой обстановке из лап противника, да еще с громоздким обозом, и нападать на врага то и дело — это истинное геройство.

В эту минуту мне и в голову не приходило, что я стану в какой-то степени историком и напишу эти идущие от сердца строки.

45

С прибытием группы Кушнарева наше положение значительно облегчилось. Теперь с нами были пушки и радиостанция. Командование быстро связалось со штабом фронта. Через сутки к нам уже прилетело несколько транспортных самолетов, сбросили продовольствие, боеприпасы, медикаменты, белые маскировочные халаты и лыжи. Конский состав убывал с каждым днем, кавалеристы становились на лыжи и превращались в пехоту. Фураж приходилось теперь добывать с боем, совершать для этого марша до сорока пяти километров. Мы несли потери, и число раненых увеличивалось. Тогда же был создан партизанский госпиталь в глухом Картавенском лесу. В землянках разместили больше ста человек тяжелораненых.

Встреча с Кушнаревым и Гришей Молостовым произошла на другой день.

— Ты что-то тут совсем отошал, брат, — здороваясь и вглядываясь в мое похудевшее лицо, проговорил Григорий Илларионович.

— Да, им здесь несладко жилось, — сказал Кушнарев. Он тоже пожелтел и осунулся, и, наверное, старые раны не давали покоя. Раньше за ним тщательно ухажи-

вала жена. Теперь Оксана неотлучно находилась возле раненых.

— А мне все еще не верится, что я вас вижу живыми и здоровыми, — присаживаясь в землянке на глиняный, служивший вместо кровати выступ, сказал я.

— Почему не верится? — спросил Молостов.

— А вы сами-то понимаете, какой вы подвиг совершили?

Кушнарев и Молостов переглянулись.

— Какой еще подвиг? — строго спросил Кушнарев.

— Не скромничайте, товарищ гвардии подполковник...

— Ну, знаешь, милый мой! Я ведь кокетничать не люблю. Если ты хочешь знать, у нас было преимущество. Во-первых, тяжелое вооружение — пушки, во-вторых, боеприпасы, в-третьих, вы отвлекли немцев на себя. А в общем-то противник проморгал нас... Это тоже не наша заслуга.

— У тебя, Бражников, прямо-таки страдающее лицо, — разрезая ножом большой жирный кусок говядины, с усмешкой проговорил Молостов. — Ты как будто собрался по нас поминки справлять, а мы тебя сами хотим угостить на радостях чаркой хорошего вина. Как, подполковник, угостим?

— Придется. Говорят, что они с майором Федотовым лихо действовали. О наших подвигах говорят, а о своих помалкивают.

Подполковник в одних носках сидел на постели и пришивал отпоровшуюся от ремня портупею. В углу, шипя и потрескивая, в печурке горели мелко наколотые березовые поленья. Земляной стол был застлан пестрым, с синими полосами трофейным мешком.

— Говорить о наших доблестях пока не стоит, — сказал Кушнарев. — Надо думать, как вырваться отсюда.

— Да теперь-то нам что! — самоуверенно выкрикнул я.

— Самое главное осталось именно теперь, — возразил Молостов.

— Мы же все вместе. Патронов нам подбросили.

— Капитан Бражников, не будь наивным, — продолжал Кушнарев. — У нас нет фуража — это раз, противник начинает подтягивать части и непременно заблокирует Медведовский лес. Нам нужно как можно скорее

выбираться отсюда. А как? Мы должны дождаться самолетов и отправить тяжелораненых, которым нужна срочная операция. Для этого необходимо подготовить посадочную площадку. Это не так просто. Кроме того, как проскочить два большака — Марковский, Шизперовский? Ты, наверное, знаешь, как они охраняются?

Подполковник отодвинулся от стола, взял суконные портянки, навернул их на ноги и, морщась от боли, надел яловые, большого размера сапоги.

— Валенки по боку, — сказал он. — Сушить их негде, обморозиться можно в два счета. Положение у нас такое, что сидеть сложа руки нельзя. В Кабанове противник стягивает какие-то свежие части. Надо выяснить, что это за войско. Тебе, капитан Бражников, придется сделать ночью вылазку, разведать Кабаново и взять «языка». Ясно?

— Ясно, товарищ гвардии подполковник.

— Вопросы есть?

— Нет.

— Готовься. Подробную задачу получишь в разведотделе.

Из землянки мы вышли вместе с Гришей Молостовым и в раздумье остановились у входа.

Небо снова заволкло тучами. За обрубленным, изгрызанным кустарником тоскливо и нудно звенела пила, напоминая какую-то заунывную песню, за группой деревьев слышался хрясткий стук топора, где-то тревожно и горласто каркнула ворона.

— Разрешите мне проехать в госпиталь? — спросил я у Молостова. — Раненых хочется проведать...

Олю Павлову я видел мельком. Мне показалось, что она посмотрела на меня сурово и отчужденно. Это как-то обижало меня и тянуло поговорить по душам.

— Конечно, поезжай. Ребята рады будут. Кстати, проверь охрану. Что-то не нравится мне этот Картавенский лес.

— А что там за охрана? — спросил я.

— Партизаны и наша выздоравливающая команда. — Молостов грустно улыбнулся и махнул рукой. Его тихий голос звучал напряженно, серые глаза смотрели меж деревьев, где темнолицый рябой боец, высоко поднимая над головой топор, рубил жесткие, затянутые синей пленкой конские ребра. Крошки розового мяса и ко-

стей, разлетаясь в стороны, падали на растоптанный вокруг пня снег.

Вдруг за лесом ухнули подряд два тяжелых глухих выстрела, следом за ними гулко треснули артиллерийские разрывы, от которых дрогнули деревья и зазвенело в ушах.

— Начинается, — проговорил Молостов. — Тяжелым бьет от Марковского большака. Я, пожалуй, схожу туда... А ты все-таки наведайся в госпиталь, а потом по-умному сообрази вечером разведку. Будь здоров.

Молостов повернулся и спустился по ступенькам в землянку. Я пошел в свой эскадрон. После прибытия основных подразделений полка мы чаще меняли в обороне людей и по возможности давали кратковременный отдых. Сегодня первый эскадрон отдыхал.

Не дойдя еще до своей землянки, я встретил Калибека. Шинель его была в снегу, к липким снежным ошметкам пристала труха от сена, желтые опилки и еще черт знает что. По его искаженному лицу и толстой отвислой губе я понял, что случилась какая-то беда.

— Где это ты вывозился? — спросил я суровым голосом. Один его захлюстанный вид сразу же вывел меня из терпения. За последнее время он часто отлучался в деревню, искал корм, выпрашивая соль, привез огромный чугунок и подолгу варил конину. Перестал бриться, следить за собой и немного опустился. Я видел это, но ругать его у меня не хватало сил. Он на самом деле трудился с утра до ночи.

— Товарищ капитан, у нас нехорошее получилось дело... — опуская покрасневшие глаза, прошептал Калибек.

— Какое еще дело!

— Я кругом виноват... Рубите мою башку... — Мулдасанов покорно наклонил голову. Возле рук болтались висевшие по бокам, привязанные на веревочках, измятые, испачканные кровью рукавицы.

— Говори! Ну?

— Флейт... — вспыхнул Калибек.

— Что такое «Флейт»? — У меня похолодело сердце. Мне почти каждый день чудилось трепетавшее ухо Горностая. Теперь при виде гибнувших коней я вспоминал о нем все чаще и страшно боялся за Флейту. Мне казалось, что я не могу пережить того, что пережил, когда стрелял в голову умирающего коня.

— Пропала она!

— Как пропала?

— Я виноват! Убивайте меня!

— Ну, рассказывай же, черт возьми! — У меня сдавило грудь, обмякли сжатые кулаки. — Ну!

— Мы с Мишкой Сидоренко поехали в деревню. Тетька Агрфен обещал немножко сена... Мы поставили коней в хлев, сами пошли в сарайку сена взять, там чуть-чуть, мало-мало еще оставалось. Мы только зашли туда, немеские машины приехали и стали по всей деревне из пушков бить и пулеметов... Мы убежали в огороды, а потом на болото, а Флейт... Флейт там и Мишкин жеребес там остались...

— Ты бросил Флейту? — Разжав кулаки, я вяло опустился и сел на лежащую возле землянки колоду.

— Не бросали мы, товарищ гвѣрдии капитан! — проговорил Мишка Сидоренко. Испуганно помаргивая под растрепанным чубом плутовскими глазами, он более толково и подробно рассказал, как было дело. Его сообщение слышал подошедший лейтенант Лавриненко. Он теперь числился моим заместителем.

— В Самохино, кажется, подошла мотопехота противника, — спокойно проговорил лейтенант.

Я поднял на него свои, наверное, бездумные в эту минуту, сухие, горящие, как чувствовал, глаза и приказал быстро садиться на коней.

— Есть! — Лавриненко круто повернулся и побежал к конюшням.

Я вскочил и, не глядя на обалдевших коноводов, пошел к землянке Кушнарѣва. Оттуда уже вышел Молостов с висевшим на плече автоматом. Около него стояли два знакомых мне разведчика. Я кратко доложил о случившемся начальнику штаба и попросил разрешения двинуться с эскадроном на Самохино...

— Ну и что ты задумал? — спокойно спросил Молостов.

— Нападем и выручим коней...

— Глупости. Ты думаешь, что они будут там тебя ждать? — спросил начальник штаба.

— А может быть...

— Может быть, тебе хочется погорячиться и зря стравить людей? Что это такое?

Григорий Илларионович повернулся лицом к ближай-

шей коновязи, а там уже люди выводили коней и подтягивали подпруги.

— Ты что, милоч, всерьез решил? — строго спросил Молостов.

— Ну а как же иначе, товарищ капитан! — бормотал я. — Не могу же, нельзя же так оставить...

— Можно! — Молостов повернулся к одному из разведчиков и негромко сказал: — Бегите к лейтенанту Лавриненко и передайте, что приказ капитана Бражникова командир полка отменил.

Поправив на плече автомат, разведчик побежал к Лавриненко.

— Послушайте, товарищ начальник штаба... — заговорил я.

— У меня есть звание! — резко и неожиданно властно перебил меня Молостов, в котором я сейчас не узнавал своего старого друга. Это сразу же отрезвило меня.

— Виноват, товарищ капитан. Вы не имели права... Командир полка такого приказа не отдавал. А если прикажет, то только лично мне. Приказ должен отменить только я сам.

— За сам следует дать по усам. Ты поднял эскадрон без разрешения штаба, а теперь суешь мне в лицо устав! Прекрати!

— Разрешите мне обратиться к командиру полка? — упрямо настаивал я.

— Не разрешаю беспокоить командира полка, — с прежней властью отчеканил начальник штаба.

— Что у вас тут происходит? — в дверях землянки, одетый и подтянутый, появился Кушнарев.

Молостов повернулся к нему и подробно доложил о происшествии.

— Вот же болваны! Потерять таких коней! — Кушнарев надвинул на лоб ушанку, сумрачно добавил: — Приказ начальника штаба подтверждаю. Обстановку в Самохине срочно разведать и доложить, какие там части.

— Разрешите, гвардии подполковник, лично мне самому разведать Самохино, — обратился я к командиру полка.

— Капитан Бражников в разведку не пойдет. Он болен. Приказываю отдохнуть и подумать. Все!

Я обескураженно оглянулся. Бойцы уводили лошадей обратно к коновязям. Только один Мишка Сидорен-

ко беспомощно крутился на какой-то низенькой густогривой лошаденке. Болтая длинными ногами, он упрямо дергал поводья. Кушнарев молча погрозил ему плеткой и медленно, прихрамывая, направился к своему стоявшему неподалеку коню.

Мишка спрыгнул с седла. Стащив с головы папаху, он ударил ею по дереву и ткнулся лицом в шершавую кору.

— Бражников, идите к себе в землянку и немножко приведите себя в порядок, — строго, но, как мне показалось, не отчужденно сказал Молостов. — Сейчас никакие сочувствия не помогут.

— Мне они не нужны. — Я круто повернулся и пошел в лес. Долго брел по исковерканному конскими копытами насту, добрался до свежего березового пня. Кругом пестрели обнаженно-чистые березки, меж ними зеленели молодые елочки, пышно разукрашенные голубоватым снегом. Не знаю, сколько я просидел на этом пеньке. Потом почувствовал, что начинаю мерзнуть. Возвращаясь, я заметил на краю березовой роши высокую сухую сосну. Стройная и могучая, она росла здесь много лет и неизвестно почему погибла. Мне вдруг захотелось срубить ее и погреться у печки. Вернувшись в лагерь, я украдкой, словно вор, разыскал в землянке топор. Подойдя к дереву, сбросил полушубок, повесил полевые ремни на березовый сук и принялся с ожесточением рубить. Сухостойная сосна звенела под топором, была смолянистой, приятно пахла. Ломая сухие сучья, она с грохотом упала на глубокий, затвердевший от мороза снег. Перерубив ствол на несколько частей, я оделся и, набрав большое беремя сучьев, принес их в землянку. Здесь я увидел Калибека. Он встал и, не взглянув на меня, снова сел. Я бросил около печки дрова и, раздевшись, прилег на кровать. Страшно хотелось закурить, но табаку не было. Калибек затопил железную печку и поставил в чугуна какое-то варево. Мне неприятно было видеть, как Калибек после всего случившегося спокойно кашеварит, причмокивая губами, пробует варево да вдобавок еще тихо насвистывает...

— Перестань свистеть! — сказал я зло.

Он крякнул, откашлялся. Сняв чугуна с печки, поставил его на стол и, сдерживая обиду, сквозь зубы проговорил:

— Мясо готово, можете кушать. Соль тоже клал и концентрат...

— Иди ко всем чертям! — Я перевернулся на другой бок и лег лицом к стенке.

— Ругать, конечно, надо, но кушать тоже надо... Я знаю, Калибек Мулдасанов кругом виноват, и его все уже ругали... Я знаю, что ты голодный и варил последний раз... Теперь уж все кончено...

— Умирать, что ли, собрался?

— Зачем мне помирать... Ищите себе новый коновод. Я уйду в разведзвод. Лучше буду разведчиком... Уж «языка» как-нибудь достану!..

— «Разведчиком!..» Может быть, тебя за Флейту в генералы произвести?

— Что же, товарищ капитан, учиться пойду, со временем и генералом стану, — уверенно сказал он.

— Поздравляю! — Своим несокрушимым оптимизмом он растопил во мне чувство озлобленности. Расставаться с ним вовсе не хотелось. В душе я уже примирился со случившимся, сознавая, что без такого коновода, как Калибек, я вряд ли сохранил бы Флейту до этого дня. Он берег ее как зеницу ока, и вот он ее потерял. Только сейчас я понял, что ему, конечно, не легче, чем мне. Стыдно стало за свою вспышку. Я встал и присел на кровати.

— Вот что, Калибек... — искал нужные слова и не находил.

— Слушаю, товарищ капитан, — поглядывая на меня исподлобья, сказал он.

— Никуда не пойдешь.

— Нет пойду! — упрямо возразил он. — Ищите себе другого. Я уже попрощался с Флейтой и давал ей двойную порцию сена...

— Какую двойную порцию? Чего ты мелешь?

— Мы не мелем, мы правильно говорим. Давал, и запас еще есть.

— Какой запас? Кому ты его давал?

— Вот тебе раз? Флейт, конечно! Кому же еще?

— погоди! Ты что?

— Ничего, товарищ капитан. Ничего, все в порядке, попоном накрыл хорошенько наш Флейт... Я думал, умру сегодня... — Калибек вздохнул и отвел глаза.

— Послушай, милый! Ты здоров? Не бредишь? —

Мне показалось, что он начинает заговариваться или я сам схожу с ума...

— Совсем здоров, товарищ капитан! Флейта тоже хорошо покушал, теперь давайте вы кушайте. Голодный же весь день! — не поднимая глаз, сказал Калибек.

— Флейта кушала? Ты в уме?

— А вы что, не видели? Топор брали, я кобылу чистил. Она еще тогда же прибежала, вместе с помначштабовским Левом... Ах, как Мишка обнимал его и кричал, ого-го! Я думал, вы знаете. Их Полина выпустила, они и убежали.

Дальше я его слушать не мог. Забыв накинуть на плечи полушубок, в одной гимнастерке я выскочил наружу. Коновязь находилась неподалеку от землянки. Под густой, как шатер, елью я нащупал в темноте знакомую попону и обнял мускулистую грудь и шею Флейты. Узнав меня, она ткнулась теплыми губами в щеку, по привычке ища сахар. Но сахару у нас ни кусочка уже не было.

В землянке, когда я вернулся, горели сухие дрова. Калибек растопил большую, основную, печку. На фронте, когда в зимнее время приходилось рыть блиндаж, мы для печки, как и для кроватей, оставляли выступ. Сверху пробивали трубу, а снизу прокапывали, как нору, просторную топку. Это было быстро и удобно. Калибек сидел против огня на чурбаке. Красноватый свет падал на его довольное лицо. Поправляя горящие сучья, он счастливо улыбался. Я посмотрел на стол. В алюминиевой чашке лежали куски мяса вместе с кашей из пшеничного концентрата, который нам сбросили самолеты. Тут же было полкружки коньяку и два десятка сигарет.

— Откуда такое богатство? — спросил я у Калибека.

— Командир полка и начальник штаба давно приехали, когда ты еще дерево рубил и Флейт пришла.

Лицо Калибека было чисто выбрито, скулы его заметно обострились.

Я подошел к столу, взял кружку и разлил коньяк на две равные части. Мягко и ласково сказал:

— Калибек...

— Слушаю вас! — Он встал и почтительно по-строевому вытянулся.

— Давай выпьем, Калибек.

— Мы не пьем.

— Немножко можно. У нас сегодня был такой трудный день...

— Все может быть, — ответил он неопределенно.

— Ты сердисься?

— Нет. Я знаю, кругом сам виноват, а уж раз виноват...

— Ты все-таки думаешь уходить?

— Не знаю... Наверно, ушел бы... — Он не договорил, замолчал и отвернулся.

— Почему, наверно?

— Ушел бы, да кобылу жалко. Совсем без меня пропадет. В такую кутерьму угодим, кони-то совсем без силы остались...

— Ладно, Калибек, давай выпьем.

— Не можем. Лучше ему оставьте. Он в разведку поехал.

— Кто уехал в разведку?

— Гвардии политрук Бодров. А с ним тот, в очках, поехал тоже, ну, который хорошо на переправе из пушки стрелял и большой рыжий лошадь имеет. Ой, как она у него отошала!

Я немного поел конины с пшеничным концентратом и закурил. Пить не стал. Отодвинул кружки и накрыл их старой газетой, чувствуя, что не заслужил такого вкусного ужина и душистой сигареты. Вся сегодняшняя конская история сейчас выглядела до смешного мелкой и глупой. Вместо такой ответственной разведки ушел в лес «страдать», хорошо хоть сухое дерево выстрадал... Вел себя, как мальчишка, нагрубил Молостову, а он мне еще сигарет прислал! Началось отрезвление разума, и в голову полезли всякие несуразные мысли. А вдруг что-нибудь случится с Сергеем или с Чупровым? Никогда я этого себе не прощу. Скверно было на душе, тягостно. Мучился долго и уснул только за полночь, под орудийные, сотрясающие даль раскаты.

Проснулся под утро от сдержанного шепота.

— Да тут не ужин, а целая королевская трапеза! — шурша газетой, говорил Бодров. — Смотри, даже коньяк! Непостижимо!

— Отлично! Великолепно! — восторгался Чупров.

Открыв глаза, я увидел, как они чокнулись кружками, выпили и набросились на еду. Мне радостно было видеть их целыми и невредимыми, да еще такими веселыми. Они вели себя так, как будто вернулись с лыжной прогулки... Значит, разведка была успешной.

— Приятного аппетита, хлопцы! — приветствовал я их.

— Спасибо, милый! Ты гений! — обернувшись ко мне, проговорил Сергей. — А коньячок-то какой!

— Что нового? — спросил я. — Как сходили?

— Полный порядок! Притащили ефрейтора 75-го пехотного полка, — ответил Бодров.

— Обера, — добавил Чупров.

— Здорово. Молодцы, ребята! — похвалил я.

— Не совсем уж такие молодцы, — возразил Сергей. — Партизаны помогли. Они действительно удалые хлопцы.

— Как брали? — спросил я. — Своих не потеряли?

— За какого-то рыжего ефрейтора своих терять? Накладно будет, — сказал Бодров. — Взяли очень-таки ловко... — Партизаны нащупали штаб крупного воинского соединения, — продолжал Бодров. — Можешь себе представить, где он находится?

— Позади нашего блиндажа, — иронически ответил я.

— Ты не шути. Никому даже в голову не придет искать в чистом поле, в неглубокой балке. Ни деревца, ни кустика, кругом белый снег. Можешь себе представить?

— Теперь могу. Хитро задумано.

— Вот именно!

— Как все-таки взяли «языка?» — снова спросил я.

— Разведчики выследили чуть заметную тропку, по которой ночью фланируют патрули и связные. Днем же на этой трассе не появляется ни единой души. Перехватили наш партизанский метод.

Бодров подробно рассказал, как они подползли по глубокому снегу, устроили засаду и бесшумно захватили пленного. На допросе обер-ефрейтор показал, что, согласно приказу ставки немецкого командования, из каждой дивизии 2-й Ржевской, Сычевской и Оленинской группировок выделено по триста человек и целиком одна авиадивизия. Все эти силы срочно стягиваются для того, чтобы уничтожить нас в Медведовском лесу. В Кабаново

уже прибыл батальон пехоты с намерением отрезать нам выход и заблокировать лес с юго-востока.

Ровно через сутки после соответствующей подготовки совместно с партизанами мы напали на Кабаново и почти полностью разгромили находившихся там гитлеровцев. Захватили около десяти тонн ячменя, склад с велосипедами и другим имуществом. Сожгли триста велосипедов. Ячмень вывезли, организовали в Самохине сушку зерна в каждой почти избе и перемололи его ручными мельницами. Вертели эти допотопные жернова круглосточно, а потом из намолотой муки выпекали хлеб.

В следующую ночь к нам снова прилетели транспортные самолеты, сбросили продовольствие, боеприпасы и письма. Я получил от Глаши большое письмо, но прочитать не успел. Меня срочно вызвали в штаб полка, где было получено тяжелое известие. В Картавенском лесу гитлеровцы захватили наш госпиталь. Всех раненых, которые не в состоянии были двигаться, добивали прямо на лежаках. Ходячих и почти весь медперсонал загнали в крытые машины и увезли в неизвестном направлении. Землянки взорвали. Все выходы из Медведовского леса теперь нам были закрыты, за исключением одной просеки.

Дождавшись сумерек, мы бесшумно снялись. Совершив тяжелый тридцатикилометровый марш, к утру сосредоточились в районе Кучинский Мох, примерно в десяти километрах от Шизперовского большака. Здесь мы срочно связались со штабом фронта и получили приказ командования прорываться на Гончаровку и в районе Кореды соединиться с частями одной из армий Калининского фронта. На этом месте мы простояли два дня. Расчистили площадку, приняли несколько самолетов, отправили на Большую землю часть раненых и пополнили боезапас. Едва последние самолеты успели подняться в воздух, аэродром был занят фашистами. Через час противник начал беспорядочно бомбить Кучинский Мох, причинив нам незначительный урон.

За два дня мы сумели вырыть блиндажи, а коней сосредоточили в густом лесу. Однако оставаться в этом районе нам было нельзя. Маневрируя на магистралях, противник преследовал нас тремя группами, численностью более двух тысяч человек в каждой. С воздуха его все время поддерживала авиация.

Попытка перейти с ходу большак успеха не имела. Избрав неудачное направление, мы наскочили на танковую колонну противника и вынуждены были отойти в район Муратовских дач на перегруппировку.

Муратовские дачи — это густой смешанный лес, который тянется на многие десятки километров. Противник в погоне за нами тоже измотался и на какое-то время потерял наши следы. Устроив небольшую передышку, мы здесь разбились на две самостоятельные группы — конную и пешую. Я, естественно, попал в конную. В нашем полку были самые лучшие и выносливые кони.

На коротком совещании командиров генерал Вишняков сказал:

— В каком мы положении находимся, объяснять не надо. Все отлично сами видите. Я решил пробиваться через большак и линию фронта в конном строю. Все пушки и тяжелые минометы, которые сослужили нам верную службу, приказываю зарыть в землю, места точно отметить на карте. Я убежден, что мы скоро вернемся сюда и снова поставим в строй наши пушки. Пешая группа пойдет своей дорогой, мы своей...

Генерал вдруг умолк, привалившись спиной к дереву, добавил:

— Все. Совещание окончено. Капитану Бражникову задержаться.

— Наш путь только в этом направлении, — прочертив линию красным карандашом по карте, сказал мне полковник Жмоллов. — С группой примерно тридцать человек вы пойдете вот к этой точке, спешитесь, подползете к шоссе, закидаете гранатами дзот противника. Потом перейдете большак и вместе с саперами проверите, нет ли там минных полей. Потом вернетесь обратно к коням и поведете всех остальных. К этому времени на фланги будет выброшено прикрытие с пулеметами. Как только минуете большак, быстро продвигайтесь на Короеды, независимо от общей колонны. Там вас будут ждать проводники. Как только с ними встретитесь, дождетесь нас. Имейте не меньше трех заместителей — самых смелых и

сообразительных командиров. Вы меня понимаете, капитан Бражников?

— Понимаю, товарищ гвардии полковник.

— Желаю вам успеха! — Полковник крепко пожал мне руку, и мы расстались.

После разговора с Жмоловым прошло десять часов. Пять из них мы двигались по глубокому твердому снегу, два часа ползли к дзоту. Но их тут не один, а много. Они расположены вдоль шоссе на расстоянии двести-триста метров друг от друга и непрерывно обстреливают дорогу трассирующими пулями из пулеметов. По обеим сторонам шоссе лес вырублен начисто, под самый корень. Поэтому ползти пришлось по голому месту. Выручили белые, не отличимые от снега маскировочные халаты.

Мы заранее обсудили план блокировки дзота, разделившись на четыре группы, по пять человек в каждой, в составе которых было по два сапера. Первые три группы — под командованием лейтенанта Лавриненко, лейтенанта Томилина и сержанта Баловнева — как основные, ударные, должны подползти на расстояние броска гранаты. Старший лейтенант Бодров возглавил группу прикрытия. Последнюю группу возглавил я. Мне предстояло переползти через большак, проверить минные поля и быстро вернуться. Если обнаружатся мины, саперы должны остаться и разминировать проход.

Мы распластались на снегу, словно белые призраки, и медленно, метр за метром продвигаемся вперед. На наше счастье падает густой пушистый снег; его медленно текущую белизну прошивают яркие злые строчки трассирующих пуль. Со мной ползут Муравьев, Вася Громов и двое саперов. Ночь налита мутной, непроницаемой темнотой. Под нами поскрипывает снег, а когда смолкает пулеметный треск, слышно, как тяжело гудят телеграфные провода. Лизнув тающие на языке снежинки, я хочу чем-то заполнить внутреннюю пустоту, которая, казалось, высушила, съела последние силы. Даже самому здоровому, сильному человеку ползти всегда очень тяжело. А мы уже второй месяц живем впроголодь. Вдруг оглушительный взрыв погасил змейку пулевой трассы. За ним последовали другие, справа и слева. Забыв об усталости, я вскочил и побежал вперед. За мной последовали остальные. После свежего лесного воздуха странно

было вдыхать на шоссе запах бензиновой гари и горелой резины. На той стороне мин не оказалось, путь для нас был свободен. Когда мы возвращались назад, стреляли только дальние пулеметные точки. Ближние умолкли. Но это досталось нам дорогой ценой. Убит был лейтенант Томилин и сапер Безгин. Мы еще не дошли до коноводов, а на шоссе сначала отдаленно, а потом все ближе загудели моторы. Вспыхивая фарами, приближались машины. Яркие лучи прожекторов начали ощупывать лес. Вскоре с двух сторон загрохотали орудия и загукали минометы. В лесу густо рвались снаряды. Где-то бурно сыграли свои залпы наши «катюши». С одной стороны бил противник, с другой — встречавшая нас армия Калининского фронта. Несколько снарядов угодили в приближавшуюся к нам основную конную группу, вырвали из середины колонны до двадцати всадников и коней. Колонна дрогнула, завернула назад и рассыпалась по лесу. Я тоже подал команду отходить назад в глубь леса, понимая, что замысел наш сорван начисто. Отъехав метров двести, вдруг почувствовал, как Флейта резко споткнулась и сильно захромала на левую переднюю ногу. Крикнув Бодрову, чтобы он быстрее выводил людей из зоны обстрела, я свернул в сторону. Выбрав ельник погуще, я слез с седла. Спрыгнули со своих коней Калибек и Муравьев. Осмотрев ногу, мы обнаружили, что у Флейты лопнула сносившаяся подкова. Обломок подвернулся внутрь и давил на стрелку. Я попробовал оторвать обломок, но он еще крепко держался на загнутых гвоздах, да и кобыла не стояла на месте, зябко дрожа, вырывала из моих рук ногу.

— Сейчас принесу кусачки,— сказал Муравьев и побежал к своему коню.

Мы с Калибеком не видели, как он развязывал переметную сумку. Вокруг нас, сбивая с деревьев ветви, шмелями повизгивали пули, то близко, то далеко, от ельника с оглушительным треском разрывались мины. Возвращавшийся Муравьев вдруг охнул и присел на снег.

— Ранен я,— проговорил он тихим, каким-то виноватым голосом.

Калибек быстро подскочил к нему, распорол ватные брюки. Я достал пакет и на скорую руку перевязал простреленное навывлет бедро.

Мы усадили Муравьева на коня, и я приказал Калибеку:

— Быстрее из зоны обстрела...

— А вы?— спросил Мулдасанов.

— Оторву подкову и догоню вас.

Кое-как отодрав обломки подковы, я сунул кусачки в карман полушубка и потянулся за автоматом, висевшим на еловом суку.

...Разрыва снаряда я не слышал, а как-то сразу, от неожиданного удара провалился куда-то в темноту. Когда открыл глаза, то понял, что лежу в глубокой яме, а вокруг хмурый, неприветливый лес. Попробовал пошевелиться и не мог от боли в левом плече. Снова закрыл глаза. Вскоре почувствовал, что стынут в рукавице пальцы от липкой, холодной мокроты. Совсем близко раздались громкие лающие звуки чужой речи. Мне стало страшно. Не обращая внимания на режущую в плече боль, я перевернулся, лег на живот и достал правой, здоровой рукой пистолет. Сжимая в ладони рубчатую холодную рукоятку, вдавил локоть в снег и прислушался. Голоса гитлеровцев доносились откуда-то с просеки. Очевидно, они шли по нашему следу, и я уже очутился у них в тылу.

— Хельмут! — кричал кто-то из солдат. — Я нашел лошаадь!

— Так забирай ее! — раздалось в ответ.

— Она дохлая!

— Тогда можешь, болван, сожрать ее хвост!

Потом голоса смолкли, только слышно было, как скрипит под чужими ботинками жесткий снег.

Близился рассвет. Снегопад прекратился. То там, то тут лес будоражили хлесткие пулеметные очереди. Мне нужно было куда-то уходить, и я попробовал ползти. Сделав несколько движений, я снова почувствовал жгучую боль и стал терять сознание. Сколько прошло времени, я не знал, но вдруг позади меня фыркнула лошаадь. Я повернул голову и увидел строящую под деревом Флейту. Гремя колечками недоуздка, она, вытягивая тонкую шею, срывала концы хвойных лапок и жадно ела.

Собрав все силы, преодолевая боль, я поднялся и, проваливаясь в снег, пошел к лошади. Сделав несколько шагов, тяжело дыша, я остановился, чувствуя, как

набухает от крови рукав телогрейки, которая была надета под полушубком. Осталось сделать несколько шагов, но я не в силах был сдвинуться с места. Голова кружилась, дрожали коленки, перед глазами пьяно качались деревья. Опять, казалось еще ближе, слышались голоса немецких солдат, заставившие меня опуститься на снег и взять пистолет на изготовку. Когда голоса утихли, я снова с трудом поднялся и подошел к Флейте. Мне казалось, что это мое единственное спасение. Выйдя на утоптанное место, я, наконец, шагнул вперед и припал лицом к горячим конским ноздрям. Теперь я был не один. Взяв в правую руку поводья, я прикрутил их к передней луке и попытался сесть, но у меня не было сил. Левая рука неподвижно висела, заливая кровью маскировочный халат. Ухватившись за путалище, я послал лошадь вперед. Флейта покорила и тронулась с места широким шагом. Не поспевая за ней, я провалился в снег и тут же упал. Флейта покорно остановилась, ожидая, когда я выкарабкаюсь из сугроба. Едва я поднялся, она снова рванулась вперед, волоча меня на чембуре и путалище. Ей хотелось идти по старому следу, а мне нужно было углубиться в лес. На просеке все время слышались голоса гитлеровцев. Остановив лошадь, задыхаясь от нестерпимой боли, я лежал на снегу. Немцы, возможно, обеспокоенные лесным шорохом, начали беспорядочно стрелять и бросать ракеты. Я тешился надеждой отыскать какой-нибудь пенек или сваленное дерево. Но ни того, ни другого поблизости не было. Проваливаясь и падая на каждом шагу, сцепив зубы, я вставал, делал несколько шагов и опять падал. Прошло не меньше двух часов. Наконец я увидел две сросшиеся березы, одна из них была срублена. Я подвел Флеиту к торчащему из-под снега пеньку и, нащупав стремя, с большим трудом взобрался в седло. Ориентируясь по компасу и выбирая самые густые, затемненные места, я двинулся вперед. Но чем дальше я углублялся в лес, тем труднее было ехать. Ломая жесткий снег, Флейта иногда останавливалась и делала передышку. Склоняясь к передней луке, я часто терял сознание и едва держался в седле. Сейчас я уже не помню, как она довезла меня до расположения штаба полка. Вспоминаю лишь неожиданный оклик часового, от которого я вздрогнул и провалился куда-то.

...Когда я пришел в себя, около меня сидела Оля Павлова. Опустив на грудь голову, она крепко спала. Оглядевшись, я понял, что лежу в каком-то старом большом блиндаже, обшитом потемневшим от сырости тесом. В углу топилась настоящая, сложенная из кирпича печурка с вмазанной сверху плитой. На плите что-то варилось и вкусно пахло. Я почувствовал голод и страшно удивился этому. Рука не болела, покойно лежала на животe, укутанная затвердевшим бинтом. В блиндаже было очень тепло. Над плитой висело, видимо, сушилось, чистое полотенце, а рядом с ним — мои суконные портянки. Все это было похоже на сон, и я себя чувствовал бодрым и счастливым, потому что лежал на мягкой перине и видел похудевшую, бледнолицую Олю. Сначала я даже не задумался, почему она здесь. Оля сидела совсем близко. Я поднял здоровую руку и дотронулся до ее лица. Она чутко встрепелась и открыла усталые глаза. В них я увидел живые, тепло засветившиеся искорки.

— Ой! Да я никак заснула! — проговорила она. — Как вы себя чувствуете? — задала она обычный медицинский вопрос.

— Отлично, Оля! — ответил я и спросил, почему она здесь очутилась.

— А где же еще мне быть?

— Да ведь ты там, в том госпитале была? — осторожно спросил я.

— Ну была... — ответила она и потупилась.

— Так как же, Оля? Я ведь думал...

— Все так думали... Когда они наскочили, я в перевязочной находилась. Бинты скатывала. Сначала стрельнули в дверь. Стекло зазвенело... Пули в аптечку угодили. Я упала в угол за перевязочный стол и простынкой накрылась... А простынка-то была вся в крови... Только что Севостьянову ногу отняли... Ну и, наверное, подумали, что в углу куча белья лежит... Когда все утихло, я выползла и еще двое наших, которые с лежаков упали... — Оля умолкла и закрыла лицо ладонью...

Минут пять спустя она почти насильно заставила меня съесть бутерброд из ячменного хлеба с сырым кон-

ским фаршем, наперченным так, что во рту палило. Я покорился и после лечебного бутерброда получил полмиски каши из гречневого концентрата.

— Врач сказал, что для вас сырое мясо заменит переливание крови...

— Так и сказал?— усмехнулся я и, накинув на плечи полушубок, вышел из блиндажа.

День был пасмурный, с легким морозцем. Кони куда-то исчезли. Двигаясь по тропинке, я всеми легкими выдыхал морозный воздух и чувствовал, что у меня еще есть сила и я могу даже быстро ходить. Я прошелся до коновязи и вернулся обратно, встретив у входа в землянку Григория Илларионовича Молостова. Мне показалось, что он почернел еще больше. Смуглая на его лице кожа туго обтянула небритые щеки. Дядя Гриша очень изменился.

— А ты, оказывается, молодец! — проговорил он. — Похаживаешь! Ну, как самочувствие?

— Отоспался. Спасибо.

— За что?

— Да за все. Что нового?

— Сейчас открываем партийное собрание,— сказал Молостов.— Ты можешь дать рекомендацию в партию Оле Павловой?

— Да. Конечно!

— Напиши. На собрании можешь не быть. Отдыхай.

— Буду обязательно. Я чувствую себя хорошо.

— Вот и отлично. Собрание будет коротким. В ночь выступаем.

— В каком направлении?— спросил я напряженно, боясь, что мы снова потерпим неудачу.

— Пока неизвестно. Очевидно, генерал Вишняков примет особое решение. Он сказал, что объявит на партийном собрании. Приходи, но только слишком не утомляйся. Береги силы. Нам предстоит трудный поход.

Я это знал и не хотел тревожить себя темными мыслями. Гриша Молостов сунул мне сигарету и скрылся в предвечерних сумерках.

...Много раз за последние полтора года мне приходилось присутствовать на партийных собраниях, которые проводились под открытым небом, на уютных зеленых лужайках, где порой звучали суровые, военные, многого-

лосые песни, иногда на коротком привале, а то и под звонкий свист вражеских пуль. Но это январское лесное собрание мне запомнилось на всю жизнь. На повестке дня стояли два вопроса:

Прием в партию.

О конях.

Я не представлял себе, как и чем может помочь собрание нашим изголодавшимся коням. Говорить о нерадивости уже не приходилось. Мне было хорошо известно, что каждый кавалерист, чтобы накормить своего коня, рубил ветки, доставал из-под снега сухую прошлогоднюю траву, дергал с крыш сараев старую почерневшую солому.

Сейчас люди с хмурыми, задубевшими от мороза лицами расположились под деревьями во всех позах: кто сидел, кто полулежал на зеленой хвое, кто подпирал спиной мощные ели.

Генерал сидел на дощатых розвальнях, упираясь локтями в колени, сжимая руками голову в серой папахе и, казалось, ничего не замечал, не слушал, что говорят люди. Он лишь тогда поднял лицо, когда Вася Громов застенчиво и смущенно, тихим голосом рассказывал свою биографию.

— Родился я на Кубани, в станице Советской. В сорок первом окончил девять классов и тут же ушел добровольцем на фронт. Вот, значит, воюю теперь...— Вася тряхнул рукавицами и замолчал.

— Это и все?— спросил кто-то из задних рядов.

— А чего же еще?— удивился Вася.

— Ну, а кто твои родители?

— Обыкновенные колхозники, конечно,— ответил Громов.

— Громов мой землячок!— крикнул Миша Сидоренко.— Отец его казак и с первых же дней на фронте.

— Расскажи, за что орден получил?— просил Калибек, который очень любил слушать рассказы о героических подвигах.

— Орден?— Вася неудоменно пожал плечами и, помявшись, ответил, словно оправдываясь:— А я и сам не знаю... Не думал... Связь тянули в сорок первом, тогда тоже в окружение угодили, так мы же ее всегда тянем... Правда, не знаю. Вызвали и вручили, вот и все. Ну, ранен был, так меня же вылечили!

— Отличный связист и боевой парень! — заключил полковник Жмоллов и внес предложение принять.

После его слов над папахами и серыми ушанками дружно поднялись измятые, закопченные у костров рукава шинелей и полушубков.

Биография Оли Павловой была еще короче. На фронт она попала недавно, в сорок втором году.

По кандидатуре Оли Павловой неожиданно попросил слова Юрий Чупров:

— Это необыкновенный случай, дорогие друзья! Он напоминает мне грозные годы революции, когда девятнадцатилетние девушки тоже становились в ряды нашей славной партии коммунистов. В недалекой юности, читая героические книги о гражданской войне, я всегда завидовал поколению, отстаившему революцию. Мне всегда хотелось хоть немножко быть похожим на Павку Корчагина, на партизана Железняка. Героизм всегда увлекает и воспитывает юные души, делает их чистыми, а сердца мужественными. Вот такое же сердце и у Оли Павловой. Ее поведение и поступки заслуживают большого уважения. Мало того, она ведь единственная между нами женщина, и ей особо трудно! Понимаете, дорогие товарищи?

Чупров сел на розвальни рядом с генералом. Олю Павлову и многих других приняли единодушно. Затем слово взял Вишняков. Поднявшись с саней, он вышел в круг собравшихся. Высокий, в длинном желтоватом полушубке, в серой папаче, с отвислыми на гладко выбритом лице усами, он был строг и красив той неповторимо суровой красотой старого боевого кавалериста, прошедшего много тяжких военных дорог.

— Все вы знаете, что мы сейчас находимся в исключительно трудном положении. Кроме мяса, у нас сейчас нет другого продовольствия, мало боеприпасов, совсем нет фуража. Наши кони настолько отошдали, что прорыв оборонительных линий в конном строю невозможен. Нам же необходимо преодолеть два рубежа: большак и передний край. Это мы должны сделать сегодня ночью. Завтра будет уже поздно. Наша разведка нащупала пути прохода в районе Урманово — Гредица. Для того чтобы обеспечить наш выход с малыми потерями, передовые части фронта нанесут удар противнику и встретят нас в районе Поддубицы. Наши славные кони сослужили нам

верную службу в суровых и тяжких походах. Мы все обязаны своим существованием нашим коням. Перед нами, товарищи коммунисты, стоит жестокий вопрос: как быть, что делать с нашим конским составом? Оставить противнику или же самим превратить в мясо?

Последние слова хлестнули собрание, словно удар шрапнели. Усталые люди еще ниже опустили головы. В безмолвном, поседевшем от снега лесу стало душно. В холодном воздухе проплыл тихий, тоскливый звук голодной кобылицы, вырванной на третьем году жизни из цветущих степей Придонья, а может быть, с далеких пастбищ Тянь-Шаньских гор. Тихо было вокруг. Равнодушно покачивались на своих крепких желтоватых ногах высокие полуголые сосны.

— Мне, дорогие друзья, нелегко было подписывать приговор нашим боевым коням,— продолжал Вишняков.— Посоветовавшись со старшим командным составом, мы приняли такое решение... Начальник штаба, прошу зачитать приказ,— сказал генерал полковнику Жмолову.

— Прошу внимания! — Жмолов встал, поправил сползшую с плеча бурку и начал читать удивительно четким и спокойным голосом:

«Штаб группы «Кавказ» (так условно теперь именовалось наше соединение). «Карта 100 000». «Муратовские дачи», «Красный лес». 1—1 43. 14.00. Приказ № 102.

Попытка форсировать Кашперовский большак в конном строю не имела успеха. Группа потеряла 25 коней и 7 человек личного состава. Укрепления Кашперовского шоссе равносильны укреплениям долговременной обороны переднего края с наличием четырехамбразурных дзотов, с секторами кругового обстрела.

Я решил: во избежание напрасных потерь прорываться через большак и передний край противника в пешем строю.

Приказываю: взять в походную колонну только самых сильных и выносливых коней, менее истощенных, специально для раненых и ослабевших бойцов и командиров. Часть люшадей передать партизанским отрядам из числа самых лучших. Весь остающийся конский состав забить. Туши сложить в бурты и засыпать снегом.

Приказ объявить всему личному составу».

Закончив чтение приказа, Жмолов устало присел на розвальни. Люди долго молчали. Это была жуткая, тягостная тишина. Она нарушалась лишь назойливым, пронзительным скрипом коновязей, которые яростно догрызали изголодавшиеся кони. Невыносимо было слышать эти звуки. Еще невыносимее было смотреть на темные, будто окаменевшие, суровые лица людей. Склонив чубатую голову, лейтенант Лавриненко с бессмысленным упорством долбил черенком плетки утоптаный, обледеневший снег. Сощутив и без того узкую прорезь глаз, Семен Хугандуков почему-то особенно пристально рассматривал оттопыренный матерчатый палец на рукавице. Сидевший рядом с ним сержант Баловнев мял большими руками комок снега... Юрий Чупров, часто моргая воспаленными от дыма глазами, записывал что-то себе в блокнот. У меня под полушубком огнем горело плечо, а внутри все как-то замерзло...

Слово взял Молостов. Он вел собрание. Григорий Илларионович сказал:

— Я думаю, что мы, коммунисты, в этот тяжкий для нас час вместе с нашим командованием разделяем моральную ответственность перед Родиной. Мы разъясним всему личному составу необходимость таких мер, которые приняло командование. У нас, товарищи, нет иного выхода. Так или нет?

— Раз так, пусть будет так! — громко сказал Лавриненко и, поднявшись, далеко забросил в кусты свою кистистую плеть. — Я бы фрицу даже конских костей не оставил! — проговорил он охрипшим голосом.

— Я думаю, пора кончать, товарищи? — сутулясь в своей синей куртке, негромко проговорил майор Федотов.

— Правильно, — подтвердил полковник Жмолов. — Мне кажется, что вопросы нашего собрания можно считать исчерпанными.

Молостов закрыл собрание, и мы медленно стали расходиться по своим местам.

Майор Федотов, закусив нижнюю губу, достал портсигар, вынул из-под серебряной крышки пожелтевший окурок, чиркнув спичкой, закурил, швырнул пустой коробок себе под ноги и, придавив его подошвой, прерывающимся голосом пропел:

— Э-эх вы, кони мои черногривые! — Потом, взглянув на небо, вынул изо рта окурок, добавил злобно: — Где вы там, тридцать три господ, хоть бы патрончиков подбросили, что ли!

Сунув в рот замусоленную сигарку, закосолапил к скрипящим на морозе коновязям...

Близился хмурый вечер января сорок третьего, военного года.

Мое повествование подходит к концу, и я опускаю отдельные скорбные детали нашего фронтового бытия... Да и нужны ли они? Сейчас я только номинально командую эскадрой. По существу все делают за меня Сергей Бодров, Лавриненко и Семен Хугандуков. Я едва держусь в седле, покорно подчиняюсь медленному ритму далеко растянувшейся колонны. Флейта иногда вскидывает голову и тоненько скулит... Она потеряла своего друга, когда-то резвого Сокола. Его хозяин, мой неразлучный боевой товарищ Калибек Мулдасанов, шагает рядом и все время молчит. Я знаю, о чем он думает, и мне тяжело читать его сокровенные мысли. Мои глаза часто застилает мутный туман. Мне жарко и душно, все время мучает жажда. Чем чаще я глотаю снег, тем больше мне хочется пить. Я прошу еще и еще... Но Калибек становится неумолим.

— Нельзя! — протестует он.

Мы идем по какой-то извилистой тропе среди притихшего пасмурного леса, и мне начинает казаться, что мы кружимся на одном месте. Вступаем, наконец, в редкое мелколесье. Вокруг нас темная, глухая ночь, только поскрипывает снег... Люди вяло движутся белой изломанной лентой, по-одному, в затылок друг другу. Изредка маячат, будто призраки, отдельные всадники, странно похожие на молочные бутылки... Сверху падает густой снег и нарастает на шапках белыми грибами. Мы не движемся, а страшно медленно тянемся. Десять минут идем и столько же стоим. Усталые люди падают на мягкий снег и мгновенно засыпают. Снег настолько глубок, что приходится выпускать вперед специальных топтунов, которые пробивают тропу, а затем уже по ней движется

вся колонна. Топтуны назначаются из самых сильных людей и сменяются каждые десять минут. А нам еще, черт побери, надо проходить этот злосчастный Кашперовский большак, а потом основную линию фронта.

Вдруг колонна надолго замерла на месте. Связной вызвал Бодрова к командиру полка, и Сергей почему-то очень долго не возвращался. Моя беспомощность раздражает меня... Кажется, двигаемся нестерпимо медленно, больше топчемся на одном месте.

Наконец в колонне зашевелились, начали куда-то передвигаться. Одни шли вперед, быстро и шумно обгоняя стоящих. Другие завертывали в сторону, третьи зачем-то шли назад, волоча на лыжах станковый пулемет. Я со злостью наблюдал эту несурязицу и хватал ртом холодные, освежающие снежинки.

Возвратился Бодров.

— Сейчас будем переходить большак,— подойдя ко мне, прошептал он.— Как ты себя чувствуешь?

— Да ничего... Спасибо... Чего это мы мечемся туда-сюда?

— Перестраиваемся в несколько колонн, а то вытянулись в такую колбасину...

— А эти зачем назад пошли?

— Партизаны. Группа прикрытия. Они нас проводят до линии фронта. Удалые, крепкие ребята. Все время дороге помогали топтать,— держась за луку, сказал Бодров.

— А как с заслонами на флангах? Кого туда послали? — стараясь отогнать от себя тревожные мысли, спросил я Сергея.

— Фланги обеспечивает майор Федотов. На него-то уж можно надеяться,— ответил Бодров.— Ты, Максимушка, не беспокойся. Держись крепче и не свались с седла. Проходить будем быстро, коротким броском. В случае чего, тебе помогут Баловнев и Хугандуков. Я распорядился.

— Обойдусь... Ты не обо мне беспокойся...

— Мне сейчас о всех думать приходится,— спокойно ответил Бодров и, потрепав Флейту за холку, возвратился на свое место.

С неба беспрестанно валится ласковая снежная каша и густо засыпает гриву коня. Снежинки падают мне на брови, липнут и тут же тают на горячих щеках. Холодящие капельки скатываются и попадают в рот. Я об-

лизываю сухие губы и большими глотками пью опьяняющий лесной воздух.

Люди снова зашевелились в колонне, сомкнулись плотнее и каким-то рывком устремились вперед. Мне почудилось, что мы шумно и громоздко катимся куда-то под гору. В томительном напряжении я жду пронизывающих пулеметных очередей, невольно клоню голову к шее коня, и кажется, что мой крахмальный гипс снова набухает горячей кровью...

Но вот уже Флейта ступает передними ногами на твердую ленту широкой, плотно укатанной дороги. От четкого шага ее подковы врезаются в скользкий лед, и она спокойно перемахивает через кювет. Идущих впереди людей быстро поглощает черная труба узкой лесной просеки, втягивает она и меня с конем.

Мы оказались чуть ли не головными и прошли через шоссе без единого выстрела. Однако задние скрытно проскочить не смогли. Шуму оказалось слишком много. Дремавший часовой, видимо, услышав шум, поднял тревогу. Над лесом вдруг лопнула голубая ракета. Тишину рванула пулеметная очередь. Противник бил только с южной стороны. Северный дзот молчал. По южной точке в ответ дружно ударили наши пулеметы, вслед за ними раздалось несколько взрывов, и сразу же смолкло.

Группа майора Федотова, состоявшая из партизан и кавалеристов-добровольцев, подползла заранее, блокировала дзот и закидала его гранатами. Были и у нас потери, но тем не менее Кашперовский большак, наконец, остался позади.

Войдя в лесную зону прифронтной полосы, после короткого привала группа двинулась дальше. Теперь уже близость переднего края чувствовалась по ярким вспышкам ракет и неумолкаемой артиллерийской и пулеметной стрельбе. Казалось, что наше приближение всполошило весь фронт. Лес гудел громовыми раскатами. Особенно выделялись своим ошеломляющим грохотом залпы гвардейских минометов. Колонна снова на ходу перестроилась и быстро пошла вперед.

Утром 6 января мы вошли в полосу расположения артиллерийских позиций противника и внезапно напали на орудийные расчеты с тыла. Головные подразделения, брызнув автоматными очередями, стремительно броси-

лись вперед. Остановить людей сейчас уже было невозможно. Они били гитлеровцев в упор, рвали телефонную связь, забрасывали гранатами вражеские блиндажи. Я тоже истступленно кричал «ура» и стрелял в кого-то из пистолета. Держась за стремя, рядом со мной бежал Калибек. Впереди, размахивая автоматом, прыгал через траншеи сержант Баловнев в белом комбинезоне, перехваченном командирскими ремнями, беспощадный в охватившей его ярости.

Остальное вспоминается, как в тумане, Флейта крупным шагом шла по снежному полю, рядом бежали и что-то орали наши люди, будоража все вокруг оглушительной стрельбой. Перед нами веером, в разные стороны, сыпались красные ракеты. Это нас встречали бойцы Калининского фронта. Помню, что мы въехали в лес, и я увидел бегущую ко мне навстречу Оксану. Она тогда с нами в тыл не прошла и осталась в санчасти. При виде ее белого полушубка у меня закружилась голова, и я потерял сознание...

— Это уже сверхъестественно, пожалуй. Именно только при таком медвежьем здоровье можно еще ехать на коне,— услышал я голос врача, когда пришел в чувство.

Открыв глаза, я увидел, что лежу на операционном столе, вокруг которого толпились люди в белых халатах. Я чувствовал, что лежу раздетый, и хотел крикнуть, что мне холодно... Но снова уснул, хотя слышал и чувствовал, как кто-то безболезненно копался в моем предплечье и тихо говорил кому-то, что тут накопилось много всякой «дряни» в виде шерсти от полушубка, битых костей и металлических осколков. Две такие железные штуки я по сей день таскаю в локтевом суставе. Доктор тогда все-таки не нащупал их своими нежными и твердыми пальцами.

Проснулся на другой день уже в медицинской палате. Напротив меня кто-то лежал под одеялом и тихонько напевал: «Прощай, любимый город, уходим завтра в море». Я в первый раз слышал эту песню, и теперь, когда слышу ее, у меня начинает першить в горле. Жена в шутку говорит, что мои глаза на мокром месте...

— Ты что, моряк, что ли? — спросил я певца.

— Ага! Оживел, наконец! — взглянув на меня, весело крикнул он и, сбросив одеяло, присел на койку. Раз-

глядывая меня веселыми темными глазами, он продолжал: — К тебе тут столько делегаций являлось, а ты все дрыхнешь...

— Какие делегации?

— Ну, друзья, наверное. Давай знакомиться. Майор Зимин, комбат. Вас мы встречали, ну, и прихватил осколочек... А тебя, я вижу, здорово покарябало. Что-нибудь надо? Я позову сестру. Может, выпить хочешь?

— Нет.

— А то налью.

— Спасибо. Воды хочу,— сказал я. Со вчерашнего дня я еще помнил освежающие кусочки снега, и меня не покидало чувство жажды.

Вошла медсестра, и я попросил чаю. Она быстро принесла большую металлическую кружку настоящего, сладкого, пахучего чая и белый сухарь. Я выпил его с наслаждением и снова задремал. Мне все еще чудились оружейные раскаты и треск пулеметных очередей. Сквозь дремоту я услышал шум за дверями палаты и голос медсестры:

— Куда я вас всех пушу? У меня и халатов-то столько нет.

— А мы по очереди! — раздался голос Сергея Бодрова.— Мы не задержимся, сестрица, нам ехать пора.

Видимо, друзья убедили медичку, и она впустила Сергея, Хугандукова, Калибека и Гришу Молостова. Они расселись кто где: кто — в ногах на кровати, кто — на белых табуретках, и начался наш последний, тихий разговор. Калибек отвернулся и молча посапывал носом. Хугандуков храбрился и пробовал шутить, но шутка не шла.

— Едем сегодня, однако,— проговорил он со вздохом.

— Куда? — спросил я.

— В свой корпус, конечно,— ответил Молостов.

— Как там ребята поживают? Сержант Баловнев, Громов, Лавриненко?

— Лавриненко командует эскадронами, — ответил Сергей.

— Сержант Баловнев нету, — хмуро сказал Калибек.

— Как так нет? — удивился я.

— Очень просто... Хоронили сегодня,— ответил Калибек.

Молостов с укором взглянул на него и покачал головой.

— А еще? — настойчиво спрашивал я.

— Да с остальными все вроде в порядке, — сказал Гриша. — В баню сходили. Кушнарев жинку встретил... Ну что же, Максим, будь здоров, лечись... Пиши, не забывай... Нам пора. Сейчас уезжаем.

— Погодите маленько!

— Не можем, — твердо сказал Молостов. — Времени у нас мало, да и тебя утомлять не следует. — Он поднялся, чисто выбритый и какой-то новый, сильно помолодевший, с угольно-черными усиками. Он навсегда именно таким сохранился в моей памяти.

— Гриша! — позвал я его. — Ты знаешь, возьми себе Флейту и побереги ее, а? — мне трудно было говорить.

— Ладно. Спасибо, друг.

— Не годится Флейт... — неожиданно сказал Калибек, смотря себе под ноги.

— Как не годится? — напряженно спросил я.

Калибек мягко пожал плечами.

— У него жеребенок будет, — сказал он неторопливо.

— Откуда? — удивился Хугандуков.

— Ты что, не знаешь, откуда жеребенки бывают? — ехидно произнес Калибек.

— Наверно, неграмотный, — сердито ответил Семен.

— Зато помнаштабовский жеребес грамотный... Это тогда август месяц был озорной. Мишка Сидоренко сделал, пускал жеребса, — деловито доложил Калибек.

— Ты посмотри, что они сотворили! — удивился Молостов.

— У Флейт весной будет жеребенок, — весело сказал Калибек. — В колхоз его надо отправлять, на конный завод...

— И тебя вместе с ней, — сказал Хугандуков.

— Мы еще не поедem, а воевать будем, — просто ответил Мулдасанов. — Пускай Флейт одна едет. Там есть люди, которые помогут жеребенков пасти...

И мы все попрощались.

Пощадив меня, они тогда не сказали, что во время перехода Кашперовского большака и линии фронта, кро-

ме Баловнева, мы потеряли убитыми много офицеров и двадцать рядовых пограничников. Позднее, узнав о гибели своих товарищей, я долго лежал в каком-то странном оцепенении и не слышал, как в палату вошла Оля. Поздоровавшись, она присела на табуретку. Оправив на коленях чистенький медицинский халат, Оля подала мне маленький свернутый треугольником конвертик.

— После прочтаете,— проговорила она шепотом.

Я согласно кивнул и сунул письмо под подушку.

— Сегодня уезжаю на курсы медсестер...

— Очень хорошо! — одобрил я, чувствуя, что Оля ждала совсем не такого ответа...

— Не знаю...— сказал она задумчиво.

— Это просто отлично, Оля! Желая вам успеха. Спасибо за все!

— Вам спасибо за рекомендацию. Прощайте.— Она вдруг вскочила, тонкая, гибкая под белым халатиком и, сжав руки, попросила письмо обратно. Не возражая и не спрашивая, я достал конверт и молча вернул. Разорвав письмо на две половинки, она сунула скомканные бумажки в кармашек и скорыми шажками вышла из палаты. Я до сего времени не знаю, что было написано в этом письме...

— Слушай, капитан,— сказал проснувшийся майор Зимин.

— Слушаю...

— Это что, была сейчас твоя фронтовая дюймовочка?

— Знаешь что, майор?

— Не знаю, капитан...

— Я не выношу пошлых людей. Понял?

— Ну, а я презираю подлецов! — ответил он мне зло и громко. Майор скомкал одеяло и швырнул его на ноги.

— Вы с ума спятили! — сказал я.

— Я не спятил! Ты думаешь, что я спал и ничего не видел? У тебя даже не нашлось для нее теплого словечка! На курсы порекомендовал!.. Благодетель! Да что она, по-твоему, деревянная, что ли? Жалко, что ты полудохлый, а то устроил бы тебе флотскую баню!

Ошеломленный его вспыльчивостью, искренним гневом, я не успел вымолвить ни единого слова. Майор схватил халат, накинул его на плечи и, выбежав в прихожую, кому-то кричал:

— Немедленно переведите меня в другую палату. Не могу я тут лежать, а то и совсем уйду!

Минуту спустя санитары внесли носилки, упаковали меня в теплый стеганый конверт, вынесли и положили в стоявший у входа автобус.

Ночью я уже качался в санитарном вагоне и с отчаянием в сердце думал, что не успел по-человечески поговорить и объясниться с моим соседом по палате.

...Почти весь месяц я пролежал в госпитале в Уфе и в конце августа выписался с ограниченной годностью. За это время я написал шесть тетрадей своих воспоминаний. Писал в любое время дня и ночи, яростно борясь с томительной госпитальной ленью и скукой. Когда закончил, перечитал, обрадовался так, будто выиграл еще один бой, но в то же время... испугался своего откровения и спрятал тетради на дно чемодана.

На станцию шел с чувством нового и удивительно молодого восприятия жизни. Мне сейчас все нравилось. Августовский день казался самым лучшим от рождения. Солнце сияло, как обширная лысина чудесного хирурга профессора Кадырова, и тепло улыбалось, как его высокая чернобровая жена. Они кололи, резали, штопали нас всегда вместе и спасли, наверное, не одну сотню жизней...

Я ехал повидать Глашу, двухмесячного сына Мишку, маленького чудака Мишку, найденного в Шемелинском лесу под разлапистой елкой... Мне предстояло еще одно нелегкое объяснение с Корнеем Ивановичем Пластуновым по поводу гибели Горносталя. Из госпиталя я написал об этом очень коротко и по существу ничего не объяснил. После долгих и мучительных раздумий я послал такое письмо в феврале. Недавно получил от Глаши ответ:

«Ты не представляешь, Максимушка, что творится у нас дома. После немцев кругом ужасная разруха. Батяка и без того смотрел на меня как на прокаженную, а тут еще твое ужасное письмо о Горностаюшке, а я в таком положении... хожу последние месяцы. Тимошка, когда узнал, что конь убит, несколько дней ничего не ел. Все

меня винят, чураются, будто я убила эту несчастную лошадь... Отец так забунтовался, собирается ехать в вашу часть. Из письма майора Федотова он узнал, что ваш полк перебросили ближе к нам, на Брянский фронт. Если бы только ты знал, если бы только чуяло твое сердце, что мне пришлось пережить за то время, когда от тебя не было писем. Ах, боже мой! Зачем ты еще написал о твоей какой-то новой лошади? Старик готов был поджарить меня живую на костре... Наши колхозные кони почти все погибли. Когда мы ехали от немцев в горы и угоняли скот, на нас напали бандиты, отбили часть скота, особенно много захватили коней, и увели на оккупированную территорию. В этой банде был и Роман Шур. Сейчас его поймали и будут судить, как предателя. Но ведь коней-то все равно нет, даже пахать и сеять не на чем.

Сейчас мои дела такие, что я из дому ушла и живу теперь у Голенищевых. Если бы не Савва и Катя, я бы, наверное, совсем пропала. Хотела к тебе ехать в Башкирию, да куда я поеду в таком виде.

Не знаю, когда я тебя увижу и что со мной будет...».

Так мне писала Глаша в начале марта. В марте родился этот бузотер Мишка и таскает теперь деда за бороду. Корней Иванович, как писала Глаша, вернувшись из своего мытарского путешествия на фронт, со всем смирился. Приехал в больницу, забрал внука и Глашу к себе и с нетерпением поджидает меня для расправы.

Я иду по перрону уфимского вокзала, сверкаю орденами, шеголеватю, нарочито громко позваниваю шпорами и, как молодой, только что родившийся лейтенант, скриплю до блеска начищенными сапогами. Я счастлив! Праздничное солнце насыщает меня сладостной, животворящей любовью к жизни! Я счастлив тем, что наши части на Южном фронте взяли Казачью Лапань, штурмуют Харьков, Чугуев. На Брянском мои однополчане форсировали Десну и подходят к Брянску. С кубанской хлебородной земли давно уже гитлеровцев вышибли. Я шагаю в настроении тихой, одному мне понятной радости и готов поцеловать вон тех темноволосых, веселых башкирят и того бородатого, в тубетейке, продавца пахучих дынь. Он мне чем-то напоминает Хафиза Биктяшева, который почти каждый день, скрипя протезом, на-

вещал меня в госпитале и сейчас должен приехать на вокзал. Он работает в городе помощником военного коменданта. Разыскать его мне было нетрудно. Хафиз — герой, о его доблестных делах писали все башкирские газеты. При его содействии мне сшили тут полную казачью форму.

— Какой ты, Максим, красивый, а! — выходя из машины, сказал Хафиз. — Прямо атаман Платов!

— Ты сам нарядил.

— Неужели я тебя должен отпустить замухрышкой?

Мы то весело шутим, смеемся, то немножко грустим, вспоминая наше боевое прошлое. Стоим в обнимку до последнего звонка, и я уже на ходу, глотая непрошеную слезу, прыгаю на подножку вагона. Опираясь на палку с резиновым наконечником, Хафиз одиноко стоит на перроне и долго машет мне кудрявой, с малиновым верхом папахой. Я вхожу в купе мягкого вагона и почти беспробудно сплю до самой Москвы.

В отделе кадров Главного управления войск мне неожиданно вручили копию приказа о присвоении звания майора и назначение в распоряжение начальника войск Грузинского округа.

— Будете командовать кавалерийским эскадронам, — неофициально говорит мне офицер отдела кадров.

Молодость всегда немножко грешна излишней самоуверенностью. Впервые нацепив офицерские с двумя просветами погоны, я с гордостью шел по улицам столицы, кося глаз на золоченую майорскую звездочку, считал себя именно тем командиром, которому доподлинно известны все сокровенные тайны стратегии и тактики... На площади, как мне казалось, я очень ловко, но немножко преждевременно откозырял двум московским девушкам в аккуратной милицейской форме. Они тоже приложили ребрышки ладоней к своим пилоткам и смущенно улынулись. В вагоне поезда я уступил нижнее место пожилой косматой даме, которая утром оказалась... ехавшим до Ростова священником... Вот до чего могут довести радость и самообольщение!

Когда в Орле я увидел изуродованную, пустоглазую коробку бывшего вокзала, разбитую снарядами и выщербленную пулями штукатурку, а дальше начисто сожженные, с тоскливо торчащими трубами деревни, я начал постепенно остывать.

Наш поезд двигался медленно, на стоянках все чаще стали появляться до фундаментов разрушенные станционные постройки, а около них группками стояли худенькие, зеленолицые ребяташки в рваных рубашонках, протягивая костлявые ручки к окнам вагонов. Вспомнив наших самохинских «заготовителей» в хмуром Медведовском лесу, я начал потрошить свой харчевой мешок и роздал все полученные по госпитальному аттестату запасы.

При виде изнуренных детей у меня начинало меркнуть чувство предстоящей радости. Оттого, что я счастливый и сытый еду не на фронт, а куда-то домой, мне становилось неловко и стыдно. Ворочаясь на жесткой полке с боку на бок, я долго не мог заснуть. Волосатый поп, которого я принял в темноте за старую женщину, раздражал меня своим непрерывным чаепитием и слащавой, неискренней улыбкой на одутловатом, холеном лице. В Ростове он высадился. Сошли и остальные пассажиры. Нижние места в нашем купе занял какой-то офицер с женой и многочисленными узлами и чемоданами. При синем, едва мерцавшем свете я не разглядел лиц моих новых спутников. Повернувшись к стенке, тревожно уснул.

Проспал я очень долго. Пробудившись, с тоской думал, как медленно тянется время. Опоздавший на несколько часов поезд давно выбился из расписания и теперь останавливался на всех станциях и полустанках. Я слышал, что соседи мои давно уже встали и приступили к завтраку.

— Майор-то, наверное, наш казак кубанский,— проговорила женщина.— Тоже, видать, кавалерист...

— Ясно, что не милиционер,— тоненьким знакомым тенорком ответил военный.

Я вздрогнул, открыл глаза и повернул голову. Видимо, прихотливой судьбе угодно было столкнуть нас с Антроповым в этом душном, пахнущем краской купе. Самым поразительным были не капитанские погоны на плечах Антропова — на его груди орден Ленина и Золотая Звезда Героя. Шикарный, из дорогого сукна китель небрежно расстегнут, сытое загорелое лицо и усталые воспаленные глаза. Перед ним стояла начатая бутылка водки, тут же розовели куски свиного сала и домашней колбасы. Сам он вяло грыз куриную ножку.

— Здравствуй, Антропов! — внушительно проговорил я и, подавляя изумление, быстро спрыгнул с верхней полки.

Антропов, выпустив из рук куриную кость, застыл с открытым ртом. На пухлой, чуть-чуть отвислой губе лоснился куриный жирок. Утерев платком подбородок, он вскочил и растопырил для объятий руки. Я как-то инстинктивно от него отстранился. Стараясь сдержать волнение, поздоровался запросто и присел рядом с молодой, очень миловидной женщиной.

— Это Зина, моя жена. Познакомься! — довольно сказал Антропов.

— Очень приятно, — пожимая маленькую, пухлую руку женщины, сказал я, сознавая, что говорю неправду. Антропова я сейчас ненавидел еще больше, а его жену мне почему-то было жаль. Она налила нам по полстакана водки. Я поздравил его с высокой наградой, и мы выпили. Зина с нами не пила. Мы вспоминали наших общих знакомых и сумбурно перескакивали с одного события на другое. Антропов то мрачнел, то начинал горячо восторгаться нашими действиями в тылу противника. Нас обоих угнетала неискренность и скрытая неприязнь. Вдруг Антропов сказал жене:

— Мы тут порядком надымили. Иди-ка ты в коридор и подыши свежим воздухом. Собираться будем, ведь скоро выходить. — Он назвал ближайший курортный городок, где после госпиталя работал в военкомате.

— Расскажи, за что получил звездочку? — когда Зина вышла, спросил я. Мне почему-то было трудно задавать этот вопрос, но я все-таки его задал.

— Длинная история, — ответил Антропов неопределенно. — Да и не люблю я об этом говорить...

— Не хочешь, не нужно, — согласился я.

— Может, ты расскажешь? — подняв на меня глаза, спросил он.

— Откровенно? — в упор спросил я.

— Я не барышня... в обморок не упаду, — сказал он сухо.

— Если бы ты прорвался тогда с нами в тыл, ты знаешь, что тебя ожидало?

— Знаю. Расстрел. Но теперь чихать я на все хотел! — Антропов трясущимися руками налил себе полный

стакан водки и залпом выпил. Устало поднявшись, он причесал жидкие волосы перед зеркалом, сказал вошедшей жене:

— Давай, Зина, складывай шмутки. Скоро наша остановка.

Я вышел из купе и встал у открытого окна. Было очень жарко. Мимо плыло раскаленное небо, клубившееся над кубанскими садами серой военной пылью. В бомбовых воронках вода уже высохла, а рваные края жирной земли начинали прорастать желтоватой, пожухшей на солнце травкой.

С Антроповым мы расстались почти враждебно. Он понимал, что я не мог ему простить жертв Хлепенской долины, да и не хотел прощать. Не прощаю и до сих пор и отвечаю за это своей совестью.

На станцию Отрада Кубанская я прибыл в одиннадцать часов утра. В этот день мои часы и солнце сделали очень медленный круг и вымотали всю душу. Я вышел из вагона с глубоким в сердце трепетом, в надежде увидеть Глашу. Я был уверен, что она меня встретит. Ведь мы так долго и мучительно ждали этой минуты. Но Глаши не было. Около станционной постройки толпились женщины с мешками и чемоданами. Мимо прокатился на чугунных колесиках безногий солдат и приветливо помахал мне беспалой рукой. Потом за крикливой толпой женщин показался высокий, седоусый, смуглый казак в бурке и решительно направился ко мне. Его пристальный взгляд темных глаз и скупая, осторожная, чуть растерянная улыбка на морщинистом лице подсказали мне, что это мой нареченный тествюшка, и вовсе не такой уж грозный на вид. Родитель Глаши узнал меня сразу.

— Вы; конечно, и есть тот самый Бражник? — сказал он и подал мне огромную, жесткую от мозолей руку.

— Так точно! Я самый, — ответил я.

— Добре. А я, значит, Пластунов. Ну, здравствуй, казак! — добавил он приглушенным голосом.

— Здравствуйте, отец. — Мы запросто обнялись и трижды поцеловались.

— Отец, так нехай буде батька... Хотя вы меня уже зараз дедом сделали... Видно, тому и быть. Пошли, золотопогонник, нас там кони ждут...

Мы обогнули станционную будку и сразу же очути-

лись на площади. За дощатым сломанным забором пышный сад отсвечивал на солнце желтоватыми плодами груш и яблок. У старой, наверное, еще дореволюционной, испачканной в дегте коновязи стояла легкая кубанская линейка, запряженная парой рыжих белоногих коней, рядом были привязаны две оседланные верховые лошади. Около них с ременным в руках кнутиком торчал загорелый коренастый подросток в сплюсненной, выгоревшей на солнце пилотке и улыбочиво наблюдал, как высокую, черногривую, под казачьим седлом кобылицу сосал тонконогий, голенастый жеребенок темно-серой масти. Резко тыча мордой в опустошенное вымя, он игриво помахивал коротким пушистеньким хвостом. Увидев нас, парнишка, разительно похожий лицом на Глашу, повесил кнут на плечо, начал быстро и суетливо снимать с крайнего коня брезентовую торбу.

Кобыле, видимо, надоела жадная жеребьячья ненасытность. Предупреждающе фыркнув, она легонько отвернула гладкий, круто выгнутый зад и, став к нам боком, подняла свою маленькую, красивую, до сердечной боли знакомую голову.

Я выпустил из рук чемодан и едва не задохнулся от внезапно нахлынувшего чувства. Передо мной стояла Флейта. Не прежняя, истощенная, измотанная в боях, а сытая, вылинявшая до шелковистой гладкости, но моя храбрая Флейта, которую я бы узнал среди тысячи лошадей.

— Признаешь? — самодовольно пряча в седых усах улыбку, спросил Корней Иванович.

Я все еще не мог обрести дара речи от поразившего меня изумления.

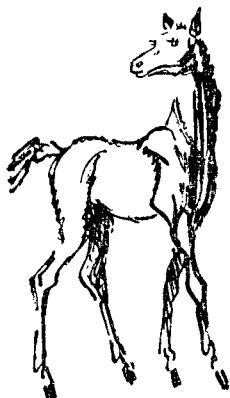
— Мы приехали с ней еще в апреле. Взял я ее аж под Ефремовом, на формировке. Без звука отдали... Жеребая была потому что, — степенно рассказывал Пластунов. — Тимофей! Иди до нас, чего ты там копаешься?

Тимоша посмотрел на меня смущенно и перелез через перекладину коновязи.

В это время насосавшийся жеребенок бойко лягнул свою собственную тень и, задрав пушистый хвостик, поднял узенькую, на неокрепшей шее головушку. Он изучающе глядел на меня озорными жеребьячьими глазами, как будто спрашивая: «Кто ты такой?»

Улыбнувшись этому маленькому, великолепному дикарю, я мысленно ответил ему приблизительными словами из одной прекрасной книги:

«Самое умное, чего достиг человек, — это умение любить природу... От природы родилось все прекрасное на земле, в том числе и ты, счастливый дурень! Понял?»

Павел Ильич Федоров

ВСАДНИКИ И КОНИ

Роман

*

Редактор Ю. С. Новиков
Художественный редактор Р. Г. Алеев
Технические редакторы Р. А. Медведева
и В. А. Авдеева

*

Сдано в набор 9/VI-62 г. Подписано к печати 3/VIII-62 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 9,5. Усл. печ. л. 15,58. Уч.-изд. л. 16,6. Изд. инд. ХЛ—469. А 04932. Тираж 100 000 экз. Цена в переплете 65 коп. Заказ 453.

*

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

*

Полиграфический комбинат Ярославского совнархоза, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Вышли из печати

Артищев Валерий. Чистый факел. Повесть, 156 стр., цена 24 коп.

Герои повести — рабочие крупного завода, одного из больших уральских городов. О радости труда, о любви, суровой и требовательной, о настоящей дружбе рассказывает эта книга.

Леонов Леонид. Вор. Роман, 684 стр., цена 1 руб. 36 коп.

Действие романа происходит в Москве во времена нэпа.

Центральный образ романа Дмитрий Векшин, красный боец, воспринявший будни революции как измену высоким принципам гражданской войны и из мести обществу ставший вором. С большой сатирической силой разоблачены мещанство, корыстолюбие.

Карцев А. Магистраль. Роман, 560 стр., цена 1 руб. 09 коп.

Роман посвящен нескольким поколениям строителей наших железных дорог. Роман охватывает по времени действия период с первых советских лет до 1940 г.

Рыленков Николай. Статьи о поэзии, 136 стр., цена 28 коп.

Книги продаются в магазинах книготоргов и потребительской кооперации.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Вышли из печати

Петров Е. Космонавты. Записки руководителя группы. 128 стр., цена 17 коп.

Автор рассказывает о советских космонавтах, о том, как они живут, как работают и готовятся к очередным космическим полетам.

Куприн О. Влюбленный человек. 104 стр., цена 13 коп.

Эта брошюра о самом большом богатстве, которые есть в нашей стране,— о наших людях, о мечтателях, об увлеченных душах, о людях, которым не чуждо ничто человеческое. Это рассказ о хозяевах будущего коммунистического общества, он знакомит читателя с рабочими, колхозниками, инженерами — с людьми, страстно влюбленными в жизнь, в труд, в дело своих рук.

Твой молодой современник. Сборник. 80 стр., цена 11 коп.

Сборник открывается словом к юности писателя Вл. Лидина, затем следуют письма и очерки. Их авторы — сами герои славных дел, простые и замечательные парни и девушки, мечтатели, энтузиасты, живущие по законам морального кодекса строителя коммунизма.

В рассказах и очерках отражен духовный мир нашей молодежи.

Петербургский А. В. Д. Н. Прянишников и его школа. Серия «Гордость сельскохозяйственной жизни». 112 стр., цена 14 коп.

Автор книги, ученик и последователь академи-

ка Прянишникова, в доступной форме излагает основные положения его учения.

Улесов А. Ответ моим корреспондентам. 80 стр., цена 10 коп.

Автор книги — знатный человек нашей страны. Типичный представитель современного поколения советских рабочих, живет богатой разносторонней жизнью, близко к сердцу принимает общественные проблемы наших дней.

Улесов получает много писем от соотечественников и из-за рубежа. Настоящая брошюра является ответом на письма, которые Улесов получил после опубликования в «Правде» его статьи «Тунеядцы».

Книги продаются в магазинах книготоргов и потребительской кооперации.

65 коп.

0-50

· С О В Е Т С К А Я Р О С С И Я ·

BUCKLE UP
AND
SAVE
LIVES